

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Ароморфоз категории «труд» в рамках глобальной трансформации общества: знание, творчество, нономика * Белые пятна в ортодоксальной экономической теории * Трансформация рынка труда и экономическое развитие России * Мегaproекты и их роль в научно-технологическом и социально-экономическом развитии России на перспективу * Базовый доход и гарантия занятости: совместная платформа для труда в условиях высокотехнологичного производства * Рынок труда в России: демографические вызовы и территориальные дисбалансы * Региональные интеграционные процессы в условиях глобальной ноотрансформации *

№2 (84)

2025

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ**
№ 2(84) 2025

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 27.08.2012 г. ПИ № ФС77-50990).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Санкт-Петербургской
региональной общественной организацией
ООО «Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опублико-
ваны основные научные результаты диссертаций на соиска-
ние учёных степеней доктора и кандидата наук (Решение
Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки
России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включён в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, e-mail: evg@iniir.ru

Подписано к печати 26.05.2025 г.
Дата выхода в свет 01.06.2025 г.
Формат 84 x 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 11,2.
Тираж 1000 экз. Заказ 25486.

Свободная цена
Общество с ограниченной ответственностью
«Типография «НП-Принт» 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7

© ИНИР им. С. Ю. Витте:
составление, редакционная подготовка, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук,
профессор, чл.-корр. РАН;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд.
экон. наук;
С. С. Бодрунова, д-р полит. наук, профессор;
А. И. Колганов, д-р экон. наук, профессор;
В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им.
С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством
Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР – С. Д. Бодрунов

Полное или частичное воспроизведение материалов, содер-
жащихся в настоящем издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Р. Бахтизин, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, иностранный член РАН,
профессор Техасского университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Б. Н. Порфирьев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Я. П. Силин, д-р экон. наук, профессор

ECONOMIC REVIVAL OF RUSSIA
№ 2(84) 2025

Academic periodical publication

Originally established in 1915 by the Economic Revival of Russia Society; current founder – *S. D. Bodrunov*

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(*Mass Media Registration Certificate PI No. FS77-50990 of 27.08.2012*).

**Published by S. Y. Witte Institute
for New Industrial Development (INID)**

in cooperation with St. Petersburg Regional Division
of National Public Organization Free Economic
Society of Russia

Included in the List of Top Peer-Reviewed Academic Journals and Publications recommended for publishing main research findings from prospective doctoral dissertations (*Resolution of the Presidium of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia of February 2, 2012 No. 8/13*).

The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and posted on the Scientific Electronic Library (SEL) website.

Editor's office and publisher address:
16 Bolshaya Monetnaya St. 197101 St. Petersburg, Russia
Tel.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: evr@inir.ru
Signed to print on 26.05.2025.
Date of publication 01.06.2025.
Paper size 33.1 x 46.8 in. Offset paper.
Printer's sheets: 10,5. Conventional printer's sheets: 11,2.
Circulation: 1000 copies. Order No 25486.

Free pricing
Limited Liability Company "NP-Print Press"
Chkalovsky Pr., d. 15, lit. A, korp. 7
197110 St. Petersburg, Russia
© S.Y. Witte INID:
compilation, editing, 2024

EDITORIAL BOARD

S. D. Bodrunov, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor;
A. A. Zolotarev, Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in Economics;
S. S. Bodrunova, Doctor of Political Sciences, Professor;
A. I. Kolganov, Doctor of Economics, Professor;
V. A. Plotnikov, Doctor of Economics, Professor

S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) is operating under the research and methodological direction of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences.
INID Director – *S. D. Bodrunov*

Materials included in this publication may be reproduced in whole or in part with written permission from the publishers, in which case you are compelled to provide a citation referencing the *Economic Revival or Russia* journal.

**MEMBERS OF
THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD**

A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
A. R. Bakhtizin, Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS);
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the University of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
B. N. Porfrieiev, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
Y. P. Silin, Doctor of Economics, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

X Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2025): «Труд и трансформация общества: знание, творчество, ноономика»	
<i>Бодрунов С. Д.</i> Ароморфоз категории «труд» в рамках глобальной трансформации общества: знание, творчество, ноономика	5
<i>Аганбемян А. Г.</i> Мегапроекты и их роль в научно-технологическом и социально-экономическом развитии России на перспективу.....	21
<i>Маевский В. И.</i> Белые пятна в ортодоксальной экономической теории.....	40
<i>Бахтизин А. Р.</i> Трансформация рынка труда и экономическое развитие России	57
<i>Лэйн Д.</i> Базовый доход и гарантия занятости: совместная платформа для труда в условиях высокотехнологичного производства.....	71
<i>Шабунова А. А.</i> Рынок труда в России: демографические вызовы и территориальные дисбалансы.....	85
Проблемы развития экономики	
<i>Молчанов И. Н., Молчанова Н. П.</i> Региональные интеграционные процессы в условиях глобальной ноотрансформации.....	97
<i>Литвиненко А. Н.</i> Постсанкционные угрозы экономического обеспечения национальной безопасности России: содержание и направления противодействия.....	111
Экономика предпринимательства и инновации	
<i>Алимурадов М. К.</i> Методологические основы и практика организации процесса реализации региональной финансовой стратегии.....	124
<i>Лозина Ю. А.</i> Управление интеллектуальными элементами инновационного процесса как фактор повышения эффективности организации.....	134
<i>Хотеева Е. А., Шабеева С. В.</i> Стратегическое значение миграции в кадровом обеспечении Арктической зоны России	148
X Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2025) на тему: «Труд и трансформация общества: знание, творчество, ноономика».....	163

CONTENTS

10th Saint Petersburg International Economic Congress (SPEC-2025): Labor and Societal Transformation: Knowledge, Creativity, Noonomy

<i>Bodrunov S. D.</i> Aromorphosis of the "Labor" Category as Part of the Global Societal Transformation: Knowledge, Creativity, Noonomy.....	5
<i>Aganbegyan A. G.</i> Megaprojects and Their Role in Russia's Long-Term Scientific-Technological and Socio-Economic Development	21
<i>Maevsky V. I.</i> Blind Spots in Orthodox Economic Theory	40
<i>Bakhtizin A. R.</i> Labor Market Transformation and Economic Development of Russia	57
<i>Lane D.</i> Basic Income and Job Guarantee: A Joint Platform for Labour under High Tech Production	71
<i>Shabunova A. A.</i> Labor Market in Russia: Demographic Challenges and Territorial Imbalances.....	85

Economy Development Challenges

<i>Molchanov I. N., Molchanova N. P.</i> Regional Integration Processes in the Context of Global Nootransformation.....	97
<i>Litvinenko A. N.</i> Post-sanctions Threats to the Economic Support of Russia's National Security: Substance and Areas of Counteraction	111

Business Economics and Innovation

<i>Alimuradov M. K.</i> Methodological Basis and Praxis of the Organization Process of the Regional Financial Strategy Implementation.....	124
<i>Lozina Y. A.</i> Managing Intellectual Elements of the Innovation Process as a Factor of Increasing Organization Efficiency.....	134
<i>Khoteeva E. A., Shabaeva S. V.</i> Strategic Importance of Migration in the Staffing for the Arctic Zone of Russia.....	148

10th Saint Petersburg International Economic Congress (SPEC-2025): Labor and Societal Transformation: Knowledge, Creativity, Noonomy	163
--	-----

X САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СПЭК-2025): «ТРУД И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ЗНАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО, НООНОМИКА»

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-5-20

С. Д. Бодрунов¹

АРОМОРФОЗ КАТЕГОРИИ «ТРУД» В РАМКАХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ЗНАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО, НООНОМИКА²

В статье рассматривается проблема изменений в содержании труда в условиях глубоких цивилизационных сдвигов, начавшихся в последние десятилетия. Назревающий кризис социально-экономической системы человеческой цивилизации ведёт к переходу этой системы на некоторый новый этап развития, определяемый в статье как ноономика. При этом основой намечающихся изменений является растущая роль знаний в процессе производства, что приводит к росту знаниеинтенсивности технологий производства и знаниеемкости продукта производства. Такое изменение роли знаний приводит и к изменению содержания труда. Он также становится знаниеинтенсивным. Для того, чтобы знание в процессе труда имплементировалось в продукте труда, необходимым моментом процесса труда выступает творчество. С ростом знаниеинтенсивности труда не только возрастает роль творчества, но увеличивается и творческий потенциал занятого таким трудом человека. Это ведёт к росту производительности труда, а вместе с этим – и к сокращению времени необходимой трудовой деятельности человека. Человек постепенно уходит из непосредственного трудового процесса. На практике изменение содержания труда находит отражение в росте интенсивности инновационных процессов и возрастании значимости так называемых «креативных индустрий». Данная тен-

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, 16), президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, e-mail: inir@inir.ru.

² Подготовлено по материалам пленарного доклада на X Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2025) «Труд и трансформация общества: знание, творчество, ноономика» (08–09 апреля 2025 года).

денция, явственно проявившая себя в развитых странах, требует целенаправленной поддержки в экономике России.

Ключевые слова: знание, труд, знаниеинтенсивность, творческая деятельность, ноономика, креативные индустрии

УДК 330.352

Последовательно, шаг за шагом, нами велось исследование механизмов трансформации современной экономики. Отталкиваясь от фундаментальных представлений о роли феномена «знание» в этом процессе, мы установили его, знания, принципиальную роль в формировании механизмов удовлетворения потребностей человека, возникновении и развитии экономики и общества [1, с. 19; 2, с. 138].

При этом мы показали, что современная социально-экономическая система в рамках своей трансформации, базисом и движущей силой которой является имплементирующийся в общественное производство научно-технический прогресс, подошла к особому этапу своего развития – своеобразной точке «бифуркации», говоря языком теории системного анализа. Современное состояние социально-экономической системы определяется как многофакторный кризис развития системы, причём – одновременно по многим векторам (экономическому, технологическому, социальному, культурному, ценностному и другим).

Понятно, что кризис всегда чреват различными последствиями. В данном случае – радикальными последствиями для судьбы человеческого общества, определения путей дальнейшего существования и траектории развития цивилизации [3–5].

Данная проблема, т.о., предельно актуальна.

Попытки оценить её глубину, найти драйверы её позитивного разрешения в последнее время делаются многими теоретическими школами. В теории ноономики, предложенной нами в рамках работ Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, в ходе обсуждения этой проблемы на различных научных конференциях было показано, что траектория глобального развития направлена по вектору от современного социально-экономического устройства, «сверхкапитализма», как говорят геополитэкономы, или – продвинутой формы «Нового индустриального общества», описанной Джоном Кеннетом Гэлбрейтом (рис. 1), через формирование пятого-шестого технологических (ТУ) и Интегрального мирохозяйственного (МХУ) укладов, исследованных академиком С. Ю. Глазьевым, к «Новому индустриальному обществу второго поколения» (НИО.2) [6, 7].

Принципиальное отличие последнего состоит в зарождении седьмого технологического уклада, в котором впервые превалирующим ресурсом общественного производства и, соответственно, сохраняющегося – но качественно меняющегося – индустриального способа удовлетворения потребностей, становится в отличие от предыдущих технологических укладов, Знание, а не материальные ресурсы. При этом последующее цивилизационное развитие в этом направлении создаёт объективные предпосылки для дальнейшей трансформации экономики в ноономику, а социального устройства – в ноообщество.

Этот процесс поэтапной трансформации нами назван «ноопереходом»; его закономерности и детальное описание представлены в нашей совместной с академиком С. Ю. Глазьевым монографии «Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать», что освобождает меня от

детализации характеристик и параметров как нооперехода, так и описания различных связанных с ним индустриально-технологических, экономических, социальных и гуманитарно-ценностных эффектов [8].

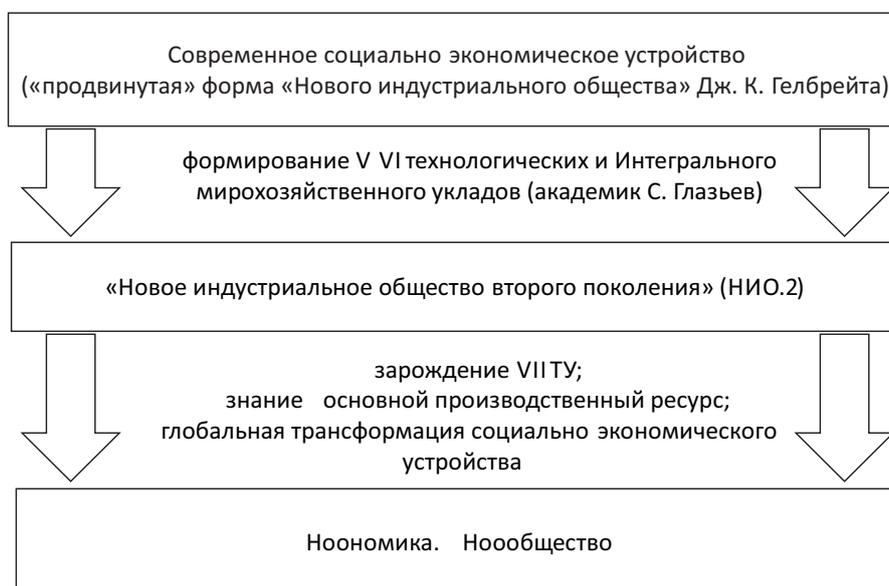

Рис. 1. Траектория глобального развития

Однако, в целях полноты изложения, упомяну о том, что факторами и одновременно драйверами нооперехода являются составные части так называемой «*квадриги ноономики*» (рис. 2) – четвёрки векторов развития: это – научно-технический прогресс, диффузия собственности, социализация общественного устройства и идеология солидаризма (квадрига ноономики) [9].

Рис. 2. Траектория глобальной ноотрансформации общества

Исследуя *первый* из этих векторов, НТП, мы пришли к выводу, что в его основе лежит Знание, и особенно – научное, наполнение которым человеческой деятельности обеспечивает т.н. «*ускорение ускорения*» НТП. Мы показали, в частности, что деграда-

ция механизмов имплементации знания в производство (рис. 3) приводит к деиндустриализации экономики, редукции всех его компонент и в итоге – декомплицированию, упрощению как производства, так и продукта в качестве его результата, и, соответственно, снижению возможностей удовлетворения общественных потребностей.

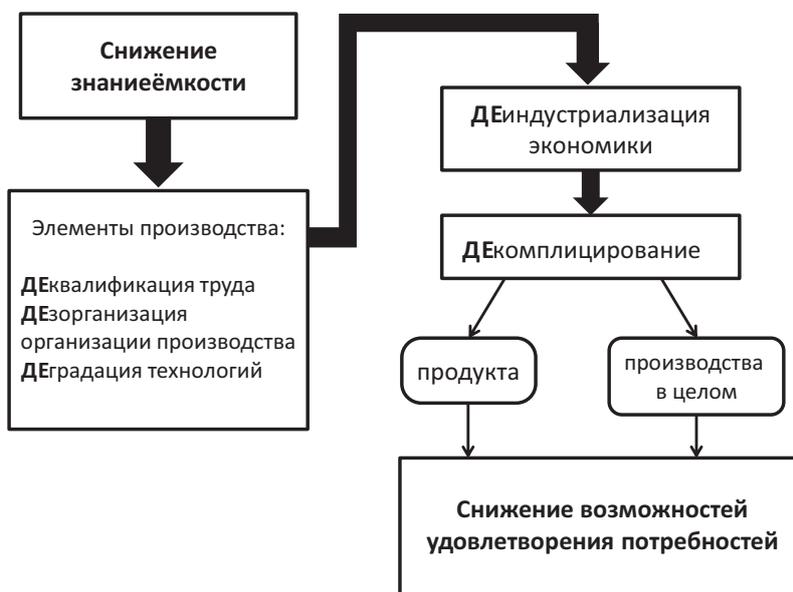

Рис. 3. Деграадация механизмов имплементации знания в производство

Напротив, *усиление* знаниевой компоненты в производстве, увеличение доли знания в любых компонентах производства и в его продукте такие возможности *возвышает*. Уровень, характеризующий долю знания в общественном продукте, мы назвали знаниеёмкостью, а уровень ускорения имплементации знания в компоненты производства – знаниеинтенсивностью производства [10, с. 69]. Мы с вами показали, что важнейшим фактором интенсивного и эффективного, позитивного с точки зрения социальных эффектов развития экономики являются а) отказ от парадигмы постиндустриализма и неолиберальной платформы в экономике и б) её реиндустриализация на базе знаниеёмких технологий наиболее продвинутых технологических укладов, обеспечивающих удовлетворение потребностей всё более знаниеёмким продуктом как результатом знаниеинтенсивного производства.

Завершив этот небольшой вступительный экскурс в наши предыдущие исследования, обратимся теперь к проблеме трансформации такой важнейшей компоненты общественного производства и экономической категорией, как «труд».

Нам предстоит ещё раз, теперь – с означенных выше позиций – оценить роль и место труда в изменяющемся общественном производстве, и, что ещё более важно, рассмотреть трансформацию самого труда.

Очевидно, что труд как и другие компоненты производственного процесса, обеспечивающего удовлетворение потребностей людей, вместе с качественным изменением собственно производства, его содержания и структуры, также *не может не меняться* – по своему, в первую очередь, содержанию, своему месту в удовлетворении потребностей, своей роли в обществе.

Эти изменения, отметим, также обусловлены повышением значения знания как фактора производства. Мы наблюдаем **две тенденции**: а) *возрастание места знания в производстве, как в процессе, и в т. ч. – в труде как его компоненте, так и его доли в продукте*; и б) *возрастание роли знания в общественном производстве и социально-экономическом развитии в целом*, в очевидном соответствии с известным из теории ноономики так называемым «крестом» (рис. 4), описывающим тенденции изменения знаниеёмкости производства [10, с. 72].

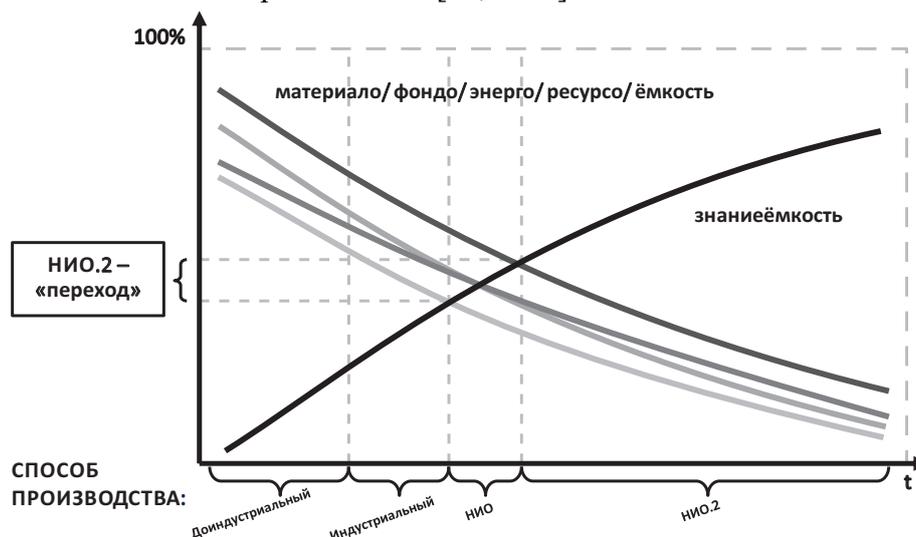

Рис. 4. Тенденции изменения знаниеёмкости производства

Данный процесс изменения роли и места труда является собой, *с одной стороны, драйвер нооперехода*, обеспечивающий его материальную базу, а также базу развития других векторов квадриги ноономики и, особенно, социализации общества, *с другой* – наблюдаемое подтверждение начала, «старта» нооперехода как этапа развития цивилизации.

Однако – следующий вопрос: *за счёт чего*, почему изменяются упомянутые роль и место труда?

Очевидно, он является следствием изменения содержания труда, трудового участия человека в создании продукта и в общественном производстве в целом. Изменение содержания труда, в свою очередь, обусловлено интенсификацией имплементации знания в трудовую деятельность человека – знание в различных и любых формах: научного, технологического, навыков, «ноу-хау», идей, и т. д. [11; 12, с. 179–180].

Обратим внимание также и на изменение характера трудовой деятельности человека. Современное производство всё дальше уходит от использования т. н. *репродуктивного* труда, передавая рутинные операции в рамках знаниеинтенсификации технологий автоматизированному и цифровизированному производству. Традиционные *профессии*, овладев которыми, работник мог бы трудиться много лет, всё больше сменяются компетенциями, позволяющими человеку оперативно менять сферу своей трудовой деятельности. «Привязка» работника к конкретному месту производства продукта сменяется тенденцией усиления фриланса. Наконец, в знаниеинтенсивной экономике существенно меняется организация производства и, соответственно, это отражается на способе

бах осуществления трудовой деятельности – человек всё больше «уходит от труда», высвобождая от него время своей жизни, и всё больше замещая рабочее время свободным, поскольку для удовлетворения своих базовых потребностей с развитием (повышением знаниеёмкости!) технологий человеку требуется всё меньше времени [13].

Заметим, что в последнем случае мы затрагиваем важнейшую категорию из гуманитарно-ценностной области, исследуемой философскими и обществоведческими науками, а именно – категорию «свобода», поскольку человек всё больше может свободно решать – чем, сколько, где и когда ему заниматься. Вспомним в связи с этим тезис, провозглашённый т.н. «молодыми марксистами», бывшими «народниками», в конце XIX века, об «освобождении труда». Речь шла там, понятно, об освобождении человека от эксплуатации, рабства, зависимости, принуждения к труду. Здесь, полагаю, уместно вообще-то обратить внимание на то, что во многих языках такое принуждение, неотделимое от труда, носит абсолютно негативную коннотацию. К примеру, в русском языке слова «труд», «трудно», «трудности» – однокоренные, как и однокоренными являются слова «работа» и «рабство». Сегодня, слава Богу, рабство в своём первобытном виде изжито, а труд – отметим, с повышением его знаниеинтенсивности! – становится всё менее «трудным», хотя, заметим далее, экономическое общество, являясь своеобразной формой современного рабовладельческого формата рабства и принуждения, по-прежнему стремится диктовать «привязывание» человека к участию в производстве продукта. Но, здесь мы несколько забегаем вперёд. Исследование этого процесса освобождения человека через «освобождение» труда в рамках ценностной категории «свобода» не является темой нашей статьи; эту проблему, однако, мы планируем рассмотреть в дальнейшем, исследуя вопросы формирования т.н. «нооценностного ядра» общества и гуманистических ценностных критериев, или – «ноокритериальной базы ноономики», где мы также более детально рассмотрим *идеологический* вектор квадриги ноономики – солидаризм.

Здесь же мы ещё раз внимательно «всмотримся» в категорию «труд» и зададимся очередным вопросом: что же обеспечивает изменение содержания труда и его общественной роли, его характеристик, и т. п.?

Мы только что указали на важный фактор – рост его знаниеинтенсивности. Однако, как оказывается, хотя это и важнейший фактор, его одного – мало. Есть нечто ещё – некая сила, «переводящая», *имплементирующая знание в продукт, структуру и содержание* деятельности человека, в т. ч. – его трудовой деятельности.

Кто же этот «переводчик знаний в технологии»?

Таким «транслятором-интерпретатором» является творчество.

Что есть творчество?

До настоящего времени, несмотря на обилие разнообразных дефиниций, предлагаемых разными специалистами из разных сфер науки, строгого определения этого понятия не дано.

Наиболее часто творчество определяют как некую способность человека создавать нечто новое, порой подменяя при этом это понятие термином «креативность» – что не одно и то же, ибо «креативность», вообще говоря, это – проявление в реальности указанной способности.

Однако такое определение не даёт нам «магического ключа» к пониманию сути феномена «творчество».

Некоторой ясности можно добиться, используя подход, который связывает процессы формирования новой идеи и её реализации, реальном проявлении.

Не обращаясь напрямую к термину «творчество», известнейший наш коллега, британский профессор Алан Фриман ввёл в научный оборот понятие «ментальный объект», т. е. некий **образ**, который предшествует созданию человеком объекта материального [14].

На наш взгляд, действительно – верно: не представив будущий, создаваемый предмет в «образе», человек не имеет «плана» его создания, «чертежа», «эскиза» и т. п. При этом мы бы добавили несколько иной взгляд на этот тезис. Прежде, чем создать, «сотворить» некий объект – материальный или, добавим, интеллектуальный, человек-творец создаёт объект ментальный, образ объекта, воплощающийся впоследствии в материальный объект либо остающийся в ментальном пространстве, как объект интеллектуальный.

Но обратим внимание – русский язык позволяет, как замечательный инструмент, тот самый «волшебный луч», проникнуть глубже в суть представляемого профессором А. Фриманом понятия. Образ невозможно создать без знания. Любое создание, творение – это, говоря иными русскими словами, образование, «образовывание» этого объекта, образование его как некоей сущности – в том самом «ментальном пространстве». Из чего? Из «ничего»? Наш ответ – из знания. Творец в «ментальном пространстве» не оперирует ни чем, кроме доступного ему объёма знания.

Отметим, подспудно люди понимают это издавна – к примеру, не зря в нашем русском языке – ещё раз используем его как волшебный ключ или лампу, освещающую путь, – у нас слово «образование» (как процесс) синонимично фразе «получение знания». Получил знание – будет образ. Чем *больше знания*, тем более *образован* человек, и – тем больше у него возможностей для создания, творения, возможностей в творческой сфере.

Заметим, парадигма жёсткой *связки* понятий «знание-возможности-творение» весьма ясно и недвусмысленно представлена в христианской философии: Господь всеведущ («веди» – синоним «знание») – в силу чего он и всемогущ – в силу чего Он может творить, и Он – Творец всего сущего.

Данная идея нашла отражение в славянской азбуке, созданной религиозными христианами деятелями Кириллом и Мефодием: Аз (я), Буки (буква, образ), Веди (знание), Глаголь (слово, донесение Знания, его имплементация), Добро (всё то, что удовлетворяет потребности человека, чем он для этого пользуется, причём в более ранней, исконной коннотации, смысл которой был позже перенесён на абстрактное «добро» в отношениях людей). И т. д.

Мы не будем отрицать этой цепочки зависимостей, более того, она представляется очевидной. Приведём простой иллюстративный пример. Ребёнок строит из кубиков некую конструкцию; его знания ограничиваются, условно а) характеристиками доступного количества кубиков и б) возможностью реализации его творческого потенциала, ограниченными количеством кубиков. Добавим кубиков – и мы дадим ребёнку возможность создавать более сложные – смысломентальные, формируемые в виде образов, а затем – реализуемые материально конструкции. Изменив же форму кубиков, их расцветку, добавив к кубикам пирамидки, и т. п., мы снова *увеличим его возможности*. И т. д. Но уберём часть кубиков – и эти *возможности уменьшатся*. При *одном и том же*, заметим, *творческом потенциале* данного человека.

Заменим в этом примере кубики и пирамидки условными «квантами» знания – и мы поймём роль знания в реализации творческого потенциала человека.

Есть и ещё одна особенность. Увеличение доступного знания не просто позволяет индивиду увеличивать возможности реализации своего творческого потенциала, но и наращивать его! Не буду приводить аргументацию за ограниченностью объёма статьи – её Вы найдёте в материале, опубликованном в номере журнала «Экономическое возрождение России» [15]. Хотя, конечно, здесь не наблюдается измеряемой, а тем более – прямой, зависимости.

Отметим также, с другой стороны, что кубики из нашего примера не создают конструкции без участия ребёнка. Т. е. – его «творчества». Знание без творческого его применения мертво. Это – ещё один важный вывод в понимании «взаимоотношений» знания и творчества.

Заметим дополнительно, что не только труд, как компонента производства, выщасывается в своём творческом наполнении с ростом его знаниеёмкости, и не только при этом возрастает и сам творческий потенциал человека в процессе творческой имплементации знания в знаниеёмкий продукт производства, т. е. развитие производства невозможно без творчества. И тут не обойтись без упоминания об инновациях, это широко применяемое ныне понятие описал Йозеф Шумпетер в 1912 г. [16], хотя сам термин появился лишь в английском переводе его книги в 1934 г. [17]. В дальнейшем отец А. Фримана – Кристофер Фриман и его ученица Карлота Перес подчеркнули значение создания необходимых социальных, институциональных и экономических условий для распространения не просто отдельных инноваций, а для обеспечения перехода к новому технологическому укладу (technological paradigm) [18, с. 300; 19]. Этот подход привёл к введению им понятия «национальная инновационная система» – что говорило о том, что значимость инновационных процессов для развития экономики привела к осознанию необходимости создания систем их поддержки в национальном масштабе [20, с. 31].

Само производство является и процессом, и результатом творческого акта – от «придумывания» формы, организации, цели и т. п. одного до его постоянного совершенствования. И снова всмотримся в термин «производство» с помощью нашего «великого и могучего» языка: «производство» – от слова «водить», корень которого – «вести», а его – от «веди»; именно отсюда – «ведомый» (т.е. идущий за тем, кто **знает**, куда идти, или ведущий, знающий путь; отсюда – «заводить» куда-то или что-то, завод, производство продукта и мн.др.). Т. е., сам **смысл производства** – в *имплементации знания в продукт*. Но – просто в имплементации, а именно – в творческой. И чем больше знаниеинтенсивность производства, помноженная условно говоря, на творческий потенциал его акторов, тем более сложный и знаниеёмкий продукт такое производство выдаёт и тем больше потребностей оно удовлетворяет.

Т.о., наши возможности удовлетворения растущих потребностей людей – говоря теперь уже языком математических методов оптимизации – *нелинейно* определяются **объёмом доступного знания**, позволяющего человеку а) быть творцом, б) постоянно наращивающим свой творческий потенциал, в) создавать «ментальный объект», «образ» с возможной г) последующей материальной его реализацией, или если угодно, материализацией.

Конечно, профессор А.Фриман не употребляет термин «творчество», «креатив» в столь широком контексте. Но его идеи достаточно хорошо вписываются в предлагаемые здесь характеристики творческого процесса, провоцируя наш дальнейший поиск. Мы здесь лишь несколько расширили их трактовку, показав их применимость к описанию феномена «творчество».

Важен ещё один аспект.

Труд, как род деятельности, требующий применения знания, причём – во все *возрастающем* объёме, безусловно, как было сказано, влияет на повышение творческих возможностей человека. Роль труда в этом, в «создании человека», образно в своё время отмечал Фридрих Энгельс в своей известной работе. Не будем опровергать классика политэкономии. Хотя мы бы посмотрели на эту роль с наших позиций несколько иначе – да, это верно – с одной стороны. Но, с другой стороны, потребности человека заставили его «трудиться», т. е., скорее человек создал («придумал!») труд, сформировав его как особый вид своей деятельности в рамках развития процесса удовлетворения своих потребностей – путём *имплементации постигаемого знания* – безусловно, с обратным уже влиянием этой трудовой деятельности на развитие человека-личности путём повышения его творческого потенциала, на что и указал, – без этого уточнения, – Энгельс.

Отметим также, что важные идеи относительно характеристик творчества замечены нами в работах ещё одного нашего коллеги, и, не побоюсь этого утверждения, живого классика современной политэкономии, профессора из Шанхая, президента Всемирной политэкономической ассоциации (WAPЕ) Чена Эньфу, предложившего весьма значимую известную концепцию «интеллектуальной экономики», справедливо отметившего, что предложенная им концепция вписывается в теорию ноономики³.

Наш коллега профессор МГУ Александр Бузгалин в своей известной работе для описания феномена творчества (его статья была опубликована в №1 журнала «Экономическое возрождение России» за 2022 г. [21]), применяет известную методологию описания сложного объекта, не давая прямого определения, по известным *его характеристикам*, чертам, создаваемым объектом эффектам и т. п.

Мы, последовав этой же методологии и в целях раскрытия нашей темы, а также в дополнение вышеприведённой аргументации, отметим некоторые характеристики творчества как явления через те эффекты, которые оно проявляет во взаимодействии с другими явлениями и, в частности, с категорией «знание» – равно как исследуют поведение элементарных частиц в микромире, сталкивая их в особых условиях и выявляя новое знание о них в процессе их взаимодействия.

Рассматривая подобным образом «взаимодействие» знания и творчества, «творение» – и как процесс, и как результат творчества, – мы показали, что, *во-первых*, никакой акт творения не возможен без знания, *во-вторых*, с «увеличением объёма» доступного знания возрастают возможности творения.

Возвращаясь к тезису о повышении *знаниейнтенсивности производства*, мы теперь можем в связи с этим сказать, что, вместе с ней, соответственно, повышается и творческая компонента труда. Труд становится все более «замысловатым», требующим мысли, идеи, реализующих в рамках его творческого потенциала творческую сущность человека, его творческую (подчеркнём – и возрастающую!) ипостась.

Продолжая эти рассуждения, можно сделать ряд выводов, опираясь на базовые позиции теории ноономики. В частности, о том, что с повышением знаниейнтенсивности производства вместе с ростом доли знания объективно возрастает значение и место в трудовой деятельности её творческой компоненты. При этом, однако, сам труд как таковой в *качестве фактора производства* с редуцированием экономического общества вследствие действия второго фактора «квадриги ноономики» (диф-

³ Эньфу Чен, Сиян Гао (2022). Интеллектуальная экономика как форма ноономики и ее социально-экономические последствия // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 1, № 3, С. 124–137. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-124-137.

фузии собственности), также редуцируется, всё более замещаясь автоматизированным и цифровизованным самодействующим производством [22; 23].

Однако – исчезает ли вместе с ним и его творческая компонента? Или – уточним – его творческий потенциал?

И вот здесь – видимый **парадокс**, но – только на первый взгляд. В действительности ни знание, ни творчество никуда не исчезают. Ведь труд – это лишь «изобретённый» человеком способ их полезного для него применения для удовлетворения человеческих потребностей. Труд, как было сказано выше, меняясь качественно в своём содержании, становится всё более творческим и одновременно – вместе с ростом свободного времени – переходит в творческую деятельность, не связанную с трудом (в экономическом или, если угодно, политэкономическом понятии). Найдёт человек *иной* способ удовлетворения своих потребностей – через НТП, новые технологии, самодействующее автоматизированное производство – он «отставит» труд, как устаревшее своё изобретение, «в сторонку». А знанию и творчеству найдёт *другое применение*. На этапе ноономики наступит истинное «освобождение труда» – или, точнее, «освобождение от труда» в исконном, «русскоконнотационном» понимании, замещённого свободной творческой деятельностью личности.

Вероятно, возникнет ещё один «законный» вопрос – ну, допустим, творчество и знание – это в труде, в НТП. Но вот – искусство, культура и т. д. – где здесь роль творчества?

Мы полагаем, что и в этой сфере человеческого бытия, как и во всех иных, ситуация абсолютно та же.

Мы должны рассматривать и науку, и искусство, и философские концепции, включая религиозные, как разные способы познания человеком окружающего, сущего, мира.

В действительности нет ни «противостояния» указанных разных способов познания, ни применения в рамках их рассмотрения следствий из сделанных выше выводов. В любой сфере действуют те же законы: возрастание знаниеёмкости (любого специального «раздела» знания) и в искусстве, и в создании артефактов культуры ведёт к тому же самому – их усложнению в целях удовлетворения растущих потребностей личности и общества – в т. ч. *духовных ценностных* и т. п. – в рамках творческого акторства.

Вернёмся к основной теме.

Завершим на этом наше **теоретический** дискурс в отношении данной проблемы – взаимоотношений знания и творчества в «едином флаконе» «труд». При всей его, этого дискурса, как нам представляется, важности, зададимся вопросом: «В чем состоит как раз важность этой проблемы для **практики**?» Ведь, как сказал поэт Гёте, «суха теория, мой друг, но древо жизни пышно зеленеет».

Какие практические выводы мы можем сделать?

На самом деле – весьма и весьма важные. И мы на нашем Конгрессе, дискутируя на теоретические темы, всегда «привязываем» их к живой практике.

Если мы хотим иметь в России развитую экономику, быть на лидерских позициях в наступающем ноопереходе, создать мощную базу Нового индустриального общества второго поколения и истинно «социальное» государство, нам следует самое пристальное внимание обратить на **проблему труда**. Причём – не в традиционных ракурсах тривиальных сетований о недостатке трудовых ресурсов, или труда как утилитарного экономического ресурса, не рассматриваемого как средство «освобождения человека», и не в контексте изучения важных, кто бы спорил, проблем миграции, и т. п. В первую очередь мы должны – на самом высоком уровне принятия государственных решений, программ

и т. п. – обратить внимание на достижение качественно иного содержания труда, повышение его знаниеёмкости, и его творческой компоненты.

В мире в последние годы этому аспекту труда придаётся все большее значение. Первое. В научном дискурсе и в практике, к примеру, возник и активно применяется термин «**креативные индустрии**», подразумевающий отрасли производственной деятельности, в которых превалирующую, «львиную» долю занимает творчество⁴ (табл. 1).

Таблица 1

Ноотрансформация отраслей производственной деятельности через знание и творчество⁵.

Отрасли	Ключевые технологии и процессы	Операторы	Творческая компонента
Машиностроение	Интеллектуальные машины, цифровые двойники, роботизированные системы	ИИ → автономизация, ∇ киберфизические системы	Формирование адаптивных и саморазвивающихся технологических решений → машинное творчество
Химическая промышленность	Наноматериалы, биокатализаторы, цифровое моделирование молекул	Цифровизация → синтез новых веществ, ∇ биомиметика	Создание новых химических соединений на основе когнитивного проектирования → химическое творчество
Фармацевтика	Генная инженерия, персонализированная медицина, биосинтез	ИИ → предиктивная диагностика, Δ синтетическая биология	Разработка интеллектуальных лекарственных решений → медико-биологическое творчество
Электроника	Квантовые чипы, биосенсоры, нейрокомпьютеры, цифровые интерфейсы	Конвергенция ИИ, нейронауки → когнитивные интерфейсы, Δ самообучающаяся электроника	Формирование новых форм взаимодействия техники и человека → нооэлектронное творчество
Строительство	«Умные» здания, экокапсулы, когнитивные урбанистические модели	ИИ → автоматизированный урбанизм, Δ когнитивное проектирование	Создание пространств для кооперации, смыслообразования и творчества → урбанистическое творчество
Лёгкая промышленность	Биоткани, адаптивные материалы, цифровой дизайн и 3D-печать	Цифровое моделирование → персонализация, ∇ синтез функциональности и эстетики	Гибридизация искусства, науки и технологий → когнитивно-эстетическое творчество

⁴ The Future of the Creative Economy. A report by Deloitte. June 2021 <https://futurearmenian.com/wp-content/uploads/2022/01/The-Future-of-the-Creative-Economy-A-report-by-Deloitte.pdf> (accessed by 14.05.2025).

⁵ ∇ (трансформация, изменение структуры) — фундаментальные изменения в организации процессов или структур.

Пример: «∇ (биомиметика)» означает, что химическая промышленность использует принципы живых организмов для создания новых материалов.

Δ (развитие, усложнение, эволюция) — постепенное усложнение процессов, усложнение когнитивных и технологических структур.

Пример: «Δ (синтетическая биология)» означает, что фармацевтическая индустрия использует сложные методы генной инженерии для создания новых препаратов.

Кроме того, большое внимание уделяется включению *творческих элементов* в любой вид деятельности, в т. ч. в направлении смены подготовки специалистов парадигмы «профессия» на парадигму «компетенция».

Далее.

Во многих развитых экономиках в рамках пространственного развития, современной урбанизации и других аналогичных процессов создаётся *инфраструктура* для развития таких индустрий, т.н. «*креативные пространства*». Укажем, что в этом направлении практически работал и подробно описал эту свою работу в Лондоне, в т. ч. наш коллега Алан Фриман в ходе реформ городского управления в период каденции мэра Лондона Кена Ливингстона⁶.

К сожалению, в России, как мы видим – и из приведённой выше таблицы (табл. 1), и из многих иных документов и источников – *целенаправленному* развитию именно «креативных индустрий», за исключением IT-сектора, уделяется недостаточно внимания. В то же время и мировая, и российская практика показывают, что креативные технологии придают новое качество труду, являясь *драйвером* такой его трансформации, которую мы назвали ароморфозом (от греческих слов «поднимать» и «форма») – прогрессивного эволюционного изменения его «строения», приводящего к общему повышению уровня его организации, придающему новое качество и традиционным отраслям экономики, и развитию собственно креативных индустрий, и обеспечивающему новое, прогрессивное и стремительное развитие экономики в целом, образно говоря – «творя» её новое лицо. Подчеркнём ещё раз: именно ароморфоз труда даст нам **НОВУЮ ЭКОНОМИКУ**.

Формирование такого облика экономики нам в России необходимо безотлагательно, поскольку без этого сегодня уже невозможны ни устойчивый и динамичный рост экономики, ни улучшение качества жизни людей и решение социальных вопросов. Подтверждением эффективности инвестиций и проявляемого государством внимания к таким технологиям является бурный рост того же нашего IT-сектора, который не только вырос за последние годы в разы (табл. 2), но и позитивно, наряду с начавшейся цифровизацией; уже повлиял на параметры нашей экономики в целом.

Таблица 2

Динамика роста IT-сектора и его влияние на экономику (2019–2023 гг.)⁷

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	Прирост 2023/2019, %
<i>Вклад в ВВП, %</i>	1,32	1,62	1,63	1,74	1,96	48,50 %
<i>Реализация собственных продуктов и услуг, млрд руб.</i>	1 231	1 410	1 951	2 362	3 079	150 %
<i>Доля реализации собственных продуктов и услуг в экономике, %</i>	1,3	1,54	1,59	1,77	2,08	60 %
<i>Инвестиции в основной капитал, млрд руб.</i>	113	162	192	338	495	338 %

⁶ Freeman, A. London's Cultural and Creative Industries – 2010 Update. Greater London Authority / A. Freeman. – MPRA Paper No. 52542. – June 2010. – URL: <https://mpr.aub.uni-muenchen.de/52542/>.

⁷ ИТ-отрасль: ключевые показатели развития за 2019–2023 гг., НИУ ВШЭ, Минцифры, 2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/912948511.html>.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	Прирост 2023/2019, %
Доля инвестиций в основной капитал в экономике, %	0,77	1,06	1,11	1,57	1,92	149 %
Численность работников, тыс. чел.	561	617	682	761	857	52,70 %
Средняя заработная плата, тыс. руб.	91,7	104,8	115,9	137,6	155,9	70 %
Темп роста реализации собственных продуктов и услуг к 2019 г., раз	1	1,1	1,6	1,9	2,5	150 %
Темп роста валовой добавленной стоимости (ВДС) к 2019 г., раз	1	1,1	1,3	1,4	1,5	50 %
Темп роста численности работников к 2019 г., раз	1	1,1	1,2	1,4	1,5	50 %
Темп роста инвестиций в основной капитал к 2019 г., раз	1	1,4	1,7	3	4,4	340 %

Эти усилия надо, очевидно, активно наращивать и других «креативных» сферах. Именно **насыщение нашей жизни креативом, творчеством – на базе развития знаниеинтенсивности производства** – станет залогом нашего успешного развития, поскольку подобные индустрии, креативные технологии, креативные продукты станут основой экономики переходного периода НИО.2.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие / С. Д. Бодрунов // Общество и экономика. 2016. – № 9. – С. 5–21.
2. Бодрунов, С. Д. Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект / Бодрунов С. Д. // Экономика промышленности. – 2023. – № 16(2). – С. 135–140.
3. Колин, К. К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке / К. К. Колин // Стратегические приоритеты. – 2014. – №1, С. 6–30.
4. Урнов, М. Ю. Мир-система на переломе: Изменение баланса сил между странами Ядра и Периферии и начало глобального кризиса / М. Ю. Урнов. М.: URSS, 2022. – 160 с.
5. Kemp L., Xu C., Depledge J., Ebi K. L., Gibbins G.; Kohler T. A.; Rockström J., Scheffer M., Schellnhuber H. J., Steffen W., Lenton T. M. (2022) Climate Endgame: Exploring Catastrophic Climate Change Scenarios. Proceedings of the National Academy of Sciences, 119 (34), e2108146119. DOI:10.1073/pnas.2108146119.
6. Глазьев, С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии / С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52, № 2. – С. 3–29.
7. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с.
8. Бодрунов, С. Д.. Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать / Бодрунов С. Д., Глазьев С. Ю.. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте; М.: Центркatalog, 2023. – 340 с.

9. Бодрунов, С. Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм / Бодрунов С. Д. // *Экономическое возрождение России*. – 2021. – № 1 (67).
10. Бодрунов, С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция / С. Д. Бодрунов, 2018. – 482 с.
11. Prendergast R. (2023) The Role of Knowledge in Economic Life – From Bacon to Marshall. *Review of Political Economy*, 4 (35), pp. 913–932. DOI: 10.1080/09538259.2023.2243845
12. Jacobs R. L. (2017) Knowledge Work and Human Resource Development. *Human Resource Development Review*, 16 (10), 153448431770429, pp. 176–202. DOI: 10.1177/1534484317704293
13. Ausubel J. H., Gruebler A. (1995) Working Less and Living Longer: Long-Term Trends in Working Time and Time Budgets. *Technological Forecasting and Social Change*, 50, pp. 113–131.
14. Freeman A. (2015) Twilight of the Machinocrats: Creative Industries, Design and the Future of Human Labour. In: *Handbook of the International Political Economy of Production*. Kees van der Pijl (Ed.). Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, pp. 352–375. DOI: 10.4337/9781783470211.00032
15. Бодрунов, С. Д. От экономики – к ноономике (тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально креативного аспекта (ноо) трансформации общества) / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. – 2025. – № 1(83), С. 5–31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31
16. Schumpeter J. A. (1912) *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, VIII, 548 p.
17. Schumpeter J. A. (1934) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle*. Harvard Economic Studies, 46, Harvard College, Cambridge, MA.
18. Freeman C. (1987) Technical Innovation, Diffusion, and Long Cycles of Economic Development. In: *The Long-Wave Debate*. Vasko T. (Ed.). Berlin: Springer, pp. 295–309.
19. Perez C. (1983) Structural Change and the Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System. *Futures*, 15(5), pp. 357–375.
20. Freeman C. (1987) *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*. London, New York: Pinter Publishers. 155 p.
21. Бузгалин, А. В. Творческий человек в экономике будущего / А. В. Бузгалин // *Экономическое возрождение России*. – 2022. – № 1(71). – С. 48–57.
22. Larsson A., Teigland R. (Eds.) (2020) *The Digital Transformation of Labor: Automation, the Gig Economy and Welfare*. Routledge: Oxon, UK. 373 p.
23. Willcocks L. P. (2024) Automation, Digitalization and the Future of Work: A Critical Review. *Journal of Electronic Business & Digital Economics*, 2 (3), pp. 184–199. DOI: 10.1108/JEBDE-09-2023-0018

References

1. Bodrunov S. D. (2016) *Novoe industrial'noe obshchestvo vtorogo pokoleniya: chelovek, proizvodstvo, razvitie* [The New Industrial Society of the Second Generation: Man, Production, Development]. *Society and Economics*, 9, pp. 5–21.
2. Bodrunov S. D. (2023) *Strategiya perekhoda k novomu mirokhozaystvennomu ukladu i nooobshchestvu: industrial'nyy aspekt* [Strategy of Transition to a New World Economic Order and a New Society: An Industrial Aspect]. *Russian Journal of Industrial Economics*, 16 (2), pp. 135–140.
3. Kolin K. K. (2014) *Global'nye ugrozy razvitiyu tsivilizatsii v XXI veke* [Global Threats to the Development of Civilization in the 21st Century]. *Strategic Priorities*, 1, pp. 6–30.

4. Urnov M. Y. (2022) *Mir-sistema na perelome: Izmenenie balansa sil mezhdu stranami Yadra i Periferii i nachalo global'nogo krizisa* [The World-System at a Turning Point: Changing the Balance of Power Between the Countries of the Core and the Periphery and the Beginning of the Global Crisis]. Moscow: URSS. 160 p.
5. Kemp L., Xu C., Depledge J., Ebi K. L., Gibbins G.; Kohler T. A., Rockström J., Scheffer M., Schellnhuber H. J., Steffen W., Lenton T. M. (2022) *Climate Endgame: Exploring Catastrophic Climate Change Scenarios*. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119 (34), e2108146119. DOI:10.1073/pnas.2108146119
6. Glazyev S. Y. (2016) *Mirokhozyaystvennyye układy v global'nom ekonomicheskom razvitií* [National Economy Structures in the Global Economic Development]. *Economics and the Mathematical Methods*, 2 (52), pp. 3–29.
7. Galbraith J. K. (2008) *Novoe industrial'noe obshchestvo. Izbrannoe* [New Industrial State. Selected Works]. Moscow: Eksmo. 1200 p.
8. Bodrunov S. D., Glazyev S. Y. (2023) *Zakonomernosti formirovaniya osnov noonomiki kak gryadushchego obshchestvennogo ustroystva: znat' i deystvovat'* [Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate]. St. Petersburg: S. Y. Witte INID; Moscow: Centercatalog. 340 p.
9. Bodrunov S. D. (2021) *Genezis noonomiki: NTP, diffuziya sobstvennosti, sotsializatsiya obshchestva, solidarizm* [Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Ownership, Socialization of Society, Solidarity]. *Economic Revival of Russia*, 1 (67), pp. 5–14.
10. Bodrunov S. D. (2018) *Noonomika* [Noonomy]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 482 p.
11. Prendergast R. (2023) *The Role of Knowledge in Economic Life – From Bacon to Marshall*. *Review of Political Economy*, 4 (35), pp. 913–932. DOI: 10.1080/09538259.2023.2243845
12. Jacobs R. L. (2017) *Knowledge Work and Human Resource Development*. *Human Resource Development Review*, 16 (10), 153448431770429, pp. 176–202. DOI: 10.1177/1534484317704293
13. Ausubel J. H., Gruebler A. (1995) *Working Less and Living Longer: Long-Term Trends in Working Time and Time Budgets*. *Technological Forecasting and Social Change*, 50, pp. 113–131.
14. Freeman A. (2015) *Twilight of the Machinocrats: Creative Industries, Design and the Future of Human Labour*. In: *Handbook of the International Political Economy of Production*. Kees van der Pijl (Ed.). Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, pp. 352–375. DOI: 10.4337/9781783470211.00032
15. Bodrunov S. D. (2025) *Ot ekonomiki – k noonomike (tezisy k voprosu o strategirovanii intellektual'no kreativnogo aspekta (noo) transformatsii obshchestva)* [From Economy to Noonomy (Theses on the Issue of the Intellectualcreative Aspect Strategy of the Societal (Noo) Transformation)]. *Economic Revival of Russia*, 1(83), pp. 5–31. DOI: 10.37930/1990–9780-2025-1-83-5-31
16. Schumpeter J. A. (1912) *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, VIII, 548 p.
17. Schumpeter J. A. (1934) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle*. *Harvard Economic Studies*, 46, Harvard College, Cambridge, MA.
18. Freeman C. (1987) *Technical Innovation, Diffusion, and Long Cycles of Economic Development*. In: *The Long-Wave Debate*. Vasko T. (Ed.). Berlin: Springer, pp. 295–309.
19. Perez C. (1983) *Structural Change and the Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System*. *Futures*, 15(5), pp. 357–375.
20. Freeman C. (1987) *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*. London, New York: Pinter Publishers. 155 p.

21. Buzgalin A. V. (2022) *Tvorcheskiy chelovek v ekonomike budushchego* [Creative Person in the Economy of the Future]. *Economic Revival of Russia*, 1 (71), pp. 48–57.

22. Larsson A., Teigland R. (Eds.) (2020) *The Digital Transformation of Labor: Automation, the Gig Economy and Welfare*. Routledge: Oxon, UK. 373 p.

23. Willcocks L. P. (2024) Automation, Digitalization and the Future of Work: A Critical Review. *Journal of Electronic Business & Digital Economics*, 2 (3), pp. 184–199. DOI: 10.1108/JEBDE-09-2023-0018.

S. D. Bodrunov⁸. Aromorphosis of the "Labor" Category as Part of the Global Societal Transformation: Knowledge, Creativity, Noonomy. The article examines the problem of changes in the substance of labor in the context of deep civilizational shifts that have emerged in recent decades. The impending crisis of the socio-economic system of human civilization leads to the transition of this system to a new stage of development, defined as noonomy in the article. At the same time, the basis of the emerging changes is the growing role of knowledge in the production process, which leads to an increase in the knowledge intensity of production technologies and the knowledge intensity of the product. Such a change in the role of knowledge leads to a change in the substance of labor. It also becomes knowledge-intensive. In order for knowledge in the labor process to be implemented in the product of labor, creativity is a necessary part of the labor process. With the increasing knowledge of the intensity of labor, not only the role of creativity grows, but the creative potential of the person engaged in such labor also increases. This leads to an increase in labor productivity, and at the same time, to a reduction in the time required for human labor activity. A person gradually withdraws from the direct work process. In practice, the change in the substance of labor is reflected in the growing intensity of innovation processes and the increasing importance of the so-called "creative industries". This trend, which has clearly manifested itself in developed countries, requires targeted support in the Russian economy.

Keywords: knowledge, labor, knowledge intensity, creative activity, noonomy, creative industries.

⁸ *Sergey D. Bodrunov*, Director of S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (16 Bolshaya Monetnaya St., St. Petersburg, 197101, Russia), President of the Free Economic Society of Russia, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, e-mail: inir@inir.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-21-39

*А. Г. Аганбегян*¹

МЕГАПРОЕКТЫ И ИХ РОЛЬ В НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ НА ПЕРСПЕКТИВУ²

Дано понятие мегапроекта, приведена оценка доли стоимости мегапроектов – около 8 % мирового ВВП, а для ведущих стран – до 20–30 % ВВП. Обозначена главная жизненно важная задача России – возобновление ускоренного социально-экономического роста на основе научно-технологического инновационного прогресса и коренной трансформации экономики, социальной сферы, системы управления. Проанализирован опыт формирования и осуществления крупных мегапроектов в нашей стране и в других странах мира. Прослеживается связь между реализованными в СССР и реализуемыми в новейшей России мегапроектами по освоению Сибири. Делается вывод о необходимости обобщить позитивный мировой опыт разработки и осуществления мегапроектов для ускоренного подъёма технологического и социально-экономического уровня России после завершения СВО. Подводится итог развития экономики новой России на основании данных от 1991 г. до текущего периода. Обозначены цели трансформации социально-экономической системы России. Перечислены реализуемые и планируемые мегапроекты, призванные обеспечить решение этой задачи: создание инновационных центров, инвестирование в развитие микроэлектроники, робототехники, машиностроения, жилищного строительства, самолёто- и автомобилестроения и др. Для повышения инвестиционной эффективности предлагается снизить роль государства и заместить национальные проекты коммерческими мегапроектами. Россия – страна огромных возможностей, и поэтому новые достижения зависят от нашей целеустремлённости и организованности.

Ключевые слова: мегапроект, инновационный центр, трансформация экономики, фирма-единорог, индустриализация, стратегическое планирование, национальные проекты, технологический суверенитет.

УДК 330.352

Введение

В условиях бурной индустриализации крупных стран мира и ускорения научно-технологического прогресса всё большую роль в развитии страны играют мегапроекты – целевые программы, представляющие совокупность взаимосвязанных проектов (они объединены общей целью, выделенными ресурсами и прежде всего

¹ *Абел Гезевич Аганбегян*, заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, РФ, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1), д-р экон. наук, профессор, академик РАН, e-mail: information@ranepa.ru.

² Подготовлено по материалам доклада на X Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭЖ-2025) «Труд и трансформация общества: знание, творчество, ноономика» (08–09 апреля 2025 года).

крупными инвестициями) и рассчитанные на ощутимые сдвиги в развитии страны. Мегапроекты имеют высокую стоимость: от миллиарда долларов до сотни миллиардов долларов. Важны и сроки реализации: цели могут ставиться на пять или десять лет, а могут представлять более долгосрочное планирование. Особо важную роль они играют в странах в период ускоренного прорывного развития, связанного с коренной трансформацией технологического уровня, экономики и социальной сферы.

По имеющимся оценкам, стоимость мегапроектов составляет в последнее время около 8 % валового внутреннего продукта в мире, доходя в ведущих странах, особенно с ускоренным развитием, до 20–30 %. Ключевую роль мегапроекты играют при трансформационной, качественной перестройке экономики страны. Такой период в России, видимо, настанет после прекращения СВО, установления мира и нормализации отношений с так называемыми недружественными странами, к которым относятся, прежде всего, США и другие развитые страны. Важнейшей задачей для России окажется возобновление ускоренного социально-экономического роста на основе научно-технологического инновационного прогресса и коренной трансформации экономики, социальной сферы, системы управления. В связи с этим крайне важно использовать позитивный опыт формирования и осуществления крупных мегапроектов в нашей стране и в других странах мира. Это определит главное направление стратегического развития новой России на среднесрочную и долгосрочную перспективу с задачей подъёма социально-экономического уровня и достижения эффективности лидирующих стран мира, прежде всего стран G7 и Китая.

1. Мегапроекты Советского Союза

Крупнейшими мегапроектами становления и развития Советского Союза стали НЭП и индустриализация страны, выдвинувшие Россию на второе место в мире после США по объёму ВВП и обеспечившие лидерство по решению важнейших научно-технологических и социальных задач.

Среди осуществлённых в послевоенные годы в СССР мегапроектов в первую очередь следует отметить атомный мегапроект (рис. 1). Этот многоцелевой проект связан не только с созданием атомного оружия, но и включает работу над ядерной медициной, атомными подводными лодками, ледоколами, атомными электростанциями и многим другим. Напомню, что в период его реализации только в специализированном для этой цели Министерстве среднего машиностроения работало более 500 тыс. человек. В истории нашей страны это, пожалуй, лучший программно-целевой мегапроект, нацеленный на решение главной жизненно важной задачи нашего народа, связанной в первую очередь с его безопасностью. Я не нашёл оценки стоимости атомного мегапроекта СССР, но соответствующий манхэттенский проект США оценивается примерно в 25 млрд долларов по его современному курсу. В его разработке приняло участие около 130 тыс. человек.

С атомным мегапроектом тесно связан второй по значимости мегапроект – освоение космической техники: баллистических ракет, спутников, космических полётов, выхода человека в космос и др. Здесь наша страна по праву стала первой в мире державой, освоившей космическую технику, в то время как по атомному проекту мы были вторыми в мире после США, ликвидировав в кратчайший срок наше катастрофическое отставание. Общая стоимость создания и использования международной космической станции МКС за весь срок на сегодня составляет около 200 млрд долларов.

Напомню, что незадолго до запуска первого спутника земли ЦРУ США обнародовало широко рекламируемый доклад с главным тезисом о том, что СССР – это колосс на глиняных ногах, отсталая страна. И вдруг – запуск спутника Земли, который потряс весь мир, продемонстрировал высшее мировое достижение нашей страны. Президентом США Дж. Кеннеди была создана комиссия во главе с вице-президентом для расследования причин первенства СССР. Главный вывод комиссии общеизвестен: причины в более высоком уровне образования в сравнении с США и другими странами. Именно СССР смог подготовить сотни тысяч высококвалифицированных рабочих, десятки тысяч лучших инженеров и тысячи учёных, которые смогли создать надёжные космические системы, хотя заниматься ракетной техникой США стали раньше, используя привезённых из Германии ведущих инженеров-ракетчиков. США первыми изготовили ракеты и стали испытывать их для полётов в космос, но надёжную систему, которая могла бы безопасно поднять космические аппараты, им долгое время сделать не удавалось.

МЕТОДЫ БЕЗОПАСНОСТИ	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИНХРОННОГО ИЗЛУЧЕНИЯ	ТЕРМОЯД
АТОМНЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ	АТОМНЫЙ ПРОЕКТ	ЯДЕРНАЯ МЕДИЦИНА
АТОМНЫЕ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ		АТОМНЫЙ МИКРОСКОП
АТОМНЫЕ ЛЕДОКОЛЫ		ПРОМЫШЛЕННЫЕ УСКОРИТЕЛИ
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ	СРЕДСТВА ДОСТАВКИ (САМОЛЁТЫ, РАКЕТЫ)	ПРОДУКТЫ ГЛУБОКОЙ ПЕРЕРАБОТКИ УРАНА

Рис. 1. Атомный проект и следствия из него

Созданную у нас бесплатную высококачественную систему школьного, профессионального и высшего образования, лучшую в то время в мире, можно считать мегапроектом Советского Союза мировой значимости. Уровень финансирования образования в СССР в процентах к ВВП был в 1,5 раза выше США, так как федеральный бюджет США в этом участие не принимал. Дж. Кеннеди прямо сказал: «Россия обогнала США в космосе за школьной партой».

В последующие годы финансирование образования в нашей стране ухудшилось, а в США, напротив, вдвое выросло за счёт подключения федерального бюджета.

Новая Россия, утратив лидерство, всё же поддерживает высокий рейтинг уровня и качества образования, занимая 30–40-е места в мире выше Италии, Франции и многих других развитых стран. Россия сохранила главное богатство СССР, заключающееся не в огромной территории и не в колоссальных природных ресурсах, а прежде всего в образованности и уровне знаний населения страны.

Важнейшим мегапроектом СССР стали создание передового бесплатного здравоохранения и, главное, оздоровление населения по проекту Н. А. Семашко. Речь идёт о развитой первичной медицине, в том числе на предприятиях, в школах и др., а также о самых длительных среди больших стран отпусках. У значительной части населения России продолжительность отпуска составляла 24 рабочих дня, в то время как в США до сих пор основная часть населения имеет отпуск 12 дней, а в Японии – даже 6 дней. Кроме того, в случае болезни государство оплачивает нерабочие дни, предоставляя бесплатную медпомощь, чего нет во многих других странах, в том числе развитых. В 1964–1965 гг. ожидаемая продолжительность жизни в СССР достигла 70 лет (уровень передовых развитых стран в то же время). Была создана система лучших в мире санаториев, профилакториев при предприятиях и организациях. Подавляющая часть населения ежегодно имела первичную диагностику, благодаря чему на ранних стадиях можно было выявить гипертонию, сахарный диабет и другие патологии.

В 1978 г. в СССР в Алма-Ате был проведён крупный мировой конгресс по здравоохранению с участием Всемирной организации здравоохранения, где было признано, что СССР достиг высоких достижений в оказании первичной медицинской помощи и оздоровлении населения и добился в связи с этим высокой продолжительности жизни. Конгресс рекомендовал другим странам мира использовать этот позитивный опыт нашей страны.

В новой России многое из этого утеряно, значительная часть медицины стала частной, недоступной бедным слоям населения, всеобщая система оздоровления населения во многом сошла на нет. Обследования показывают, что половина взрослого населения не знает своего кровяного давления, а у 40 % населения обнаруживается гипертония. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в новой России катастрофически высока – на 100 тыс. населения с учётом возрастной структуры от 4 до 8 раз выше, чем в передовых странах, а в большинстве случаев смертность от других патологий выше в 2–3 раза.

В 1950–60 гг. мы практически не отставали от развитых стран в главном направлении развития медицины – разработке антибиотиков, но затем катастрофически отстали в высокотехнологической медицине. Ожидаемая продолжительность жизни снизилась до 67–69 лет. Только в 1987 г. в результате антиалкогольной кампании показатели продолжительности жизни достигли 70 лет, но затем вновь снизились. В 2012 г. реализация национальных программ «Демография» и «Здоровье» позволила достичь 70-летнего уровня продолжительности жизни, но этот показатель демонстрирует отставание на 8–10 лет от передовых стран.

Крупнейшие мегапроекты изменили социально-экономический облик СССР путём пространственного развития производительных сил. На Севере, в основном в Арктической зоне, были открыты, разработаны и эксплуатируются более 500 месторождений нефти и газа. Работа велась на огромной неосвоенной территории, в краю болот, некачественного леса и тундры, где не было ни железнодорожных, ни автомобильных дорог, ни сколько-нибудь значимых городских поселений. Щебёнка для строительства дорог привозилась за 2 тыс. километров, на работу по освоению территории, прежде всего – в Тюменскую область, приехали 3 млн человек. Построены железные и автомобильные дороги до Нижневартовска и Уренгоя, возникли десятки городов и сотни крупных посёлков. Более 50 лет СССР, а потом и новая Россия занимали первое место по добыче природного газа. Только несколько лет назад в связи с освоением сланцевых месторождений газа первенство перешло к США.

Вспомним создание Урало-Кузнецкого комбината Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Первый миллион тонн нефти был добыт ведущим в мире комбинатом в 1965 г., в 1970 г. – 31 млн тонн, в 1975 г. – 148 млн тонн, в 1980 г. – 303 млн тонн, и максимум в 1984 г. – 378 млн тонн, т. е. более миллиона тонн в день. Можно вспомнить Ангаро-Енисейские комплексы – Саянский, Енисейский (Красноярск), Братск-Илимский, Нижнеангарский, Иркутско-Черемховский с крупнейшими гидроэлектростанциями, алюминиевой промышленностью, лесоперерабатывающими предприятиями, ферросплавными и машиностроительными заводами, химической промышленностью. В Братск-Илимском комплексе до постройки железной дороги проживало около 50 тыс. человек, занимавшихся примитивным сельским хозяйством и ручными лесозаготовками. Сейчас в крупных городах там проживает 600 тыс. человек, сформирован мировой по значимости центр алюминиевой промышленности, производства целлюлозы и картона, ферросплавов и многого другого.

Следующий мегапроект – строительство и эксплуатация Байкало-Амурской магистрали (БАМ), протяжённостью 4300 км, и освоение природных богатств обширной территории в 1,5 млн кв. километров (рис. 2). В этой зоне осваиваются крупнейшие каменноугольные месторождения, ведётся строительство одного из крупнейших в мире меднорудного комбината в Удокане, осваивается одно из самых обширных в мире золоторудных месторождений Сухой Лог с запасами более 1 тыс. тонн в Иркутской области. Создаётся сеть лесоперерабатывающих предприятий. 65 % БАМ проходит по вечной мерзлоте, пересекает семь горных хребтов, более 3 тыс. рек. В ходе строительства БАМ были построены 4242 моста. В строительстве БАМа принимали участие 130 тыс. человек, а население регионов БАМа после завершения строительства составило около 1 млн человек. На трассе БАМ располагаются 60 городов, среди которых есть ряд новых – Северобайкальск, Тында, Февральск.

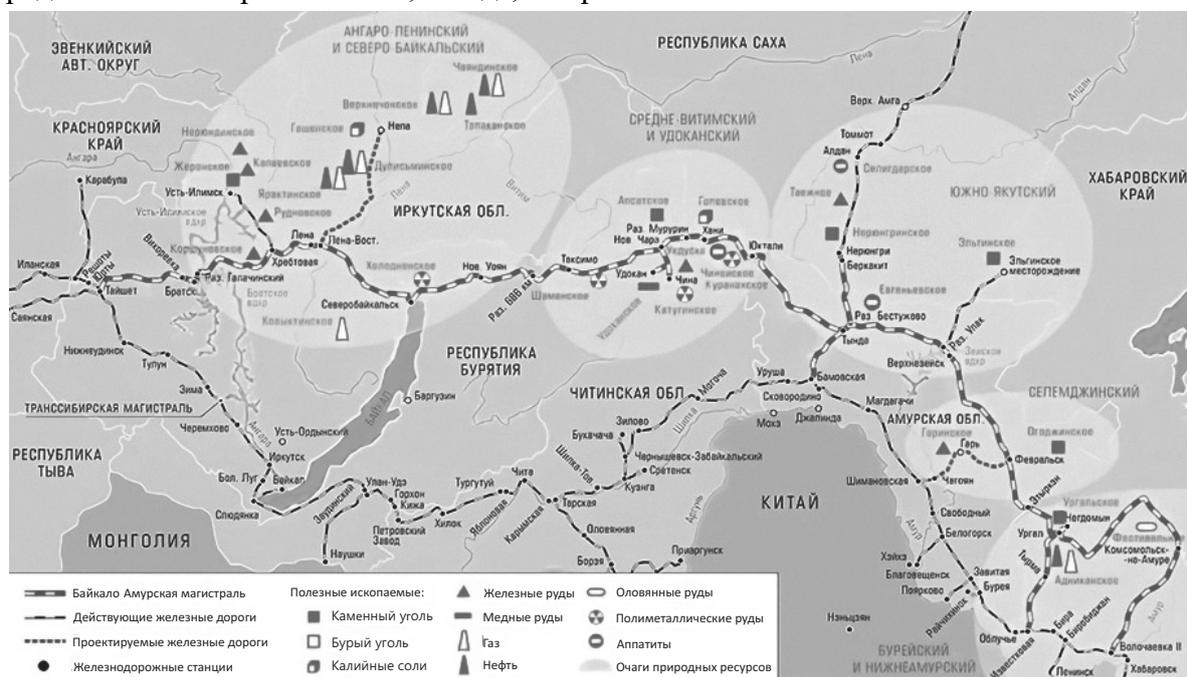

Рис. 2. Байкало-Амурская магистраль

В начале 2030-х гг. планируемая пропускная способность БАМа вырастет втрое. Для этого ударными темпами осуществляется строительство второй полосы железной дороги. Двухпутным станет и Северо-Муйский тоннель. На юг и север от БАМа протянутся железнодорожные линии, что позволит эффективнее осваивать природные ресурсы региона. Построен участок от Тынды на север в Якутск, протяжённостью в 1000 км, идёт строительство моста через реку Лена, чтобы железная дорога с восточного берега реки перешла на более промышленный западный участок в районе Якутска.

Крупнейшие мегапроекты СССР – создание новых центров индустриализации страны. Можно вспомнить героические подвиги при создании Комсомольска-на-Амуре, крупнейших городов Кузбасса, Норильска, Уренгоя. За годы советской власти построены 2200 городов; численность городского населения с 25 % возросла до 75 % при сокращении населения, проживающего в сельской местности.

2. Реализации мегапроектов в США, Китае и других странах

Наиболее значительными по затратам и продолжительными по времени являются инфраструктурные проекты, связанные с созданием транспортной системы и крупных объектов недвижимости. Крупнейшими стройками мира являются комплексы высотного строительства, крупнейшие аэропорты, тоннели, мосты, скоростные железные дороги, каналы, морские порты. Стоимость многих из них превышает 10 млрд долларов, а их размеры поражают воображение.

Мегапроект по созданию межштатных скоростных автострад разработан примерно 50 лет назад и реализован к настоящему времени в США (построено 78 тыс. км двухсторонних автострад. Общая стоимость строительства составила 440 млрд долларов). Уникальное высотное строительство воплотилось в комплексе сверхвысоких зданий (Гонконг, Нью-Йорк, Дубай).

К грандиозным мегапроектам относится создание новых, особенно инновационных, городов. Шэньчжэнь стал сооружаться 45 лет назад на месте 30-тысячного рыбацкого посёлка на юге Китая вблизи Гонконга. Сегодня в этом городе и его пригородах проживает 17,8 млн человек. В нём разместились тысячи инновационных компаний, прежде всего информационно-технологического и компьютерного направления, создано около 150 инновационных фирм-единорогов, стоимостью более 1 млрд долларов. Большинство компаний производят самые высокотехнологические товары и услуги, в том числе наибольшую мировую долю смартфонов и наручных часов. Общий объём ВРП города – около 0,5 трлн долларов в год, а объём внешней торговли (экспорт и импорт) ещё больше. Шэньчжэн – крупнейший финансовый центр, где работает 83 банка и функционирует фондовая биржа.

Другой пример инновационного города – Бангалор на южном высокогорье Индии. Бангалор считается самым быстрорастущим городом мира, который за последние 50 лет вырос с 1 млн до 12,3 млн жителей. Его называют «Кремниевой долиной» Индии, международной столицей информационных технологий. Ежегодно Индия импортирует в передовые страны интернет-услуги, математические программы и ИТ-технологии на сумму в 195 млрд долларов, занимая первое место в мире.

Особую значимость для научно-технологического прогресса имело создание крупнейших инновационных зон, в которых разрабатываются и производятся высокотехнологичные товары и услуги. Крупнейшие инновационные зоны в мире: Кремниевая долина (США), инновационная зона в Израиле, охватывающая часть Тель-

Авива и прилегающих населённых пунктов, город Бангалор (Индия), три крупнейшие зоны в Китае (Пекинская, Шанхайская и Шэньчжэнь).

Небольшие по мировым меркам инновационные зоны находятся в России (комплексная – в «Сколково», специализированные – в научных городках Подмосковья и прилегающих областей). Планируется создание к 2030 г. трёх крупных инновационных зон – в Подмосковье, Санкт-Петербурге и Новосибирской области (вокруг Академгородка), а к 2035 г. – в Екатеринбурге, Томске, Иркутске, Владивостоке.

Инновационные зоны – это крупные комплексные научно-производственные территории, где проживают миллионы человек. В Кремниевая долина в США протянулась. На этой территории проживает более 3 млн человек. Здесь расположены штаб-квартиры многих ведущих мировых технологических компаний, таких как «Apple», «Google», «Facebook», «Cisco», «Intel», «Nvidia», «Tesla», с капитализацией от трлн долларов и выше. На Кремниевую долину приходится половина всего венчурного капитала США – порядка 150 млрд долларов.

Среди университетов главенствующее положение занимает Стэнфорд. Студенты и преподаватели этого университета награждены 91-й Нобелевской премией. За 40 лет своей деятельности они создали 11 тыс. инновационных компаний с выпуском товаров и услуг на 3,4 трлн долларов и числом сотрудников около 5,5 млн человек.

Примером крупнейшего строительства является аэропорт Дубай, где намечено построить дополнительно семь полос, рассчитанных на приём 200 млн пассажиров в год и стоянку ста самых крупных авиалайнеров.

Гигантскими мегапроектами являются сети скоростных железных дорог в Китае, Японии и Франции, где скорость поездов достигает 350–400 км/ч. Из 170 тыс. км железных дорог в Китае 28 тыс. – скоростных, что превышает суммарные показатели всех стран мира. К 2035 г. Китай планирует увеличить протяжённость скоростных дорог до 70 тыс. км, готовя поезда, передвигающиеся со скоростью до 500 км/час.

Инновационные мегапроекты включают создание крупнейших комплексов взаимосвязанных предприятий микроэлектроники, прежде всего на Тайване, в Южной Корее, США, Японии, Ирландии, Нидерландах и ряде других стран.

Крупнейшим инновационным проектом последнего времени стало создание в США системы искусственного интеллекта ChatGPT с капитализацией примерно в 100 млрд долларов и аналогичной системы DeepSeek в Китае. Огромный рывок сделан в переводе легковых автомобилей на электродвигатели. Капитализация крупнейшей фирмы «Tesla» в этой сфере превысила 1 трлн долларов.

Мегапроекты в области энергетики направлены на строительство солнечных и ветровых электростанций, производящих до 15 % электроэнергии. Крупнейшие из них строятся в Китае и США. Энергопереход нацелен на достижение передовыми странами «углеродной нейтральности» к 2050 г., а большинством других стран – к 2060 г.

По прогнозам специалистов, к 2050 г. могут появиться крупные термоядерные электростанции. В связи с этим большое значение придаётся недавно завершённому мегапроекту международной экспериментальной термоядерной установки ИТЕР во Франции, общей стоимостью в 28 млрд долларов.

Мегапроектами фактически являются инновационные компании-единороги стоимостью более 1 млрд долларов, которых к концу 2024 г. в мире насчитывалось 1658. В табл. 1 показано распределение инновационных фирм-единорогов по странам в мае 2022 г.

Распределение инновационных фирм-единорогов по странам в мае 2022 г.

Страна	Число фирм	Прирост за год
Всего в мире	1302	340
США	616	175
Китай	275	22
Страны Европейского Союза	105	39
Индия	74	30
Великобритания	54	12
Канада	24	9
Израиль	23	6
Сингапур	19	6
РОССИЯ	0	0

Новым направлением крупнейших мегапроектов является создание умных городов, в которых будет проживать несколько миллионов человек. Саудовская Аравия и Катар строят в пустыне уникальные города с благоприятными условиями жизни, инвестируя десятки, а то и сотни миллиардов долларов с расчётом на долгосрочную перспективу.

Особое внимание уделяется разработке новой логистики по изменению путей массовой транспортировки нефти, газа, угля, другой продукции. Канада, например, построила крупнейший нефтепровод с северных месторождений на запад в тихоокеанский порт для доставки нефти в Китай и другие юго-восточные страны. Огромная работа проведена по прокладке и расширению Панамского, Суэцкого и Босфорского каналов, по строительству уникального подземного тоннеля для железнодорожного движения через пролив Ла-Манш из Франции в Великобританию.

Мегапроекты, связанные с разработкой новых месторождений нефти и газа (в том числе на шельфе) и других полезных ископаемых, определяют инновационное развитие. Статистика по 2500 крупнейшим частным коммерческим инновационным компаниям с объёмом НИОКР для производства инновационных продуктов и услуг в размере не менее 35 млн евро собрана и обобщена организациями ЕС. Продукция, производимая в 43 странах, измеряется 26 трлн долларов, что составляет около четверти мирового объёма мирового валового внутреннего продукта (табл. 2).

Предстоит обобщить позитивный мировой опыт разработки и осуществления мегапроектов, прежде всего – инновационного типа, для ускоренного подъёма технологического и социально-экономического уровня России после завершения СВО, чтобы в течение 10–15 лет наша страна могла бы подняться до одного из лидеров мирового развития.

Финансовые показатели 2500 R&D компаний по странам в 2019 г.

Страны	Кол-во фирм	Расходы на R&D, млрд долл.	Выручка, млрд долл.	Прибыль, млрд долл.	Численность занятых, тыс. чел.	Научоёмкость, %	Доля расходов R&D от общей суммы, %
США	775	388,6	5496,7	723,9	10861,5	7,1	38,5
ЕС	421	211,1	5386,7	474,2	16792,4	3,9	20,9
ФРГ	124	96,8	1991,9	120,3	6549,4	4,8	9,6
Франция	68	37,8	1230,4	117,0	4154,6	3,1	3,7
Китай	536	132,8	4033,3	288,8	11975,6	3,3	13,1
Япония	309	128,4	3548,4	201,8	8948,7	3,6	12,7
Южная Корея	59	36,8	1097,6	62,9	634,1	3,3	3,6
Великобритания	121	35,8	1412,0	165,1	2657,2	2,5	3,5
Швейцария	58	33,3	463,1	73,0	1348,7	7,1	3,3
Тайвань	88	20,3	634,7	32,5	8745,5	3,1	2,0
ВСЕГО	2500	1010,7	23494,3	2322,3	56416,8	4,3	100

3. Мегапроекты в новой России: взгляд в будущее

В 1991–1998/1999 гг. Россия пережила самый глубокий (с точки зрения мировых позиций) и самый продолжительный (9-летний) трансформационный кризис. За ним последовал 9-летний восстановительный подъём, во многом связанный с 8-кратным увеличением цен на нефть (главный экспортный продукт России). Этот подъём был прерван общемировым кризисом 2009 г., который для России оказался глубже, чем для других стран G20. Последовавшие в 2010–2012 гг. рост экономики и укрепление социальной сферы неожиданно прервались в 2013 г. С конца 2014 г. Россия погрузилась в рецессию при 10 %-м сокращении реальной зарплаты в 2015 г. из-за санкций со стороны Запада, а также резкого снижения цен на нефть и газ по инициативе ОПЕК. С 2017 г. удалось восстановить 1,5-2 %-ую стагнацию, которая продолжилась до 2019 г.

В 2020–2022 гг. наступил период коронавирусной пандемии при рекордном повышении смертности в мире на 645 тыс. чел. в 2021 г. 2020 г. и 2022 г. были годами экономического кризиса, а 2021, 2023 и 2024 гг. – годами послекризисного подъёма экономики и социальной сферы. С февраля 2022 г. по настоящее время (2025 г.) проводится СВО. В прошедшие месяцы 2025 г. темпы экономического роста резко снизились, и опять наступила стагнация, а в гражданской промышленности – даже рецессия.

С 1991 г. объём промышленности и инвестиций сократились на 5–10 %, сельское хозяйство увеличилось только на 5 %. По всем экономическим и социальным показателям Россия опустилась в международных рейтингах по сравнению с советским временем. По размеру номинального ВВП Россия опустилась на 11-е место, а на душу населения – на 70-е место. По показателям ожидаемой продолжительности жизни и здоровья населения Россия не входит даже в первые 100 стран. По глобаль-

ному инновационному индексу место России примерно 60-е. По затратам на образование и здравоохранение в процентах к ВВП – 120–140 место. Динамика ВВП в России и странах мира за последние 34 года представлена в табл. 3. ВВП России увеличился в среднем на 1 % в год, рост в целом составил 1,3 раза. За этот период экономика США выросла в 1,6 раза, европейских стран – в 2 раза, развивающихся стран – от 3 до 6 раз, Индии – в 8,5 раз, а Китая – в 13 раз.

Таблица 3

Динамика ВВП в России и странах мира за последние 34 года

Страны	Рост ВВП за 34 года относительно 1991 года, раз
Россия	1,3
США	2,0
Европейский Союз	1,5
Постсоциалистические страны Европы – новые члены ЕС	2,5–3,0
Развивающиеся страны	3–5
Индия	8,5
Китай	13

По производительности труда и другим показателям эффективности использования ресурсов Россия отстаёт в 3–4 раза от 50–60 стран мира, что является во многом следствием более низкого технологического уровня народного хозяйства. Четвёртая часть машин и оборудования в России работают свыше сроков амортизации, более продолжительных по сравнению с большинством других стран. Удельный вес инвестиций в основной капитал и доля «экономики знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) – главная составная часть человеческого капитала в ВВП – крайне низка (18 % и 14 %). Чтобы обеспечить устойчивый экономический рост, хотя бы по 3–4 % в год, эти показатели должны быть, по оценке, не ниже 25 и 20 %. Соответствующие данные представлены в табл. 4.

Нам предстоит трансформировать социально-экономическую систему России, перейдя от государственно-олигархического капитализма с недоразвитым рынком и отсталой социальной сферой к социальному государству с развитым рынком, особенно рынком капитала с воспроизводством «длинных» денег для инвестиций в основную и человеческий капитал. Важно нацелить систему управления на выполнение этой задачи, для чего, на наш взгляд, целесообразно перейти на стратегическое пятилетнее планирование – как Китай и другие рыночные страны, которые использовали пятилетки для ускоренного подъёма экономики: Япония, Южная Корея, Индия и даже Турция, выполняющая 11-ю пятилетку.

В этом направлении Россия успешно осуществляет многие мегапроекты. К 2030–2035 гг. в основном завершится прокладка дополнительных путей Транссиба и БАМа, благодаря чему грузооборот на Восток удвоится. Нефте- и газопровод из России в Китай коренным образом изменил логистику зарубежной торговли энергетическими товарами, перенеся основную нагрузку с Европы на Китай и Индию. Это-

му содействует также увеличение пропускной способности восточного участка железной дороги.

Таблица 4

Доля инвестиций в основной капитал и «экономики знаний» в ВВП и темпы роста экономики в России и странах мира

Страны	Доля инвестиций в основной и человеческий капитал в ВВП суммарно, %	В том числе: доля в ВВП, %		Среднегодовой прирост экономики, %
		Инвестиций в основной капитал	В «экономике знаний»	
Развитые страны	50–60	20	30–40	2
Развивающиеся страны	45–55	30–35	15–20	4–5
Китай	67	45	22	6–7
РОССИЯ	31–34	18¹⁾ 22²⁾	14	0,5
Прогноз для возобновления устойчивого роста на 2026–2030 гг.	45–55	25–30	20–25	3–4
на 2031–2040 гг.	65–70	35	30–35	5

1) Инвестиции в основной капитал по статистике

2) Накопление основного капитала в системе национальных счётов.

Осуществляется мегапроект кратного увеличения грузооборота по Северному морскому пути при ускоренном освоении уникальных природных богатств Арктической зоны. Ставится задача увеличить производство сжиженного газа в Арктической зоне с 35 млн тонн в настоящее время до 120–140 и более млн тонн в 2030-е гг.

Крупнейшим территориальным мегапроектом нашей страны является госпрограмма «Развитие Дальнего Востока». Уже проведена железная дорога от Транссиба и БАМа (Тында) в Якутию, начинается строительство моста через Лену в Якутск. Ожидается разработка крупнейшего территориального мегапроекта с прокладкой Северо-Сибирской железной дороги от Нижневартовска через Красноярский край и Иркутскую область до Якутии и Магадана с освоением обширной зоны Восточной Сибири и Дальнего Востока, богатой природными ресурсами.

В Москве и области реализуются многие мегапроекты: строительство Москва-Сити, кратное увеличение сети метро и наземного движения электропоездов, развитие новых городских центров, в том числе специализированных научно-технологических (общенаучный центр «Сколково», Черноголовка (химия), Пущино (биология), Троицк (ядерная физика), Дубна (физика и информационные технологии), Зеленоград (полупроводники), Жуковский (аэродинамика), Королёв (космическая техника), Переславль-Залесский Ярославской области (информационные технологии), «Генериум» на границе с Владимирской областью (биотехнологии), Обнинск на границе с Калужской областью (ядерная физика и ядерная медицина) и др.).

Необходимо объединить специализированные центры в единую крупную инновационную зону типа «Кремниевой долины». В центре, например, в Новом Про-

твино, предлагается сформировать Центральный Федеральный Университет под эгидой Российской Академии Наук, включающий специализированные колледжи, магистратуру, аспирантуру, докторантуру и отдельные профессиональные школы: например, по информационной технологии, робототехнике, иностранному бизнесу, MBA, DBA, повышению квалификации учителей школ и др. После пятого семестра и изучения фундаментальных курсов в общем здании университета бакалавры будут переходить в специализированные школы, сочетая обучение с научно-исследовательской работой в институтах РАН и научно-производственных комплексах, на должностях старших лаборантов и научных сотрудников.

Учитывая лидерство Санкт-Петербурга в развитии радиоэлектроники, ядерной медицины, биотехнологии и других направлений, включая развитие научного центра по изучению Арктики, целесообразно создать инновационный центр при созданном недавно Санкт-Петербургском научном центре РАН. Главенствующую роль в этой «Кремниевой долине» будет играть включённый в неё Санкт-Петербургский университет и, возможно, Санкт-Петербургский Политехнический университет и Университет ИТМО.

Инновационные центры целесообразно создать также в районе, примыкающем к Новосибирскому Академгородку, городу Кольцово и Бердску, значительно развивая Новосибирский университет как ключевой объект этой зоны; в Екатеринбурге на базе Уральского отделения РАН; при Красноярском и Иркутском научных центрах с включением расположенных там университетов; в Хабаровске и Владивостоке, где создано Дальневосточное отделение РАН, имеющее также значимые университеты.

России предстоит удвоить жилищное строительство к середине 2030-х гг., поскольку наша страна имеет худшие показатели жилищной обеспеченности комфортным жильём – 21 м² против 45 м² в ЕС, 65 м² в США и 40 м² в Китае. Это крайне важно, так как со строительством жилья связаны: строительство коммуникаций, производство стройматериалов, развитие инфраструктуры, огромные денежные потоки при покупке и продаже жилья, жилищно-коммунальные расходы и др. Если увеличивать ежегодно ввод жилья, включая всё повышающуюся долю индивидуального жилищного строительства на 10 % в год, то это ускорит рост ВВП России сначала на 1,5 %, а потом на 2 %. Сегодня, несмотря на низкую долю инвестиций в ВВП, удельный вес жилищного строительства в общих инвестициях в России составляет 12–14 %, а не 20–30 %, как в других странах. Строительство жилья мало зависит от санкций, и мы имеем опыт 10 % прироста ввода жилья в год в период восстановительного подъёма – 1999–2008 гг.

Отставание России в области микроэлектроники и робототехники катастрофично, поэтому наибольшее значение из технологических мегапроектов имеет вложение самых крупных средств в их развитие. Россия производит 19 роботов на 10 тыс. человек персонала, когда Южная Корея производит 1014 единиц, а другие передовые страны – 200–600. В программе до 2030 г. намечено вложить в эту сферу 3 трлн руб., то есть около 40 млрд долларов, что в 3–5 раз меньше, чем в США, Китае, Японии и Южной Корее. Южная Корея (компания Samsung) создаёт в США единый комплекс предприятий стоимостью в 20–25 млрд долларов с производством неосвоенных пока в США чипов размером 1,5-3 нанометра. Примерно такой же комплекс инновационных предприятий с подобной стоимостью в США создаёт Тайвань, где подобные чипы уже выпускаются. Кстати, сам тайваньский комплекс, считающийся самым передовым в мире, ежегодно вкладывает в своё развитие до 10 млрд долларов. Его капитализация близка к 1 трлн долларов. Из сказанного видно, что для того, чтобы приблизиться к мировым лидерам, нам нужна более продвинутая и более долгосрочная программа.

Нам предстоит также фактически заново создать современную авиационную промышленность по производству гражданских самолётов. Речь идёт и о развитии конструкторского дела, двигателестроения, новых материалов, навигационных систем для этой крупнейшей и востребованной отрасли. К сожалению, даже минимальные планы в этой сфере по выпуску отечественного Superjet и ближне- и среднедальнего лайнера МС-21 всё время переносятся из года в год. Усилия здесь необходимо нарастить в разы.

Первостепенной задачей является возрождение развитого машиностроения. Производство отечественных станков покрывает только 2 % в обновлении и расширении станочного парка, а остальную часть приходится закрывать за счёт импортных поставок во многом при параллельном импорте из-за наложенных санкций.

В тяжёлом состоянии находится одна из крупнейших отраслей экономики – автомобилестроение: и не только легковое, но и грузовое. Отсутствует массовое производство современных траков – главного средства перевозки грузов в современных условиях. Уход зарубежных фирм Renault с ВАЗа и Mercedes Benz с КАМАЗа и других крупнейших зарубежных автомобильных производителей из Японии, Германии, Франции и других стран вызвали катастрофическое сокращение этой отрасли, которую надо возрождать и всемерно развивать.

Значительно отстаёт наша страна в производстве многих средне- и высокотехнологичных химических продуктов, всё более востребованных рынком в связи с массовой заменой цветных металлов и спецстали современным пластиком. Не только корпуса, но и крылья современных самолётов стали изготавливаться из пластика. Россия производит низкотехнологичную химическую продукцию (удобрения и полупродукты, которые мы успешно экспортируем), а высокотехнологичные химические продукты России приходится закупать, и поэтому значительную и всё возрастающую часть импорта занимают химические продукты после главной части импорта – изделий машиностроения.

Ряд основополагающих отраслей народного хозяйства являются технологически отсталыми. Например, КПД производства электроэнергии в России немногим превышает 30 %, поскольку плохо развивается наиболее эффективное направление парогазовой генерации с КПД порядка 60 %. При массовом внедрении парогазовых установок, существующий объём электроэнергии можно было бы производить, потребляя в 1,5-2 раза меньше природного газа. Этому препятствует отсутствие в России массового производства крупных газовых турбин для парогазовых электростанций. Кроме того, парогазовые электростанции, даже небольшой мощности, характеризуются высокой эффективностью, поэтому можно существенно сэкономить на передаче электроэнергии на большие расстояния.

Низкоэффективной с позиции уровня производительности труда и более полного извлечения природных ресурсов из недр характеризуется добывающая промышленность. Россия самая богатая в мире страна по нефтегазовым запасам в сланцевых породах Западной и Восточной Сибири, но промышленная добыча нефти и газа из сланцевых пород не ведётся. Между тем именно благодаря сланцевой добыче США из страны с наибольшим импортом нефти выдвинулись на первое место в мире по добыче и поставке нефти и сжиженного газа, в то время как раньше в разы уступали по объёмам добычи нефтегазовых ресурсов России. Перед Россией стоит сложнейшая задача – занять лидирующие позиции в 2030-е гг. по производству и экспорту сжиженного газа. Главная трудность организации собственного производства – нехватка современного оборудования для сжижения газа.

Для решения всех перечисленных задач нам необходимы крупные долгосрочные мегапроекты и огромные инвестиции в основной и человеческий капитал для этих целей.

Отсутствие разработанных и реализуемых мегапроектов правительство пробует заменить национальными проектами. Национальные проекты в основном финансируются из федерального и региональных бюджетов. Лишь малая часть покрывается инвестициями частных коммерческих компаний. Государственные средства предоставляются безвозвратно, с плохим обоснованием их эффективности в сравнении с долговременным инвестиционным кредитом. У России самый низкий размер инвестиционных кредитов – всего 8 % от всех инвестиций. Ещё ниже доля долгосрочных кредитов в «экономике знаний», в том числе в образование. Общий размер национальных проектов крайне мал. Они не дотягивают даже до 10 % всех инвестиций, а сами инвестиции с трудом обеспечивают уровень стагнации, и их явно не хватает для возобновления технологического и социально-экономического роста. Для обеспечения технологического суверенитета России предстоит осуществить коренное техническое перевооружение народного хозяйства. Это предполагает глубокую трансформацию экономической системы в направлении сокращения доли государства в финансировании экономики.

По данным Всемирного банка, после завершения приватизации к 2003 г. доля частного и иностранного бизнеса в производстве ВВП достигла 65 %, а доля предприятий и организаций государства снизилась до 35 %. Вместе с тем, в период восстановительного подъёма до 2008 г. и в последующие годы возникли крупнейшие концерны под государственным контролем: «Роснефть», «Ростехнология», «РЖД». Вернулось преобладающее государственное управление энергетикой вместо приватизации этой сферы, осуществляемой под руководством А. Чубайса. Под контролем государства оказались крупнейший холдинг «Интер РАО», гидроэлектростанции и другие гособъединения по производству электроэнергии. Всё большее число предприятий и организаций брали под государственный контроль региональные власти, особенно во время их банкротства.

В настоящее время, по данным Всемирного банка, удельный вес предприятий и организаций, находящихся под контролем государства, составляет около 70 % ВВП. Банковских активов, находящихся под контролем государства – 75 %. Главенствующую роль играет государственный «Сбербанк», подчинённый правительству, с активами в 58 трлн руб., что превышает объём консолидированного бюджета государства вместе с внебюджетными государственными социальными фондами (пенсионным, фондом страхования здравоохранения и социальным).

Большая часть объектов госсобственности занимается коммерческой деятельностью, а не выполнением каких-либо государственных задач. Это подрывает конкурентную среду. Мировой опыт подтверждает: государство менее эффективно в осуществлении коммерческой деятельности по сравнению с частным бизнесом, тем более в отсутствии государственного планирования.

Капитализация компаний, контролируемых государством, намного ниже, чем капитализация частного бизнеса. Например, объём выпускаемой продукции «Газпрома» в 6,5 раз больше, чем объём частной компании «НОВАТЭК» (10,7 и 1,65 трлн руб. соответственно), а капитализация у них примерно одного уровня (около 42 млрд долларов). Среди мировых компаний «Газпром» занимал 40-е место по производству, а по капитализации – занимает 400-ые места, в то время как в 2021 г. занимал 230-е место. В России нет достаточно крупного частного капитала. Самая крупная частная фирма в

России – «ЛУКОЙЛ» – по выручке замыкает сотню частных компаний в мире, а по капитализации не входит даже в третью сотню таких компаний.

В табл. 5 показана капитализация крупнейших фирм мира в сравнении с российскими компаниями, государственными и частными. Самые дорогие компании России по мировому рейтингу занимают 300–400-е места. Самая дорогая компания мира в 45 раз дороже соответствующей компании России. Из 100 самых дорогих по капитализации компаний мира на долю США приходится 62; Китая – 11; Германии, Великобритании, Франции и Швейцарии – по 3; Индии – 2; и ещё у 10 стран по одной компании.

Таблица 5

10 крупнейших по капитализации компаний в мире и в России

Компании мира	Трлн долл.	Компании России	Трлн руб.	Млрд долл.
Apple	3,67	Сбербанк	6,77	85
Nvidia	3,65	Роснефть	4,78	60
Microsoft	3,25	Лукойл	4,57	56
Amazon	2,29	Новатэк	3,39	42
Alphabet	2,14	Газпром	3,15	39
Saudi Arabian Airlines	1,8	Полюс	2,58	32
Meta Platforms	1,555	Газпром нефть	2,58	32
Tesla	1,15	Норильск	1,75	22
Berkshire Hathway	1,01	Яндекс	1,69	20
Taiwan Semiconductor	0,86	Татнефть	1,59	20

Российские компании имеют в разы меньшие возможности инвестирования в мегапроекты просто из-за своих размеров по сравнению с передовыми мировыми компаниями.

Несмотря на негативные стороны, Россия обладает огромными возможностями для роста и развития. Есть сферы и отрасли, которые уже достигли высоких результатов, в том числе по сравнению с лучшими советскими достижениями. Россия стала крупнейшим экспортёром сельскохозяйственной продукции и удобрений. Несмотря на низкий технологический уровень, России удалось существенно поднять производство нефти, природного газа и продуктов их переработки: она производит 10 % всех энергетических продуктов мира, занимая в мировом экспорте долю в 12 %.

У России есть и потенциал по увеличению производства сельскохозяйственной продукции, особенно если установить эквивалентные торгово-экономические отношения сельского хозяйства с перерабатывающей её продукцию промышленностью и торговыми сетями, которые вытягивают из сельского хозяйства значительную часть прибавочного продукта, оставляя с меньшими доходами и инвестициями. Между тем, с мировых позиций для устойчивого развития в мире крайне важен экспорт сельскохозяйственной продукции в беднейшие страны мира, где превалирует бедность и голодное существование десятков миллионов человек. Россия может стать одной из ведущих стран мира в помощи им.

В заключение хочется обратить внимание на особую важность мегапроектов социальной направленности. Президент РФ В. В. Путин в своих указах от 7 мая

2018 г. и в 2024 г. на первое место ставит задачу сбережения и преумножения народа России, что предполагает преодоление депопуляции (превышение смертности над рождаемостью), которая в России в последнее время превышает 500 тыс. человек в год. По показателю динамики населения (приток или отток) Россия занимает одно из последних мест среди стран мира. С 2015 г. резко сократилась рождаемость в России из-за сокращения числа фертильных женщин и снижения суммарного коэффициента рождаемости (число рождённых на одну женщину в фертильном возрасте в данном году) с 1,777 в 2015 г. до 1,41 в 2024 г. Ставится задача выправить положение, повысив этот коэффициент в соответствии с указом В. В. Путина до 1,6 к 2030 г. и 1,8 к 2036 г. Смертность населения в России катастрофически высока, особенно от сердечно-сосудистых заболеваний, где она превышает соответствующий показатель передовых стран мира человек населения от 4 до 8 раз. По другим патологиям это превышение ниже – в основном в 2 раза, что видно из табл. 6. В таблице приведены стандартизированные показатели с устранением влияния возрастной структуры населения по оценке ВОЗ.

Таблица 6

**Смертность населения по причинам смерти по России и странам мира в 2019 г.
(умерших на 100 тыс. населения)**

Страны	Злокачественные новообразования	Сердечно-сосудистые болезни	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины смерти
Россия (2022 г.)	191,6	566,8	55,6	70,4	99,5
1-ая группа:	Страны с ожидаемой продолжительностью жизни 76-79 лет				
Китай	133,7	235,8	11,4	14,1	41,7
США	102,6	128,1	8,9	20,4	45,9
Аргентина	117,1	153,4	60,5	30,4	41,4
Мексика	71,1	150,2	19,6	56,0	58,7
Польша	147,8	188,7	22,7	28,7	32,1
2-ая группа:	Страны с ожидаемой продолжительностью жизни 80 лет и выше				
Германия	114,2	107,3	7,7	20,0	23,0
Италия	105,7	95,1	6,3	12,4	17,8
Франция	123,7	68,9	8,1	16,1	29,2
Великобритания	113,2	84,9	20,4	20,7	20,3
Канада	106,6	78,5	7,8	15,6	26,8
Австралия	101,1	72,7	7,0	12,4	26,3
Япония	96,5	68,3	16,6	12,9	24,4
Смертность в России выше (число раз)					
1-ая группа стран	2	4	2	2	2
2-ая группа стран	2	8	4	3	4

Нам нужен мегапроект по сохранности и сбережению народа и его приумножению на предстоящее десятилетие, который позволил бы нам восстановить естест-

венный прирост населения (плюс положительное сальдо миграции). Для этого надо сначала удвоить, а потом и утроить расходы на здравоохранение в составе ВВП до уровня передовых стран мира. Это позволит решить поставленную В. В. Путиным задачу поднять ожидаемую продолжительность жизни в России с 73 лет в настоящее время до 78 в 2030 г. и 81 в 2036 г. Ожидаемая продолжительность жизни в России и отдельных странах мира представлена в табл. 7.

Таблица 7

Международный рейтинг стран мира по ожидаемой продолжительности жизни, в том числе здоровой жизни (по данным ВОЗ, 2019 г.)

Страна и номер места в рейтинге (из 183)	Ожидаемая продолжительность жизни			Продолжительность здоровой жизни		
	Общая	Мужчины	Женщины	Общая	Мужчины	Женщины
96. Россия	73,0	68,0	78,0	64,2	60,7	67,5
Развитые страны						
1. Япония	84,5	81,9	87,1	74,1	72,6	75,5
4. Испания	83,3	80,8	85,8	72,1	71,3	72,9
20. Германия	81,7	78,7	84,8	70,9	69,7	72,1
38. США	79,0	76,7	81,3	68,6	66,7	70,5
Постсоциалистические страны Европы						
36. Чехия	79,2	76,4	82	68,8	67	70,6
42. Польша	78,4	75,7	81,1	68,7	65,9	71,3
58. Венгрия	76,4	73,1	79,6	67,2	65,0	69,3
75. Болгария	75,1	71,6	78,6	66,3	63,9	68,7
Развивающиеся страны						
31. Чили	80,7	78,1	83,2	70,0	69,0	71,3
40. Турция	78,5	76,5	80,5	66,0	65,0	67,0
48. Китай	77,4	74,7	80,5	68,5	67,2	70,0
67. Бразилия	75,9	72,4	79,4	65,4	63,4	67,4
82. Саудовская Аравия	74,3	73,1	76,1	64,0	63,8	64,4
117. Индия	70,8	69,5	72,2	60,3	60,3	60,4
Мир в целом	73,3	70,8	75,9	63,7	62,5	64,9

В случае успешной трансформации нашей страны на базе научно-технологического прогресса и инновационного развития среднегодовой рост ВВП в России до 2030 г. может достигнуть 3–4 %, а после 2030 г., когда доля инвестиций в основной капитал достигнет 30–35 % ВВП, как и доля «экономики знаний», рост экономики в год может подняться до 5–6 %. В этом случае к концу 2030 г. наша страна станет вровень с первой пятёркой высокоразвитых стран мира – США, Китаем, Германией и Японией – по уровню технологий, экономики и социальной сферы.

В табл. 8 показано повышение международного рейтинга России среди стран мира по высказанному здесь оптимистическому сценарию нашего перспективного развития.

Таблица 8

Международный рейтинг России среди 150 ведущих государств мира по социально-экономическим показателям (место среди стран)

Показатели	2018 г.	Оптимистическая оценка	
		2030 г.	2035 г.
Объём ВВП: по ППС	6	5	4
по рыночному валютному курсу	12	8	6
ВВП на душу населения (уровень экономического развития):			
по ППС	45	35	25
по рыночному валютному курсу	80	45	40
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	120	30	20
Доля «экономики знаний» в ВВП	110	30	20
Индекс социального развития	70	45	20
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	90	50	25
Реальные доходы на душу населения:			
по ППС	55	40	25
по рыночному валютному курсу	90	50	30
Обеспечение комфортным жильём	80	50	30
Образование	30	20	10
Здравоохранение	120	60	20
Уровень жизни пенсионеров	80	50	25

Россия – страна огромных возможностей и поэтому новые достижения зависят от нашей целеустремлённости и организованности.

A. G. Aganbegyan³. Megaprojects and Their Role in Russia's Long-Term Scientific-Technological and Socio-Economic Development. The paper provides a definition to the concept of a megaproject and gives an estimate of the share of the cost for megaprojects, which is about 8% of the world GDP, and for leading countries it is up to 20-30% of GDP. The author outlines the essential objective for Russia, i.e., the return of an accelerated socio-economic growth based on scientific and technological innovative progress and radical transformation of the economy, social sphere, and management system. The experience of creating and implementing large megaprojects

³ *Abel G. Aganbegyan*, Head of Department Economic Theory and Policy at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82/1 Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia), Dr. of Economics, Professor, Academician of the RAS, e-mail: information@ranepa.ru.

in our country and other countries of the world is analyzed. The connection between the megaprojects launched in the USSR and modern Russia, particularly for the development of Siberia, is emphasized. The author concludes it is necessary to generalize the positive world experience of developing and implementing megaprojects for an accelerated rise in the technological and socio-economic level of Russia after the completion of the Special Military Operation. Moreover, economic development of modern Russia is summarized based on data collected since 1991. The goals of transforming the socio-economic system of Russia are outlined. The list of megaprojects being implemented and planned to ensure the solution of this problem includes establishing innovation centers, investing in the development of microelectronics, robotics, mechanical engineering, housing construction, aircraft and automobile manufacturing, etc. To increase investment efficiency, it is proposed to reduce the role of the state and replace national projects with commercial megaprojects. Russia is a country of great opportunities and therefore new achievements depend on our determination and good organization.

Keywords: megaproject, innovation center, economic transformation, unicorn company, industrialization, strategic planning, national projects, technological sovereignty.

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-40-56

*В. И. Маевский*¹

БЕЛЫЕ ПЯТНА В ОРТОДОКСАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ^{2,3}

В современных макромоделях (в частности, динамических стохастических моделях общего равновесия – моделях DSGE), занимающих лидирующие позиции в мировой экономической науке, деньги не входят в состав переменных. Если на практике деньги (наряду с инновациями) выступают как мотор развития экономики, то в указанных моделях такого мотора нет. На наш взгляд, основной дефект моделей типа DSGE в том, что они являются «безденежными». Главный пробел, препятствующий построению макромоделей, где деньги есть мотор развития, связан с недопониманием сущности кругооборота денежных средств в замкнутой экономике, воспроизводящей собственными силами свой основной капитал. В этом суть белого пятна в ортодоксальной экономической теории. Показано, что кругооборот денежных средств есть превращение денежного капитала в потребительские деньги, а затем обратное превращение потребительских денег в денежный капитал. Представлены разъяснения сущности переключающегося режима воспроизводства (ППВ) как объективно существующего феномена. Построена и проанализирована схема двухконтурного (инвестиционного и потребительского) кругооборота денежных средств, основанная на принципах ППВ. Показано, что эмиссия в инвестиционный контур способствует росту экономики, а эмиссия в потребительский контур позволяет решать социальные и геополитические задачи, но генерирует инфляцию. Дана критическая оценка позиции сторонников DSGE по оправданию отсутствия в их моделях денег как переменных статистически незначимой связью с ключевыми макропоказателями.

Ключевые слова: кругооборот денежных средств, переключающийся режим воспроизводства, модель DSGE.

УДК 330.352

¹ Владимир Иванович Маевский, главный научный сотрудник Центра институционально-эволюционной экономики Института экономики РАН (117218, РФ, Москва, Нахимовский пр., 32), д-р экон. наук, профессор, академик РАН, e-mail: maev1941@bk.ru.

² Подготовлено по материалам доклада на X Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2025) «Труд и трансформация общества: знание, творчество, нономика» (08–09 апреля 2025 года).

³ Работа выполнена в рамках Государственного задания по теме «Институциональные и воспроизводственные основания экономической политики России по переходу к экономике развития».

1. Кругооборот денежных средств – белое пятно № 1.

Термин «белые пятна» – не только географический. Белые пятна существуют во многих отраслях науки: химии, физике, генетике и т. д.⁴ Есть они и в фундаментальной экономической науке. Одно из таких пятен можно найти в области макроэкономического моделирования.

Дело в том, что в современных макромоделях, прежде всего, в динамических стохастических моделях общего равновесия (короче – DSGE), занимающих лидирующие позиции как в мировой экономической науке, так и в экономической политике ряда стран, деньги не входят в состав переменных и, не влияют на параметры роста. Если на практике деньги опосредуют все виды экономических отношений и наряду с инновациями играют роль мотора роста экономики, то в указанных моделях такого мотора нет. Деньги определяются как нечто вторичное. Как отмечает А. С. Полбин (один из российских конструкторов модели DSGE), уравнение спроса на деньги «определяет только динамику денежной массы и не оказывает никакого влияния на остальные переменные модели» [1, с. 344].

По нашему мнению, такой способ моделирования денег в экономике может иметь смысл в условиях директивного, административно-командного способа управления, но он не походит для экономик рыночного типа. В этой ограниченности сферы возможного применения можно найти один из дефектов модели DSGE: «безденежная» модель не может быть адекватна рыночной экономике. Когда критически настроенные экономисты утверждают, что такие модели отражают математически красивый, но искусственный «виртуальный» мир, почти не имеющий отношения к действительности [2], то, учитывая дефект «безденежности», им трудно возразить. В связи с этим нельзя не заметить, что в среде макроэкономистов нарастает потребность в радикальной реконструкции моделей DSGE или в разработке альтернативных подходов, опирающихся на иные инструменты и способы моделирования экономической динамики.

Так, в 2018 г. на страницах журнала «Oxford Review of Economic Policy» в спецвыпуске «Rebuilding Macroeconomic Theory» прошла дискуссия по вопросам совершенствования макроэкономических моделей, прежде всего моделей типа DSGE. Аналитический обзор опубликованных в этом журнале статей, проведённый

⁴ Несколько примеров. По мнению профессора РАН Артёма Оганова, в *химии* белые пятна есть даже в системах, которые, казалось бы, просты и хорошо изучены. https://news.itmo.ru/ru/science/new_materials/news/7066/?ysclid=m4zcnwfo92918824498 (дата обращения: 22.12.2024).

В *физике* к числу белых пятен относится тайна «темной материи». Доказано, что темная материя существует, однако что она собой представляет – пока неизвестно. По мнению Мартина Уайта, профессора Калифорнийского университета, «природа темной энергии – одна из самых непреодолимых тайн в физических науках». https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432142/Belye_pyatna_nauki?ysclid (дата обращения: 22.12.2024)

В *генетике*, с точки зрения Яна Вича – профессора Нью-Йорского медицинского колледжа, одним из белых пятен является недостаточность знаний о процессе старения. «Старение – чрезвычайно сложный процесс, к адекватному пониманию которого мы только начинаем приближаться. Необходимо изучать самые разные факторы и механизмы старения, и это работа на много десятилетий». https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432142/Belye_pyatna_nauki?ysclid (дата обращения: 22.12.2024).

М. Ю. Андреевым, А. В. Полбиным в [3], позволил условно выделить три основных подхода к развитию макроэкономических моделей:

– подход жёстко критический, фиксирующий, что DSGE-модели работают плохо, однако их не надо отбрасывать, надо улучшать, поскольку они содержат «правильные основы», в частности, опираются на прочный бэкграунд в виде модели реального делового цикла, которая в свою очередь восходит к модели Ф. Рамсея, а последняя к идеям Л. Вальраса. Этот подход поддерживают О. Blanchard [4], F. Chironi [5], J. Stiglitz [6], D. Vines, S. Wills [7], R. Wright [8];

– подход, который можно назвать мягким, так как его представители P. Krugman [9], J. Linde [10], R. Reis [11] не предполагают резких действий по совершенствованию моделей DSGE и в целом не склонны возлагать ответственность на макроэкономические модели за упущенный в прогнозах кризис 2008–2009 гг.;

– подход, допускающий альтернативы DSGE-моделям. В данном случае имеются в виду структурные эконометрические модели (S. Wren-Lewis [12]), агентно-ориентированное моделирование (A. Haldane, A. Turrell [13]) или модели любого типа, имеющие эмпирическое обоснование (D. Hendry, J. Muellbauer [14]).

Мы согласны с идеей построения альтернативных динамических макромоделей, но с оговоркой, что в первую очередь следует обратить внимание на модели, способные преодолеть вышеуказанный дефект «безденежности», а это возможно на основе других базовых предпосылок, отличных от тех, которые используются в моделях DSGE. Действительно, создать динамическую модель, в которой деньги входят в число переменных и влияют на поведение основных макроэкономических параметров, прежде всего на показатели роста и инфляции, можно в том случае, если в качестве механизма, приводящего экономику в движение, будет выступать кругооборот денежных средств, действующий в масштабе экономики в целом и опосредующий на макроуровне воспроизводство труда и капитала. Но именно в связи с таким кругооборотом возникает проблема белых пятен.

Дело в том, что в теории рассматриваются в основном локальные петли денежного обращения: например, петли по поводу выдачи – погашения кредитов. Что касается кругооборота денежных средств, функционирующего в масштабе экономики в целом, то он до сих пор не изучен до уровня, позволяющего построить модель его функционирования. Кроме простого определения данного К. Марксом, где кругооборот денежных средств есть «возвращение денег к своему исходному пункту» [15, с. 411], мы мало что знаем. Не ясно даже, что означает процесс «возвращения денег». То ли движение одного и того же денежного агрегата (например, денежной массы M2) по замкнутому кругу (подобно движению планет), то ли процесс аналогичный кругообороту метаморфозов общественного капитала, когда деньги предстают в виде некоторых денежных форм, способных превращаться друг в друга.

Получается, что в отличие от биологии, которая 400 лет назад открыла механизм кровообращения в организмах животных (У. Гарвей), экономическая наука до сих пор не смогла сделать то же самое в области кругооборота денежных средств в рамках экономики в целом. Данный теоретический пробел можно определить как «белое пятно» № 1 экономической теории.

Однако это пятно, по-видимому, не смущает некоторых теоретиков: незнание принципа действия кругооборота денежных средств, функционирующего в масштабе экономики в целом, компенсируется знанием хозяйственного кругооборота, возникающего из купли-продажи товаров, услуг и факторов производства. Предполагается,

что поскольку хозяйственному кругообороту товаров, услуг, факторов производства соответствует движущийся в противоположном направлении круговой поток денежных средств, то этого достаточно для понимания особенностей последнего. В учебной, справочной и научной литературе накопилось множество схем хозяйственного кругооборота. Приведём одну из них (рис. 1).

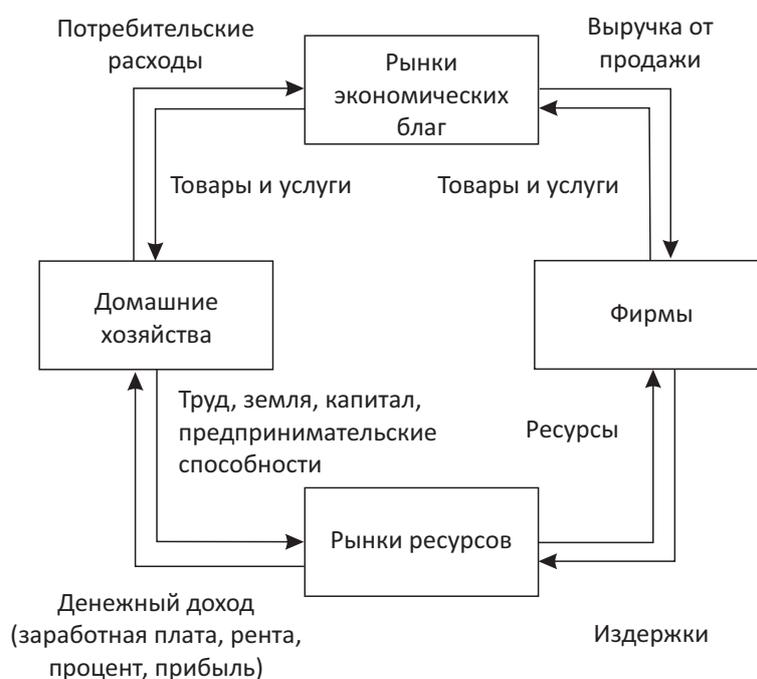

Рис. 1. Простейшая схема хозяйственного кругооборота (источник: [16, с. 416])⁵

Бессмысленно обсуждать вопрос об адекватности схемы, изображённой на рис. 1, кругообороту денежных средств: мы пока что не знаем, как этот кругооборот выглядит и в чем его особенности. Поэтому представляется целесообразным оставить в покое схему хозяйственного кругооборота и заняться интересующим нас кругооборотом денежных средств, функционирующим в масштабе экономики в целом.

Обратимся к далёкой от современного мейнстрима экономической теории К. Маркса, той теории, которую ««мейнстрим» признает ... только в качестве персонажа учебников истории экономической мысли, где за ним закрепилась отдельная глава и почётное место в тройке, пятёрке или десятке крупнейших экономистов прошлого – по вкусу авторов учебников. Предполагается, что для современного экономиста знание Маркса – вопрос эрудиции, но не профессии» [19, с. 75].

Для нас знание К. Маркса представляет профессиональный интерес. Начнём с разработанной К. Марксом фундаментальной теории кругооборота метаморфозов ка-

⁵ Аналогичные схемы можно найти у Н. Г. Мэнкью [17, р. 48], У. Баумоля и А. Блиндера [18, р. 33] и т. д.

питала как процесса перехода денежного капитала в производительный, производительного – в товарный и товарного – снова в денежный капитал⁶.

Данная теория интересна в методологическом плане. Так как деньги вовлечены в кругооборот метаморфозов капитала (денежный капитал – это деньги), то можно сказать, что два кругооборота (капитала и денежных средств) пересекаются. Сам факт пересечения формы капитала и формы денег подсказывает, что кругооборот денежных средств – это не движение некоторого денежного агрегата по заданной орбите, а процесс, в котором задействовано несколько форм денег и который представляет собой цепь таких превращений одних форм денег в другие, когда, отправляясь от некоторой исходной формы А, денежные средства возвращаются к той же форме А. Что это за формы?

В первом томе «Капитала» К. Маркс обратил внимание на существование двух базовых форм денег: «деньги как деньги и деньги как капитал» [21, с. 193]. Мы воспринимаем «деньги как капитал» как одну из базовых форм денег, поскольку они представляют тот денежный капитал, тот *primus motor*, с которого начинается кругооборот метаморфозов капитала и на основе которого функционирует и растёт всякое капиталистическое производство. Это деньги, входящие в активы фирмы, а также образующие как её оборотные средства, так и фонды, на основе которых (при добавлении заёмных и привлечённых средств) формируются инвестиции в основной капитал. «Деньги как деньги» – это вторая базовая форма денег. В неё входят, прежде всего, денежные доходы домашних хозяйств (физических лиц), а через налоги – доходы государственного бюджета, муниципальных бюджетов.

Деньги в разрезе двух указанных базовых форм в ортодоксальной экономической литературе не рассматриваются⁷. Существуют другие подходы к формам денег, прежде всего основанные на группировке денег по степени ликвидности. Это агрегаты M0, M1, M2, M3. Можно предположить, что две выделенные К. Марксом базовые формы денег представляют собой *составные части* каждого из денежных агрегатов M0, M1, M2, M3. Например, наличные деньги M0 частично состоят из «денег как денег» (когда они находятся на руках домашних хозяйств и государственных органов) и частично из «денег как капитала» (когда находятся в распоряжении фирм). Повидимому, аналогично обстоит дело с агрегатами M1, M2, M3. В целом же поставленный вопрос нуждается в обсуждении, пока что речь идёт о гипотезе.

Если обозначить марксовы «деньги как деньги» через SM (*simply money* – просто деньги или потребительские деньги), а «деньги как капитал» через MC (*money*

⁶ Эта теория не упоминается в трудах представителей экономического мейнстрима, но она до сих пор имеет значение. Действительно, несмотря на то, что экономисты отмечают несовершенство модели кругооборота капитала К. Маркса как основы теории современной «двойной» бухгалтерии, поскольку данная модель является теорией «простой» бухгалтерии [20, с. 49–50], исследование данного кругооборота можно рассматривать как одну из отправных точек теоретического бухучета.

⁷ Если бы мейнстрим различал эти две формы, то рухнула бы одна из его важнейших гипотез – гипотеза нейтральности денег. Когда деньги заключены в оболочку денежного капитала (финансового капитала), они становятся капиталом в полном смысле этого слова, а потому обретают важнейшее свойство капитала приносить прибыль. И если оставить в стороне спекулятивный капитал, то деньги как капитал приносят вместе с прибылью рост производства и занятости, а потому никак не могут быть нейтральными.

capital – денежный капитал), то простейшую формулу кругооборота денежных средств, действующего в экономике в целом (то есть между совокупностью фирм и совокупностью домашних хозяйств (плюс государство)), можно представить так:

$$\dots \rightarrow SM \rightarrow MC \rightarrow SM \rightarrow MC \rightarrow \dots \quad (1)$$

Суть простейшей формулы кругооборота (1) такова: если SM – денежный доход домашних хозяйств – превращается в денежную выручку фирм (при покупке домашними хозяйствами продукции фирм), а последняя используется для пополнения MC – денежного капитала фирм, то есть для прироста оборотных средств, а также накопления амортизации и прибыли, то обязательно должен существовать обратный процесс превращения MC в SM. Только в этом случае простейшая формула (1) будет формулой кругооборота денежных средств, функционирующего в масштабе экономики в целом.

Однако простейшая формула (1) – это лишь первый шаг на пути к раскрытию особенностей кругооборота денежных средств. Её недостаток в том, что кругооборот представлен как *одноконтурный* процесс повторяющихся метаморфозов MC в SM и обратно SM в MC. На самом же деле в экономике действует *двухконтурный* кругооборот денежных средств. Этот кругооборот наиболее отчётливо проявляет себя при рассмотрении экономической динамики с точки зрения переключающегося режима воспроизводства (ПРВ).

Но чтобы обнаружить это проявление, необходимо понять феномен ПРВ. Здесь нужны комментарии, поэтому мы на время отвлечёмся от проблемы кругооборота денежных средств ради того, чтобы разобраться с ПРВ.

2. Феномен ПРВ и теория ПРВ

Начнём с того, что переключающийся режим воспроизводства – это не теоретическая гипотеза по поводу особенностей организации производственных процессов, а объективно существующая реальность, порождаемая тем фактом, что в экономике любой страны основной капитал нефинансового сектора представляет собой разновозрастной набор капитальных благ, а потому его обновление (воспроизводство) происходит по частям. Процесс обновления со временем *переключается* с одной части основного капитала на другую и таким образом постепенно охватывает весь основной капитал с тем, чтобы повториться вновь.

Очевидно, что объективно существующий феномен ПРВ заслуживает теоретического осмысления и математического моделирования в не меньшей степени, чем феномен перекрывающихся поколений населения. Однако если последний активно исследуется теоретиками мейнстрима (вспомним известные модели OLG – The overlapping generations models = модели перекрывающихся поколений), то первый – нет. Макроэкономический мейнстрим не моделирует данный феномен. Возникает вопрос, можно ли считать случайным такое стечение обстоятельств, когда господствующая макроэкономическая теория занимается построением «безденежных» моделей потому, что не может предложить математическое описание кругооборота денежных средств, а это «не может» происходит потому, что она (теория) игнорирует феномен ПРВ или, что ещё хуже, не знает о его существовании.

Известному физику, автору концепции «безмасштабных сетей» А. Л. Барабаша принадлежат прекрасные слова: «Знание порождает знание, навыки порождают на-

выки, а опыт порождает опыт. И всё это ведёт к успеху, который порождает успех»⁸. Но бывает и нечто противоположное, когда незнание порождает незнание, квазинаучные теоретические конструкции порождают квазинаучные конструкции. И все это не приближает к успеху, а удаляет от него.

* * *

Однако за пределами ортодоксии (мейнстрима) исследования, связанные с феноменом ПРВ, ведутся достаточно давно. Первые результаты были получены без малого полвека назад⁹. Но они остались незамеченными. В последние полтора десятилетия исследования активизировались. В Институте экономики РАН В. И. Маевским, С. Ю. Малковым и А. А. Рубинштейном построена и запрограммирована на языке Matlab математическая модель переключающегося режима воспроизводства. На её основе доказано, что в экономике, за исключением экзотических случаев, имеет место не-нейтральность денег в долгосрочном периоде (в рамках мейнстрима господствует прямо противоположная точка зрения). Предложен новый тип показателя таргетирования денежно-кредитной политики, заменяющий традиционное таргетирование инфляции целевой установкой на достижение компромисса между инфляцией и экономическим ростом. Есть и другие результаты: они опубликованы в трёх монографиях и нескольких статьях, например в [23–26].

Ортодоксальные экономисты игнорируют не только феномен ПРВ, но и теоретические исследования по его поводу¹⁰. Поэтому, прежде чем вернуться к двухконтурному кругообороту денежных средств в контексте ПРВ, целесообразно хотя бы кратко показать, каким образом мы перешли от феномена ПРВ к теории и модели ПРВ.

Теория ПРВ начинается с «одушевления» разновозрастных частей основного капитала нефинансового сектора, то есть превращения этих частей в экономических субъектов нефинансового сектора, которым присущи все атрибуты реального субъекта: наличие собственников, менеджеров, инженеров, рабочих, а также способность производить ключевые виды продукции.

В модели ПРВ акт «одушевления» означает, что разновозрастному набору основных капиталов нефинансового сектора поставлено в соответствие N разновозрастных макроэкономических подсистем $\{G_1, G_2, \dots, G_N\}$, где каждая подсистема обладает в году t основным капиталом определённого возраста (G_1 располагает самым молодым в году t капиталом, G_N – самым старым капиталом, его возраст равен N лет) и производит конечные продукты $\{Y_1, Y_2, \dots, Y_N\}$, образующие в сумме ВВП страны. Введено допущение, что каждая подсистема, подобно экономике в целом, способна производить и капитальные товары (новый основной капитал), и непродуцируемые, прежде всего потребительские блага, но делает это *поочерёдно*.

⁸ https://ya.ru/search/?text=знание+порождает+знание&lr=213&clid=2175661&search_source=ya_ru_desktop_common&search_domain=ya.ru (дата обращения: 14.05.2025).

⁹ В 1980 г. автор настоящей статьи на примере модифицированной марксовой схемы простого воспроизводства показал, каким образом происходит реализация частей общественного продукта в условиях переключающегося режима воспроизводства [22].

¹⁰ Единственная на сегодняшний день статья, где обсуждается модель ПРВ, это статья Е. Л. Горюнова [27]. Автор критикует модель ПРВ и защищает модели типа DSGE. Однако он не обращает внимание на то, что сам по себе переключающийся режим – это объективно существующий феномен. Отказ от его моделирования – одна из грубых абстракций, допускаемых конструкторами DSGE.

В модели ПРВ принято, что основной капитал ежегодно обновляет только одна – самая старая подсистема. Например, в году t это делает подсистема G_N . В течение года она работает в замкнутом режиме и производит капитальные товары для самой себя. Другие подсистемы $\{G_1, G_2, \dots, G_{N-1}\}$ выпускают в этом году только потребительские блага, которые они продают домашним хозяйствам $\{H_1, H_2, \dots, H_N\}$. В следующем $t+1$ году обновление основного капитала проведёт подсистема G_{N-1} , остальные подсистемы будут выпускать потребительские блага и т. д. и т. п. Такова в сжатом виде суть теории ПРВ. Мы сознаём, что используемые допущения недостаточно корректны и дают повод для критики. Например, весьма грубым является предположение, что экономика в целом переключается с производства капитальных благ на непроемственные товары. На самом деле переключения такого рода актуальны в инвестиционной сфере, особенно в машиностроении, создающем основной капитал для себя и для других. Однако более реалистичные допущения ведут к усложнению как модели ПРВ, так и расчётных процедур на её основе.

3. Двухконтурный кругооборот

Начнём с двух предварительных замечаний, позволяющих упростить построение двухконтурного кругооборота денежных средств.

Первое замечание. Денежный капитал МС можно разделить на две части, которые ведут себя по-разному в условиях переключающегося режима воспроизводства:

– $МС_i$ – инвестиционный денежный капитал подсистем $\{G_1, G_2, \dots, G_N\}$. Это такой денежный капитал, посредством которого финансируется воспроизводство основного капитала данных подсистем ($i = 1 \dots N$). Если в году t основной капитал воспроизводит подсистема G_N , то для этой цели она расходует только денежный капитал $МС_N$. Обратный денежный капитал в данном процессе не участвует.

– $МС_i$ – оборотный денежный капитал. Он обслуживает подсистемы в то время, когда они сосредоточены на текущем выпуске непроемственных благ. В году t такими подсистемами являются $\{G_1, G_2, \dots, G_{N-1}\}$.

Второе замечание. Поскольку мы намерены связать двухконтурный кругооборот денежных средств с переключающимся режимом воспроизводства, то экономическую модель производства и потребления общественного продукта необходимо представить в адекватном требованиям ПРВ виде.

С этой целью воспользуемся макроэкономической схемой простого воспроизводства капитала, представленной тремя подсистемами $\{G_1, G_2, G_3\}$ и действующей при условии, что в году t основной капитал обновляет только подсистема G_3 (её конечный продукт Y_3 – это средства труда), тогда как предметы непроемственного потребления $Y_{1,2}$ производят только подсистемы G_1 и G_2 :

$$\begin{aligned} Y_3 &= c_3 + (v_3 + m_3) \\ Y_{1,2} &= c_{1,2} + (v_{1,2} + m_{1,2}), \end{aligned} \quad (*)$$

где c – стоимость потреблённого основного капитала; $v + m$ – доход (чистая добавленная стоимость).

Схема (*) внешне напоминает общеизвестную марксову схему простого воспроизводства. В (*) доход $v_3 + m_3$ предполагается равным стоимости потреблённого капитала $c_{1,2}$. То же есть и у Маркса: доход $v_1 + m_1$ равен стоимости потреблённого капитала c_{II} . Но у Маркса не учитывается переключающийся режим воспроизводства, а равенство $v_1 + m_1 = c_{II}$ ве-

дѣт к эквивалентному обмену между I и II подразделениями (средства производства обмениваются на предметы потребления). Условие эквивалентного обмена сближает его схему воспроизводства с моделями равновесия¹¹. Возможно, по этой причине К. Марксу, несмотря на серьёзные усилия, не удалось дать полное описание кругооборота денежных средств в масштабе экономики в целом, а его последователь М. И. Туган-Барановский решил полностью отказаться от такой попытки¹². Наконец, известно, в моделях общего равновесия, таких как модель Эрроу-Дебре, модели класса DSGE, присутствие денег не является обязательным условием¹³.

В схеме (*) эквивалентного обмена нет! Нет потому, что подсистема G_3 производит в году t средства труда только для собственных нужд и ничего не продаёт подсистемам G_1 и G_2 . Зато подсистемы G_1 и G_2 производят часть своих предметов потребления для продажи домашним хозяйствам H_3 , работающим на подсистему G_3 . *Деньги в такой ситуации жизненно необходимы, без них схема (*) не может работать.* Такие деньги у подсистемы G_3 имеются: это \widehat{MC}_3 – инвестиционный денежный капитал, накопленный подсистемой ради оплаты труда H_3 по воспроизводству собственного основного капитала G_3 .

* * *

Блок-схема двухконтурного кругооборота денежных средств \widehat{MC} , \overline{MC} , SM , циркулирующих в макроэкономической схеме простого воспроизводства (*), представлена на рис. 2 в виде *инвестиционного* и *потребительского* контуров, которые взаимодействуют между собой в процессе производства потребительских благ $Y_{1,2}$.

Инвестиционный контур. На рис. 2 показана лишь часть этого контура, его отдельная петля. Она выделена полужирными стрелками. Специфика выделенной петли в том, что расходуемый подсистемой G_3 в году t инвестиционный денежный капитал \widehat{MC}_3 замыкается через потребительские деньги SM_3 домашних хозяйств H_3 на такой же инвестиционный денежный капитал, но замыкается не на себя, а на инвестиционный денежный капитал $\widehat{MC}_{1,2}$, принадлежащий подсистемам G_1 и G_2 . Формула отдельной петли инвестиционного контура в году t такова:

$$\widehat{MC}_3 \rightarrow SM_3 \rightarrow \widehat{MC}_{1,2} \quad (2)$$

¹¹ Не случайно У. Баумоль ассоциирует Марксовы схемы с «простейшей моделью общего равновесия» [28. С. 96]. Задолго до Баумоля Й. Шумпетер в своей трехтомной «Истории экономического анализа» отметил, что Маркс, следуя Кенэ, «правильно вывел условие стационарности, а также условие равновесия для двух подразделений общественного производства...» [29. С. 743]. Естественно, что современные учебники по истории экономических учений повторяют подобного рода выводы [30].

¹² М. И. Туган-Барановский, утверждая, что «капиталистическое производство предполагает превращение денежного капитала в средства производства и затем обратное превращение капитала в деньги», тем не менее решил, что «при абстрактном анализе общественного воспроизводства капитала можно игнорировать пертурбации круговорота капитала, вызываемые трудностями превращения товара в деньги» [31. С. 905].

¹³ Процитируем эксперта по теории денег Дж. Ингхэма: «Деньги даже не появляются в аналитическом пространстве некоторых из наиболее престижных, математически изоциренных моделей экономики, таких как модель общего равновесия Эрроу–Дебре» [32. Р. 8].

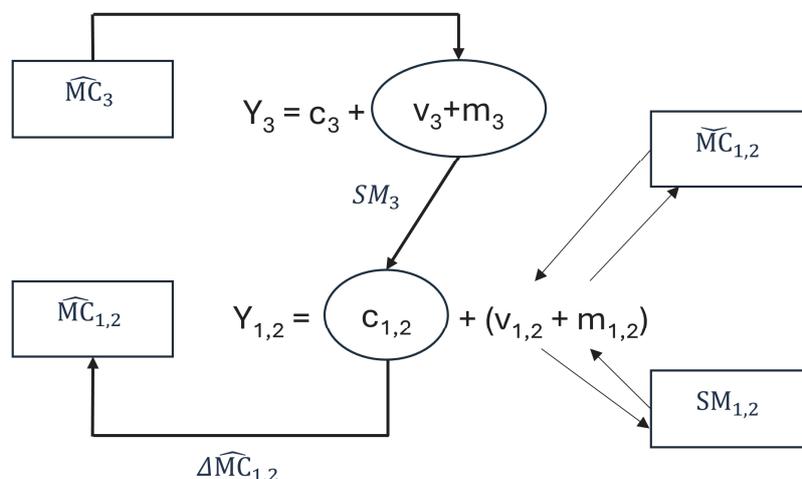

Рис. 2. Блок-схема двухконтурного кругооборота денежных средств

Формула (2) показывает, что инвестиционный денежный капитал \widehat{MC}_3 , уходя из одной части экономики (из подсистемы G_3), появляется в другой части экономики (в подсистемах G_1 и G_2) и таким образом *сохраняет* себя. Данное сохранение реально существует, и его можно отнести к разряду важнейших феноменов воспроизводящейся экономики. Когда К. Маркс, исследуя в рамках своей схемы процесс воспроизводства капитала во II подразделении, обнаружил аналогичный феномен, он допустил возможным назвать его «законом воспроизводства в неизменном масштабе» [33. С. 550]. Анализ, проведённый с помощью модели ПРВ, подтверждает позицию К. Маркса: в ходе экспериментальных расчётов мы неоднократно убеждались в том, сколь серьёзными могут быть последствия, если феномен сохранения инвестиционного денежного капитала начинает давать сбой.

Вернёмся к формуле (2). Для того чтобы от описания отдельной петли инвестиционного контура перейти к полному описанию данного контура, добавим к метаморфозам денежных средств, происходящим в году t , метаморфозы $(t+1)$ -го и $(t+2)$ -го годов, а также начальное состояние процесса в $(t+3)$ -м году:

$$\widehat{MC}_3 \rightarrow SM_3 \rightarrow \widehat{MC}_{1,2} \Rightarrow \widehat{MC}_2 \rightarrow SM_2 \rightarrow \widehat{MC}_{1,3} \Rightarrow \widehat{MC}_1 \rightarrow SM_1 \rightarrow \widehat{MC}_{2,3} \Rightarrow \widehat{MC}_3 \rightarrow \quad (3)$$

где стрелка \Rightarrow означает, что первый контур кругооборота ежегодно переключается на новую петлю.

Формула (3) представляет полное описание инвестиционного контура кругооборота денежных средств, принадлежащих подсистеме G_3 . Этот контур есть полный цикл обращения капитала \widehat{MC}_3 . Он состоит из трёх петель и действует в течение трехлетнего периода $(t, t+2)$: в году t капитал тратится, в годы $t+1, t+2$ восстанавливается. В году $t+3$ начинается новый «трехпетельный» цикл. Точно такие же циклы присущи остальным подсистемам G_1 и G_2 .

Потребительский контур. На рис. 2 он изображён с помощью тонких стрелок. Специфика потребительского контура в том, что в году t он действует только в рамках подсистем, занятых производством потребительских благ, причём охватывает их деятельность только в той мере, в какой происходит производство и потребление дохода $v + m$. В году t такими подсистемами являются G_1 и G_2 , а сфера деятельности

потребительского контура денежного обращения ограничена доходом, равным $v_{1,2} + m_{1,2}$. В этих границах потребительский контур возникает в результате взаимодействия оборотного капитала $\overline{MC}_{1,2}$ и потребительских денег $SM_{1,2}$.

$$\overline{MC}_{1,2} \rightarrow SM_{1,2} \rightarrow \overline{MC}_{1,2} \quad (4)$$

Согласно формуле (4), потребительский контур кругооборота образуется из двух метаморфоз. Первая ($\overline{MC}_{1,2} \rightarrow SM_{1,2}$) – оборотный капитал $\overline{MC}_{1,2}$ подсистем G_1 и G_2 превращается в денежный доход $SM_{1,2}$, чтобы оплатить труд работники домашних хозяйств H_{23} , создающих предметы потребления в размере $v_{1,2} + m_{1,2}$. Вторая ($SM_{1,2} \rightarrow \overline{MC}_{1,2}$) – домашние хозяйства H_{23} покупают созданные им же предметы потребления, в результате оборотный капитал $\overline{MC}_{1,2}$ возвращается к владельцам подсистем G_1 и G_2 .

Формула (4) действует в течение года t со скоростью равной скорости выплаты зарплат. В следующем $t+1$ году в формуле (4) изменится состав участников: место подсистемы G_2 , переключающейся на обновление своего основного капитала, займёт помолодевшая в результате обновления в прошлом году подсистема G_3 . С ней в паре производством потребительских благ займётся подсистема G_1 . Формула (4) примет вид: $\overline{MC}_{1,2} \rightarrow SM_{1,2} \rightarrow \overline{MC}_{1,2}$.

Вывод, который можно сделать в результате рассмотрения двухконтурного кругооборота таков: моделирование инвестиционного и потребительского контуров обращения денежных средств даже в простейшем случае, когда экономика представлена всего тремя подсистемами $\{G_1, G_2, G_3\}$, оказывается далеко нетривиальной задачей. Основные затруднения связаны с инвестиционным контуром. Здесь действуют многочисленные локальные петли, через которые инвестиционный капитал \overline{MC} переходит от одной подсистемы к другой и тем самым как сохраняет себя, так и обеспечивает одновременное протекание расходов и накопления капитала в разных подсистемах. Инвестиционный контур оказывается неоднородным с точки зрения скорости движения денег: длящийся несколько лет процесс накопления \overline{MC} переходит в высокоскоростной (раз в неделю, две недели или месяц) процесс выплаты дохода SM , а последний с той же скоростью входит в многолетний процесс накопления \overline{MC} . С точки зрения скорости движения денег потребительский контур представляет более простую систему: в этом контуре действует только высокоскоростной режим.

4. Деньги как мотор роста и инфляции.

До сих пор двухконтурный кругооборот денежных средств рассматривался в рамках схемы простого воспроизводства (*), адаптированной к условиям переключающегося режима воспроизводства. В этой ситуации оба контура, инвестиционный и потребительский, действуют как относительно самостоятельные процессы, которые связывает только то обстоятельство, что работники домашних хозяйств $\{H_1, H_2, H_3\}$ встречаются друг с другом на общем рынке потребительских благ, создаваемых в году t подсистемами G_1 и G_2 в размере

$$Y_{1,2} = c_{1,2} + (v_{1,2} + m_{1,2}),$$

где потребительские деньги SM равны стоимости потребительских благ (то есть $SM_3 = c_{1,2}$ и $SM_{1,2} = (v_{1,2} + m_{1,2})$). Эмиссии в этой схеме нет.

Ситуация меняется когда в экономике типа (*) начинают работать эмиссионные механизмы. Если эмиссия ориентирована на рост производства, то её адресатом должен стать инвестиционный контур денежного обращения, а основной целью –

увеличение инвестиционного денежного капитала \widehat{M}_3 (и, соответственно, потребительских денег SM_3) от которого в свою очередь зависит рост нового основного капитала и далее – рост ВВП. В этом случае деньги – мотор экономического роста.

Если же эмиссия ориентирована на решение социальных задач и других задач, не связанных с ростом, то её адресатом будет потребительский контур, а основной целью – увеличение потребительских денег $SM_{1,2}$.

В первом случае во взаимодействии инвестиционного и потребительского контуров денежного обращения будет доминировать инвестиционный контур. Потребительский контур вторичен. При этом в экономике возможен рост на фоне инфляции (последняя возникает вследствие лага между временем оплаты труда, затраченного на новый основной капитал, и временем задействия этого капитала).

Во втором случае доминирует потребительский контур, при этом наиболее вероятно инфляция без роста, последний возможен лишь при наличии резервных мощностей и рабочей силы. Здесь деньги ведут себя как мотор инфляции.

Важный момент: если мы можем более-менее определённо сказать, как повлияет на поведение темпов ВВП и инфляции приращение отдельно взятых потребительских денег SM_3 и $SM_{1,2}$, то ничего подобного нельзя сказать о поведении агрегата

$$\Delta M = \Delta SM_3 + \Delta SM_{1,2}. \quad (5)$$

Агрегат ΔM влияет на темпы ВВП и инфляцию через составляющие его деньги ΔSM_3 и $\Delta SM_{1,2}$, то есть его влияние есть комбинация двух диаметрально противоположных влияний. Если нам неизвестна динамика структуры этой комбинации, ничего определённого о связи между ΔM с темпами ВВП и инфляцией сказать нельзя. Статистика может показать и действительно показывает, что такая связь или слаба, или вообще отсутствует. Поэтому при построении и эксплуатации модели ПРВ в качестве переменных мы использовали не денежный агрегат ΔM , а деньги типа ΔSM_3 и $\Delta SM_{1,2}$.

Надо сказать, что разработчики и адвокаты «безденежных» моделей DSGE также обращают внимание на слабость связи между ростом денежной массы и показателями роста ВВП и инфляции. Однако свои наблюдения они используют прямо противоположным образом: им нужно оправдать дефект «безденежности», обосновать, что деньги в экономике играют лишь роль вуали, что они не существуют как самостоятельная сила, способная влиять на экономический рост и занятость. По этой причине они ставят вопрос о низкой информативности показателей денежного предложения.

Так, в статье Е. Л. Горюнова [34. С. 128] говорится, что «модели общего равновесия новокейнсианского (New Keynesian) типа, которые сегодня используются как инструмент анализа в большинстве случаев, не включают какой-либо показатель денежного предложения в качестве переменной. Именно такие модели применяются центральными банками для выработки решений в отношении ДКП. Даже экономисты, которые считали, что показатели денежного предложения могут продуктивно применяться в макроэкономическом анализе и прогнозировании, соглашались с мнением, что в условиях стабильно низкой инфляции связь между динамикой денежной массы и другими макропеременными существенно ослабляется [35]. Среди главных факторов, объясняющих утрату информативности показателей денежного предложения, обычно называют нестабильность спроса на деньги и влияние финансовых инноваций на денежное обращение [36]». Чтобы подкрепить свою позицию, Е. Л. Горюнов ссылается на крупнейших американских экономистов Б. Бернанке и М. Вудфорда, которые считают, что с середины 1980-х значительно снизилась информативность динамики де-

нежных агрегатов и релевантность этого показателя для прикладного макроэкономического анализа.

Мы, разумеется, согласны с тезисом о низкой информативности денежного предложения, но категорически против использования данного тезиса для оправдания «безденежных» моделей. Поскольку в настоящее время уже существует альтернативная динамическая модель ПРВ, основанная на механизме двухконтурного кругооборота денежных средств, то тезис о низкой информативности воспринимается диаметрально противоположным образом.

Во-первых, как дополнительный аргумент в пользу такой модели.

Во-вторых, как подтверждение необходимости включения в качестве переменных в альтернативную модель ПРВ не денежного агрегата $\Delta M = \Delta SM_3 + \Delta SM_{1,2}$, а его составных частей: ΔSM_3 и $\Delta SM_{1,2}$.

В-третьих, как приглашение к дискуссии по поводу разработки динамических рядов показателей ΔSM_3 и $\Delta SM_{1,2}$.

Список литературы

1. Полбин, А. В. Построение динамической стохастической модели общего равновесия для экономики с высокой зависимостью от экспорта нефти / А. В. Полбин // Экономический журнал ВШЭ. – 2013. – № 2. – С. 323–359.

2. Кэй, Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки / Дж. Кэй // Вопросы экономики. – 2012. – № 5. – С. 4–13. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-5-4-13>

3. Андреев, М. Ю. Тенденции развития макроэкономических моделей / М. Ю. Андреев, А. В. Полбин // Управленческое консультирование. – 2019. – № 2 (122). – С. 24–33. DOI 10.22394/1726-1139-2019-2-24-33.

4. Blanchard O. (2018) On the future of macroeconomic models // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1-2. P. 43–54. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx045>.

5. Chironi F. (2018) Macro needs micro // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1-2. P. 195–218. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx050>.

6. Stiglitz J. E. (2018) Where modern macroeconomics went wrong // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1-2. P. 70–106. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx057>.

7. Vines D., Wills S. (2018) The financial system and the natural real interest rate: towards a ‘new benchmark theory model’ // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1-2. P. 252–268. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx061>.

8. Wright R. (2018) On the future of macroeconomics: a New Monetarist perspective // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1-2. P. 107–131. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx044>.

9. Krugman P. (2018) Good enough for government work? Macroeconomics since the crisis // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1–2. P. 156–168. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx052>.

10. Linde J. (2018) DSGE models: still useful in policy analysis? // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1–2. P. 269–286. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx058>.

11. Reis R. (2018) Is something really wrong with macroeconomics? // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1-2. P. 132–155. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx053>.

12. Wren-Lewis S. (2018) Ending the microfoundations hegemony // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1-2. P. 55–69. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx054>.

13. Haldane A. G., Turrell A. E. (2018) An interdisciplinary model for macroeconomics // Oxford Review of Economic Policy. V. 34. N 1-2. P. 219–251. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx051>.

14. Hendry D., Muellbauer J. The future of macroeconomics: macro theory and models at the Bank of England // Oxford Review of Economic Policy. 2018. V. 34. N 1-2. P. 287–328. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grx055>.
15. *Маркс, К.* Капитал: критика политической экономии. Том II / К. Маркс. – М.: Эксмо, 2011. – 1200с.
16. *Лопатников, Л. И.* Экономико-математический словарь / Л. И. Лопатников. – М.: Дело, 2003. – 520 с.
17. Mankiw N. Gregory. (2022) Macroeconomics. Ninth Edition. Harvard University. Worth Publisher. ISBN-10: 1-4292-1887-8.
18. Baumol W., Blinder A. (2011) Economics: Principles and Policy. South-Western Cengage Learning. USA. – 841 p. ISBN-10: 1-4390-3912-7.
19. *Ананьин, О.* Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век / Ананьин О. // Вопросы экономики. – 2007 – № 9. – С. 72–86. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-9-72-86>.
20. *Лебедев, К. Н.* Почему Модель кругооборота К. Маркса так и не стала теорией бухгалтерского учёта? / К. Н. Лебедев // Международный бухгалтерский учёт. – 2015. – № 1 (343). – С. 43–52.
21. *Маркс, К.* Капитал: критика политической экономии. Т. 1 / К. Маркс. – М.: Эксмо, 2011. – 1200 с.
22. *Маевский, В. И.* Амортизационный фонд и воспроизводство основных фондов / В. И. Маевский // Известия академии наук СССР. Серия экономическая. – 1980. – № 6. – С. 71–81.
23. *Маевский, В. И.* Воспроизводство основного капитала и экономическая теория / В. И. Маевский // Вопросы экономики. – 2010. – № 3. – С. 65–85. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-3-65-85>.
24. *Маевский, В. И.* Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства / В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн // Вопросы экономики. – 2019. – № 8. – С. 45–66. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-45-66>.
25. *Маевский, В. И.* Теория воспроизводства капитала и не-нейтральность денег / В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн, Е. В. Красильникова. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 160 с.
26. *Маевский, В. И.* Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: опыт X-экономики Китая / В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн // Вопросы экономики. – 2023. – № 10. – С. 98–123. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-98-123>.
27. *Горюнов, Е. Л.* Анатомия теории переключающихся режимов воспроизводства: откуда берутся не-нейтральность денег и экономические колебания? / Е. Л. Горюнов // Вопросы экономики. – 2023. – № 12. – С. 120–140. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-120-140>.
28. *Баумоль, У.* Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию / У. Баумоль // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 73–107.
29. *Шумпетер, Й. А.* История экономического анализа: В 3-х т. / Й. А. Шумпетер; Т.2. – СПб.: Экономическая школа, 2001. – 494 с.
30. История экономических учений / глава 7. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 784 с.
31. Теория рынка; Физиократы. / М. И. Туган-Барановский, Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П. С. Дюпон де Немур: Избранные экономические произведения. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с.

32. Ingham G. (2004) *The Nature of Money*. Cambridge, UK: Polity Press, – 254 p. ISBN 0-7456-0996-1.

33. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – Т. 2. – М.: Эксмо, 2011. – 1200с.

34. Горюнов, Е. Л. Монетизация экономики: показатель, который ничего не показывает / Е. Л. Горюнов // *Вопросы экономики*. – 2023 – № 3. – С. 126–158. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-3-126-157>.

35. Nelson E. (2003). The future of monetary aggregates in monetary policy analysis. *Journal of Monetary Economics*, Vol. 50, No. 5, pp. 1029–1059. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(03\)00063-1](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(03)00063-1).

36. Stella P., Singh M., Bhargava A., Alwazir J. (2021). Some alternative monetary facts. *IMF Working Paper*, No. 21/06. <https://doi.org/10.5089/9781513566429.001>.

References

1. Polbin A. V. (2013) Postroyeniye dinamicheskoy stokhasticheskoy modeli obshchego ravnovesiya dlya ekonomiki s vysokoy zavisimost'yu ot eksporta nefiti [Construction of a Dynamic Stochastic General Equilibrium Model for an Economy with High Dependence on Oil Exports]. *HSE Economic Journal*, 2, pp. 323–359.

2. Kay J. (2012) Karta – ne territoriya: o sostoyanii ekonomicheskoy nauki [The Map Is Not the Territory: An Essay on the State of Economics]. *Questions of Economics*, 5, pp. 4–13. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-5-4-13.

3. Andreyev M. Y., Polbin A. V. (2019) Tendentsii razvitiya makroekonomicheskikh modeley [Trends of Macroeconomic Models]. *Administrative Consulting*, 2 (122), pp. 24–33. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-2-24-33.

4. Blanchard O. (2018) On the Future of Macroeconomic Models. *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 43–54. DOI: 10.1093/oxrep/grx045.

5. Chironi F. (2018) Macro Needs Micro. *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 195–218. DOI: 10.1093/oxrep/grx050.

6. Stiglitz J. E. (2018) Where Modern Macroeconomics Went Wrong. *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 70–106. DOI: 10.1093/oxrep/grx057.

7. Vines D., Wills S. (2018) The Financial System and the Natural Real Interest Rate: Towards a ‘New Benchmark Theory Model’. *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 252–268. DOI: 10.1093/oxrep/grx061.

8. Wright R. (2018) On the Future of Macroeconomics: A New Monetarist Perspective. *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 107–131. DOI: 10.1093/oxrep/grx044.

9. Krugman P. (2018) Good Enough for Government Work? Macroeconomics Since the Crisis. *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 156–168. DOI: 10.1093/oxrep/grx052.

10. Linde J. (2018) DSGE Models: Still Useful in Policy Analysis? *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 269–286. DOI: 10.1093/oxrep/grx058.

11. Reis R. (2018) Is Something Really Wrong with Macroeconomics? *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 132–155. DOI: 10.1093/oxrep/grx053.

12. Wren-Lewis S. (2018) Ending the Microfoundations Hegemony. *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 55–69. DOI: 10.1093/oxrep/grx054.

13. Haldane A. G., Turrell A. E. (2018) An Interdisciplinary Model for Macroeconomics. *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 219–251. DOI: 10.1093/oxrep/grx051.

14. Hendry D., Muellbauer J. (2018) The Future of Macroeconomics: Macro Theory and Models at the Bank of England. *Oxford Review of Economic Policy*, 1-2 (34), pp. 287–328. DOI: 10.1093/oxrep/grx055.
15. Marx K. (2011) *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 2. Moscow: Eksmo. 1200 p. ISBN 978-5-699-23786-9.
16. Lopatnikov L. I. (2003) *Economic and Mathematical Dictionary*. Moscow: Delo. 520 p. ISBN 57749-0275-7.
17. Mankiw N. G. (2022) *Macroeconomics*. Ninth Edition. Harvard University. Worth Publisher. ISBN-10: 1-4292-1887-8.
18. Baumol W., Blinder A. (2011) *Economics: Principles and Policy*. South-Western Cengage Learning. USA. 841 p. ISBN-10: 1-4390-3912-7.
19. Ananyin O. (2007) Karl Marx and His “Capital”: From the 19th to the 21st Century. *Questions of Economics*, 9, pp. 72–86. DOI: 10.32609/0042-8736-2007-9-72-86.
20. Lebedev K. N. (2015) Why K. Marx’s Circular Flow Model Never Became an Accounting Theory? *International Accounting*, 1 (343), pp. 43–52.
21. Marx K. (2011). *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 1. Moscow: Eksmo. 1200 p. ISBN 978-5-699-23766-1.
22. Maevsky V. I. (1980) Depreciation Fund and Reproduction of Fixed Assets. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Economic Series*, 6, pp. 71–81.
23. Mayevsky V. I. (2010) Reproduction of Fixed Capital and Economic Theory. *Questions of Economics*, 3, pp. 65–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-3-65-85.
24. Mayevsky V. I., Malkov S. Y., Rubinstein A. A. (2019) Analysis of the Relationship Between Issuing Money, Inflation and Economic Growth with the Help of the SMR-Model. *Questions of Economics*, 8, pp. 45–66. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-45-66.
25. Mayevsky V. I., Malkov S. Y., Rubinshtein A. A., Krasilnikova E. V. (2020). *The Theory of Capital Reproduction and the Non-neutrality of Money*. Moscow, St. Petersburg: Nestor-History. 160 p. ISBN 978-5-4469-1794-5.
26. Mayevsky V. I., Malkov S. Y., Rubinstein A. A. (2023) Macroeconomic Conditions of Russia’s Transition to High Growth Rates: China’s Experience. *Questions of Economics*, 10, pp. 98–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-98-123.
27. Goryunov E. L. (2023) Theory of the Shifting Modes of Reproduction: Where Do the Non-neutrality of Money and Economic Cycles Come From? *Questions of Economics*, 12, pp. 120–140. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-120-140.
28. Baumol W. (2001) What Alfred Marshall Didn’t Know: On the Twentieth Century’s Contributions to Economics. *Questions of Economics*, 2, pp. 73–107.
29. Schumpeter J. A. (2001) *History of Economic Analysis*. In 3 volumes. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola. Vol. 2. VIII + 494 p. ISBN 5-900428-61-3.
30. Yadgarov Y. S. (2000) *History of Economic Doctrines*. Moscow: INFRA-M, chapter 7. – 784 p. ISBN 5-16-000173-5.
31. Tugan-Baranovsky M. I. (2008) *Market Theory*. In: F. Quesnay, A. R. J. Turgot, P. S. Dupont de Nemours: Physiocrats. *Selected Economic Works*. Moscow: Eksmo. 1200 p. ISBN 978-5-699-18767-6.
32. Ingham G. (2004) *The Nature of Money*. Cambridge, UK: Polity Press. 254 p. ISBN 0-7456-0996-1.

33. Marx. K. (2011) Capital. Critique of Political Economy. Moscow: Eksmo, 2011. Vol. 2. – 1200 p. ISBN 978-5-699-23786-9.

34. Goryunov E. L. (2023) The Monetization of Economy: An Indicator That Indicates Nothing. Questions of Economics, 3, pp. 126–158. DOI: 32609/0042-8736-2023-3-126-157.

35. Nelson E. (2003) The Future of Monetary Aggregates in Monetary Policy Analysis. Journal of Monetary Economics, 5(50), pp. 1029–1059. DOI: 10.1016/S0304-3932(03)00063-1.

36. Stella P., Singh M., Bhargava A., Alwazir J. (2021). Some Alternative Monetary Facts. IMF Working Paper, No. 21/06. DOI: 10.5089/97815135 66429.001.

V. I. Maevsky¹⁴. Blind Spots in Orthodox Economic Theory. In modern macro models (in particular, dynamic stochastic general equilibrium models – DSGE models), which occupy leading positions in world economic science, money is not included in the composition of variables. If in practice money (along with innovations) acts as a motor of economic development, then in the specified models there is no such motor. In our opinion, the main defect of DSGE-type models is that they are "moneyless". The main gap that prevents the construction of a macroeconomic model, where money is the motor of development, is associated with a misunderstanding of the essence of the circulation of money in a closed economy that reproduces its fixed capital by its own efforts. This is the essence of the blank spot in orthodox economic theory. It is shown that the circulation of money is the transformation of money capital into consumer money, and then the reverse transformation of consumer money into money capital. Explanations of the essence of the Shifting Mode Reproduction (SMR) as an objectively existing phenomenon are presented. A scheme of a two-circuit (investment and consumer) circulation of money based on the principles of the SMR is constructed and analyzed. It is shown that emission into the investment circuit promotes economic growth, and emission into the consumer circuit allows solving social and geopolitical problems but generates inflation. A critical assessment is given to the supporters of DSGE to justify the absence of money as variables in their models by a statistically insignificant connection with key macro indicators.

Key words: circulation of money, shifting mode reproduction, DSGE model.

¹⁴ *Vladimir I. Maevsky*, Chief Research Fellow at the Center for Institutional-Evolutionary Economics, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky pr., Moscow, 117218, Russian Federation), Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, e-mail: maev1941@bk.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-57-70

А. Р. Бахтизин¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ²

В работе рассматриваются вопросы трансформации рынка труда в контексте глобальных демографических и экономических вызовов. Особое внимание уделяется оценке последствий неконтролируемой миграции и несбалансированной пенсионной политики. Анализируется взаимосвязь демографических процессов, занятости и макроэкономических показателей. Обосновывается необходимость пересмотра денежно-кредитной политики и разработки механизмов государственной поддержки, направленных на стимулирование рождаемости и устойчивое развитие человеческого капитала. Приведены международные сравнения и количественные оценки, подтверждающие сделанные выводы.

Ключевые слова: рынок труда, демография, миграция, рождаемость, пенсионная политика, человеческий капитал, экономический рост.

УДК 330.352

Исследование механизмов трансформации рынка труда является традиционно актуальной темой. Об этом говорят на самых высоких трибунах в нашей стране, поскольку это действительно важнейшее направление дальнейшего развития.

Основные демографические тенденции России не слишком отличаются от общемировых – снижение рождаемости, старение населения и усиление притока мигрантов из стран с высоким уровнем рождаемости и низким уровнем жизни. Одна из негативных особенностей нашей страны заключается ещё и в сильном превышении ожидаемой продолжительности жизни у женщин по сравнению с мужчинами – более 11 лет (по этому показателю мы занимаем 2 место в мире), при среднемировом уровне в 5,3 года.

На рис. 1 приведены данные по доле населения в возрастном диапазоне 15–64 лет от общей численности, который, принимая во внимание межстрановые различия по выходу на пенсию, можно условно охарактеризовать как *трудоспособный возраст*. К концу текущего века максимальная доля молодого населения будет у стран, относящихся к Чёрной Африке (к югу от Сахары). Что касается нашей страны, то соответствующий показатель будет примерно соответствовать среднемировому уровню, но превышать значения для США, Индии, Германии и др. При этом мировым аутсайдером будет Китай.

¹ Бахтизин Альберт Рауфович, директор Центрального экономико-математического института РАН (117418, РФ, Москва, Нахимовский пр., 47), д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, e-mail: director@cemi.rssi.ru.

² Подготовлено по материалам доклада на X Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2025) «Труд и трансформация общества: знание, творчество, нономика» (08–09 апреля 2025 года).

В свою очередь на рис. 2 приведены данные по доле населения старше 65 лет, которые показывают резкий прирост пожилых граждан в первую очередь в КНР, в то время как Россия будет находиться в диапазоне среднемировых значений. С точки зрения экономики эта тенденция конечно же негативная, поскольку будет способствовать росту нагрузки на системы пенсионного и социального страхования, медицинского обслуживания, а также повлечёт снижение потребительской активности, производительности труда, сокращение ВВП и т. д.

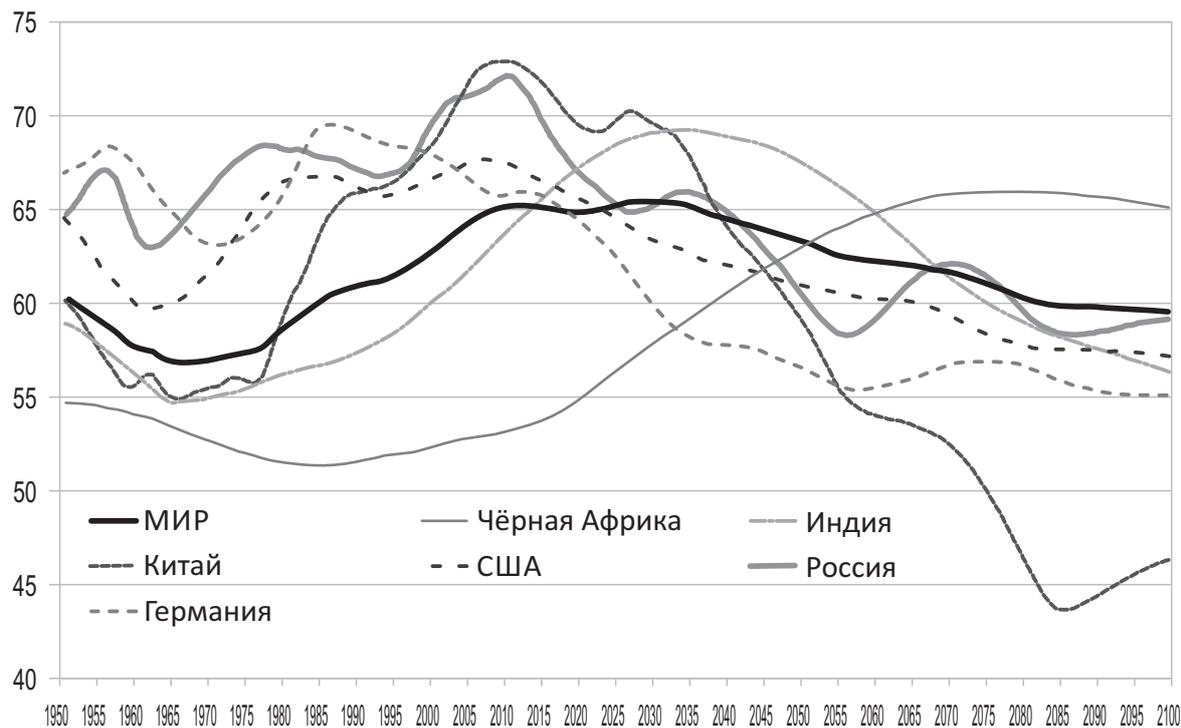

Рис. 1. Доля трудоспособного населения по ключевым странам мира, государствам Чёрной Африки и миру в целом за период с 1950 по 2100 гг.³

К сожалению, все эти тенденции приводят к одинаковым непопулярным управленческим решениям в большинстве стран, связанным с увеличением налогов, повышением пенсионного возраста, снижением социальных выплат и решением проблемы депопуляции и недостатка рабочей силы за счёт увеличения мигрантов. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) прогнозирует, что к середине 2060-х годов средний фактический возраст выхода на пенсию для большинства стран увеличится на два года⁴. В качестве компенсирующих механизмов рассматривается возможность дифференциации пенсионного возраста в зависимости от профессии и условий труда. Например, для людей, работающих в опасных условиях (шахтёры, пожарные и др.), пенсионный возраст может оставаться низким.

³ Данные Департамента народонаселения ООН. <https://population.un.org/wpp/>

⁴ <https://www.weforum.org/stories/2023/10/retirement-age-trends-around-globe/>

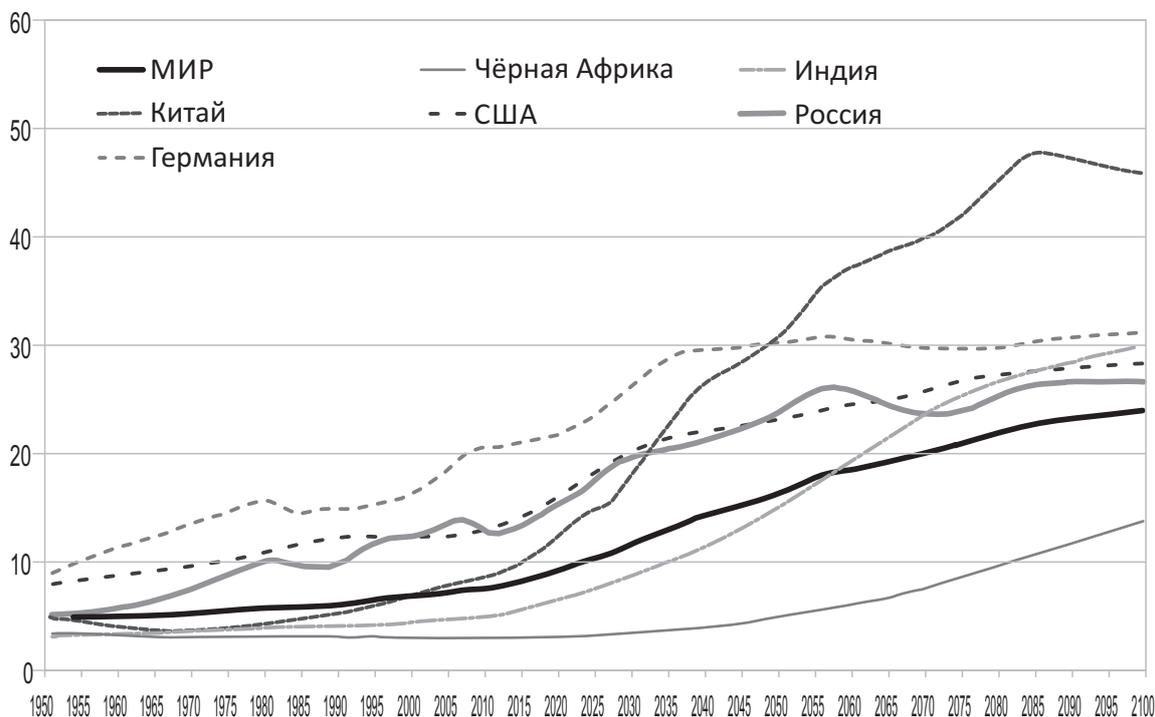

Рис. 2. Доля населения старше 65 лет по ключевым странам мира, государствам Чёрной Африки и миру в целом за период с 1950 по 2100 гг.⁵

Как бы там ни было, на мой взгляд, для России пенсионный возраст повышать нельзя категорически, а по-хорошему – следует снижать. Посудите сами – в нашей стране, особенно у мужского населения, одно из минимальных в мире значений разницы между ожидаемой продолжительностью жизни и возрастом выхода на пенсию – чуть больше 4 лет (рис. 3). По сути, хуже дела только у четырёх стран – Камеруна, Намибии, Молдовы и Непала, но вряд ли стоит на них равняться. При этом у мировых лидеров по этому показателю – Южной Кореи и Норвегии разница составляет 21 и 20 лет соответственно.

Также отмечу, что проблемы со справедливой индексацией пенсий испытывают практически все развитые страны. К примеру, ОЭСР опубликовала обстоятельный отчёт «*Pensions at a Glance*»⁶, в котором анализируются пенсионные системы ключевых экономик мира и отмечается, что за из-за глобальных сдвигов в мировой макроэкономической системе инфляция достигла уровней, не наблюдавшихся последние четыре десятилетия в большинстве стран-мировых лидерах, входящих в эту организацию. Поскольку в 2/3 стран ОЭСР индексация пенсий имеет привязку к потребительским ценам, при этом практически во всех государствах этой организации происходит увеличение продолжительности жизни людей и доли возрастного населения, пенсионные системы перестают справляться с нагрузкой даже с учётом

⁵ Данные Департамента народонаселения ООН <https://population.un.org/wpp/>

⁶ https://www.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/pensions-at-a-glance-2023_678055dd-en

повышения пенсионного возраста. Но для России, гораздо более богатой ресурсами, вопрос своевременной индексации, а по-хорошему и значительного увеличения средней пенсии, должен быть однозначно решён в пользу населения.

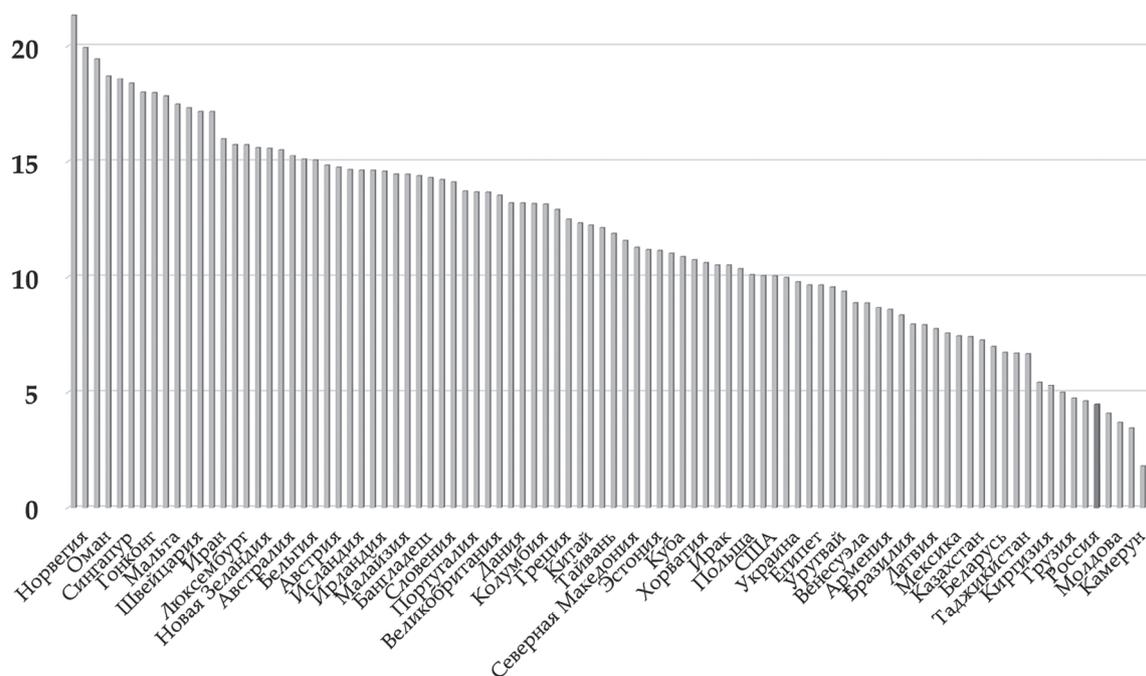

Рис. 3. Ожидаемая продолжительность жизни после выхода на пенсию для мужского населения по 95 странам⁷

Другое направление компенсации выбытия трудовых ресурсов – это международная миграция. Привлечение мигрантов кажется относительно лёгким решением проблемы восполнения трудовых ресурсов и стабилизации численности населения. Но это только на первый взгляд.

Россия является одним из государств – основных реципиентов международной миграции, которая во многом обусловлена экономическими причинами, но её интенсивность также определяется геополитической обстановкой, межэтническими конфликтами, техногенными и природными катастрофами и т. д. В табл. 1 приведены данные по 10 странам, лидирующим по абсолютному количеству принятых международных мигрантов по состоянию на 2024 г., где наша страна занимает заметное место, хотя доля мигрантов в ней от общей численности населения по сравнению с другими государствами невелика – примерно 5,3 %.

⁷ Данные Департамента народонаселения ООН <https://population.un.org/wpp/>.

Отдельные показатели международной миграции, 2024 г.⁸

	Страны	Численность внешних мигрантов по отношению к соответствующей стране, млн чел.	Доля от общей численности населения страны, %
1	США	52,4	15,2
2	Германия	16,8	19,8
3	Саудовская Аравия	13,7	40,3
4	Великобритания	11,8	17,1
5	Франция	9,19	13,8
6	Испания	8,87	18,5
7	Канада	8,81	22,2
8	ОАЭ	8,16	88,0
9	Австралия	8,11	30,4
10	Россия	7,61	5,30

Большую часть мигрантов, пребывающих из-за рубежа в нашу страну, составляют выходцы из стран СНГ, доля которых почти 88 %, в то время как мигранты из других зарубежных стран занимают оставшиеся 12 %⁹. Основными миграционными донорами для России являются Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан, причём на Таджикистан приходится около 35 % от всей численности мигрантов из СНГ. Что касается уровня образования, то высшее образование имеют только 8,77 % от общего числа прибывших, а остальные – среднее и неполное среднее. Доля мигрантов из Таджикистана, имеющих высшее образование, ещё ниже – 5,34 %. В то же время Россия занимает четвёртое место в мире среди государств – доноров международной миграции (таблица 2), т. е. имеет место не только отрицательное сальдо, но ещё и одно немаловажное обстоятельство заключается в том, что уезжают из нашей страны высококвалифицированные работники, а взамен приезжают низкоквалифицированные.

К настоящему моменту опубликовано большое количество исследований, в которых оцениваются экономические последствия от миграционного притока. Сразу отмечу, что однозначного мнения по этому вопросу нет, поскольку в части работ количественно доказывается безусловная польза трудовой миграции в качестве механизма компенсации естественной убыли населения и повышения темпов роста эко-

⁸ United Nations (2024). International Migrant Stock 2024: Key facts and figures. UN DESA/POP/2024/DC/NO. 13.

⁹ <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.

номики. К примеру, МВФ в среднем по миру оценивает, что увеличение притока мигрантов на 1 % способствует приросту выпуска на 1 % к пятому году¹⁰.

Таблица 2

Отдельные показатели международной миграции, 2024 г.¹¹

	Страны	Численность международных мигрантов по стране происхождения, млн чел.
1	Индия	18,5
2	Китай	11,7
3	Мексика	11,6
4	Украина	9,77
5	Россия	9,13
6	Сирия	8,93
7	Бангладеш	8,71
8	Венесуэла	8,33
9	Афганистан	7,53
10	Филиппины	6,99

С другой стороны, существует довольно много исследований, где количественно обосновывается выгода от квалифицированных мигрантов и ущерб от низкоквалифицированных. Так, исследователями из Нидерландов были опубликованы результаты масштабной работы, проведённой с использованием микроданных, по оценке экономического эффекта от мигрантов первого поколения, прибывших из разных частей света¹². Позитивный эффект на экономику оказали мигранты из большинства европейских стран, а также из высокоразвитых азиатских государств и Северной Америки, обладающие более высоким уровнем квалификации и обеспечивающие увеличение производительности труда, по сравнению с мигрантами из африканских государств, которые в свою очередь оказали негативное влияние (рис. 4).

¹⁰ <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2020/06/19/blog-weo-chapter4-migration-to-advanced-economies-can-raise-growth>.

¹¹ United Nations (2024). International Migrant Stock 2024: Key facts and figures. UN DESA/POP/2024/DC/NO. 13.

¹² Jan H. van de Beek, Hans Roodenburg, Joop Hartog, Gerrit W. Kreffer (2023): Borderless Welfare State. The Consequences of Immigration for Public Finances // Research report, University of Amsterdam, 2nd revised edition, April 2023, https://demo-demo.nl/wp-content/uploads/2023/06/Borderless_Welfare_State-2.pdf.

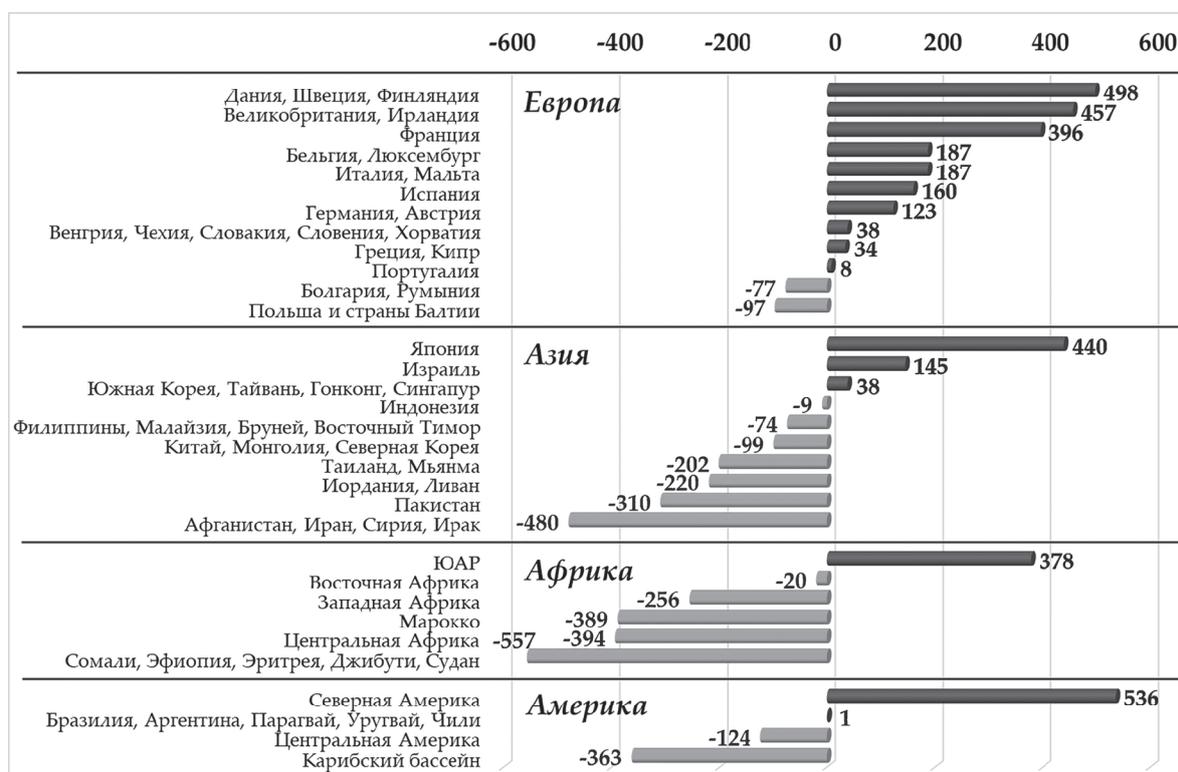

Рис. 4. Экономический эффект от иммигрантов первого поколения, тыс. евро (иммиграция с 1995 г.)

В Манхэттенском институте рассчитали, что среднестатистический мигрант без высшего образования и те, кто переезжает в США после 55 лет, в течение своей жизни в среднем наносят экономический ущерб на сумму около 400 тыс. долларов, а мигрант в возрасте до 35 лет с учёной степенью в среднем сокращает дефицит бюджета более чем на 1 млн долларов¹³. Следует особо отметить, что США «снимают сливки», устанавливая серьёзные фильтры для миграционного потока и получая лучшие профессиональные кадры со всего мира, практически не вкладываясь в их образование.

Вице-президент США Джей Ди Вэнс в одном из своих выступлений подчеркнул это в явном виде: «Дешёвая рабочая сила по сути является костылём, и это костыль, который сдерживает инновации. Я бы даже сказал, что это наркотик, на который подсело слишком много американских фирм»¹⁴.

Вообще, оценка вклада мигрантов в экономический рост затруднительна, поскольку требует учёта множества факторов – рост теневого сектора, трудно отслеживаемый вывод средств за пределы страны, вычисление производительности труда именно мигрантов. Тем не менее, влияние отдельных шоков на экономический рост –

¹³ <https://manhattan.institute/article/the-lifetime-fiscal-impact-of-immigrants>.

¹⁴ <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-vice-president-the-american-dynamism-summit>.

прирост высококвалифицированных кадров, отток финансов за рубеж и т. д. мы в ЦЭМИ РАН оценивали ранее. И приблизительная интегральная оценка нивелирования отрицательного миграционного сальдо, о котором говорилось выше, т. е. удержание и сохранение квалифицированных работников взамен пребывающих будет способствовать дополнительному приросту ВВП на 1,5-2 процентных пункта в год.

Таким образом, замещение населения низкоквалифицированными мигрантами является негативным явлением не только с точки зрения социальных последствий – роста преступности¹⁵, но оно нецелесообразно с позиции экономической эффективности из-за снижения производительности и вывода заработанных средств за пределы страны.

Предварительные расчёты численности населения нашей страны от Росстата показывают, что количество жителей за 2024 г. сократилось примерно на 0,08 % (или 116,8 тыс. чел.) и на 1 января составило 146 028 325 человек¹⁶. Но при этом естественная убыль населения (превышение числа умерших над числом родившихся) за прошедший год приблизительно составило 595 тыс. человек, что означает замещение коренного населения примерно на 478 тыс. человек. Иными словами, компенсация сокращающейся численности граждан осуществляется за счёт мигрантов, но это, во-первых, особо не повлияет на общую ситуацию, согласно которой наша страна опустится на низкие позиции по численности населения к концу века, во-вторых, ухудшит показатели связанные с уровнем грамотности и квалификации, поскольку замещение происходит в основном за счёт плохо обученных работников¹⁷, а в-третьих, будет снижать экономические показатели.

Важно чётко определить регламент миграционной политики, которая должна быть ориентирована на стабилизацию рынка труда, компенсацию дефицита рабочей силы, содержать в себе прозрачные условия привлечения трудовых мигрантов, возможно по образцу ОАЭ. В этой стране соблюдаются строгие правила, требующие чёткого соблюдения договоров с работодателями, осуществляется мониторинг условий труда и правил нахождения в ней граждан других государств. Несмотря на значительный перевес мигрантов по сравнению с коренными жителями (88 % к 12 %) уровень преступности в ОАЭ один из самых низких в мире.

Перспективное направление в экономическом развитии – повышение производительности труда за счёт автоматизации производственных процессов в различных отраслях с помощью систем искусственного интеллекта и промышленных роботов. И здесь у нашей страны большой нереализованный потенциал. Так, среднемировое количество роботов составляет 162 единицы на 10 тыс. работников¹⁸, при этом лидерами являются Южная Корея (1012 шт.), Сингапур (770 шт.), Китай (470 шт.), Германия (429 шт.), Япония (419 шт.) и т. д., а в России только 11 шт.¹⁹, причём Президент нашей страны неоднократно говорил о необходимости резкого увеличения уровня автоматизации российских предприятий как механизма повышения темпов экономического роста.

¹⁵ <https://sledcom.ru/news/item/1951309/>.

¹⁶ <https://www.interfax.ru/russia/1005747>.

¹⁷ <https://www.kp.ru/daily/27661/5045409/>.

¹⁸ <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/global-robot-density-in-factories-doubled-in-seven-years>.

¹⁹ <https://expert.ru/promishlennost/odinnadtsat-robotov-na-10-tys-chelovek/>.

Исследование европейской исследовательской организации Bruegel показало, что один дополнительный робот на тысячу работников снижает уровень занятости на 0,16-0,20 процентных пункта²⁰. В свежей работе некоммерческой научной ассоциации American Economic Association показано, что в период с 1993 г. промышленные роботы сократили занятость на 3,7 процентных пункта для мужчин на 1,6 процентных пункта для женщин²¹.

Пара слов про стимулирование рождаемости. Многочисленные причины её снижения неоднократно рассматривались нами совместно с Институтом демографической политики им. Д. И. Менделеева, поэтому не буду их перечислять, но упомяну только один из ключевых факторов – сжатие жизненного пространства, связанное как с маленькой площадью жилья, так и концентрацией людей на ограниченной территории, являющейся следствием ускоряющейся урбанизации.

Одна из инициатив со стороны государства заключается в льготной ипотеке для бездетных семей при обязательстве родить за два года.²² На мой взгляд, если всерьёз стимулировать рождаемость, то государство должно более серьёзным образом помогать решить квартирный вопрос. К примеру, полностью погасить ипотеку на отдельный жилой дом или квартиру большой площади в случае рождения 3-го и последующих детей. Также государство могло бы выкупить и передать молодым семьям квартиры в бессрочное пользование и с правом последующего выкупа по льготным программам из нераспроданного гигантского объёма построенного жилья, который на данный момент составляет более 70 млн м². Об этих и других мерах в своё время я сообщал Национальному демографическому агентству ДЕМ.ИНФОРМ²³.

Наши расчёты показали, что без принятия экстренных мер поддержки, ориентированных именно на граждан России (причём родившихся в России), сложившаяся к текущему моменту тенденция приведёт к тому, что количество мигрантов первой и последующих волн к концу века составит около 40 % от общей численности населения. Примерно похожие результаты получены департаментом населения ООН. Согласно базовому варианту их прогноза численности населения России, к концу века в нашей стране будет проживать 126,4 млн человек, но в сценарии полного ограничения миграционного притока численность населения составит только 88,4 млн человек (или 70 % от базового сценария). Но такое замещение коренного населения заметно ухудшит показатели уровня его интеллектуального развития, который согласно различным оценкам (к примеру, ООН), является одним из самых высоких в мире.

В настоящее время реализуется недавно принятая Стратегия реализации демографической и семейной политики, одна из задач которой заключается в стимулировании рождаемости. На рис. 5 приведены значения целевого показателя – суммарного коэффициента рождаемости, который должен достичь 1,6 к 2030 г. и 1,8 к 2036 г. Но на этом же графике видно, что обозначенные ориентиры превышают соответствующие значения всех актуальных прогнозов – ООН, Института измерения показателей и оценки состояния здоровья (Institute for Health Metrics and Evaluation, IHME), а так-

²⁰ <https://www.bruegel.org/working-paper/impact-industrial-robots-eu-employment-and-wages-local-labour-market-approach>.

²¹ <https://www.aeaweb.org/research/automation-employment-gaps-us>.

²² <https://www.fontanka.ru/2025/01/24/75026756/>.

²³ <https://deminform.ru/analytics/rasshireniye-zhiznennogo-prostranstva-dlya-semey-usloviye-rosta-naseleniya-i-ekonomiki-rossii>.

же значения высокого, среднего и низкого прогнозов Росстата. Получается, что обозначенные целевые показатели с одной стороны являются сверхоптимистичными, а с другой стороны недостижимыми, учитывая складывающиеся текущие траектории и текущий коэффициент рождаемости, снизившийся в 2024 г. до 1,4.

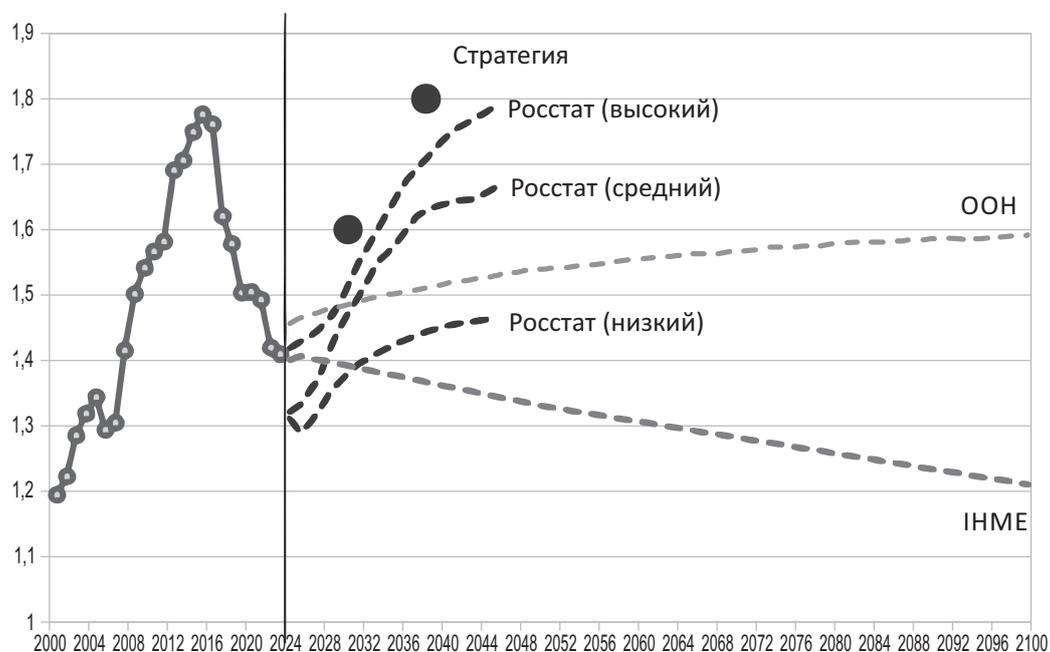

Рис. 5. Прогноз суммарного коэффициента рождаемости²⁴

Но не менее важно другое – отсутствие чётких механизмов достижения упомянутых показателей, которые, кстати, всё равно ниже уровня воспроизводства.

Более того, суммарный коэффициент рождаемости вторых детей снизился из-за переноса материнского капитала на первого ребёнка на 33 % по сравнению с 2018 г. (рис. 6), а по сравнению с 2015 г. на 58 %.

Хотя материнский капитал за последние 5 лет без поправки на инфляцию увеличился в 1,84 раза, но стоимость жилья на первичном рынке в среднем по России выросла в 2,72 раза. Иными словами, доступность жилья снизилась в 1,5 раза и это в том числе повлияло на жизненные циклы современного человека, которые за последние 40 лет в среднем по миру сместились примерно на 10 лет, т. е. такие ключевые вопросы как рождение первого ребёнка, приобретение молодой парой собственного жилья стали решаться позднее. В России средний возраст матери при рождении первого ребёнка за 30 лет увеличился также на 10 лет.

²⁴ <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709;>
[https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/.](https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/)

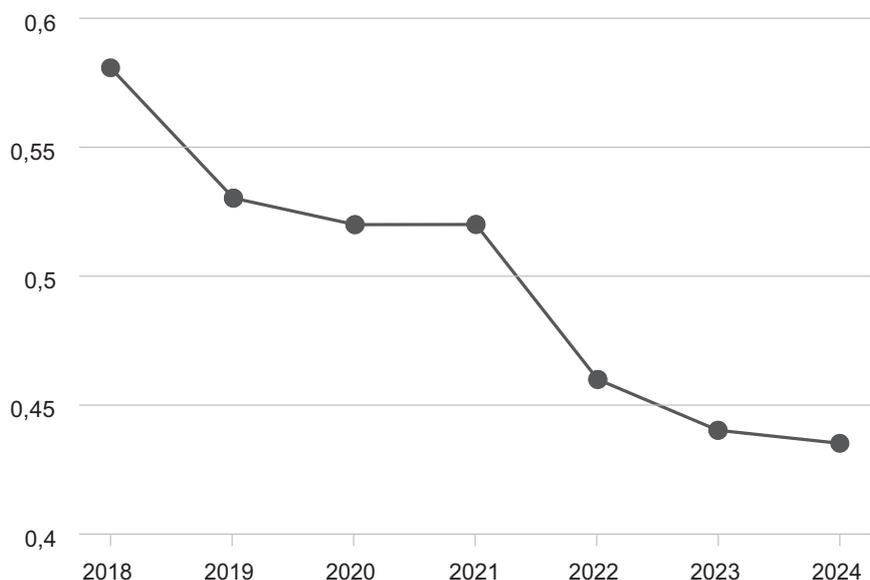

Рис. 6. Суммарный коэффициент рождаемости вторых детей в России²⁵

На рис. 7 приведены данные по среднему возрасту матери при рождении первого ребёнка и суммарному коэффициенту рождаемости для 130 стран мира. При этом диаметр точки пропорционален значениям ВВП по ППС на душу населения. Получается, что в благополучных странах рождение первых детей откладывается из-за увеличения «цены времени» родителей, но ещё и по причине увеличения недоступности жилья (его стоимость растёт быстрее доходов). В левой части рисунка находятся государства (преимущественно страны Чёрной Африки), в которых рождаемость происходит в более раннем возрасте и это во многом определяется стратегией выживания семей – чем больше детей, тем выше вероятность того, что кто-то из них сможет найти работу. Также это связано с отсутствием возможностей карьерной реализации у женщин и недостатком средств контрацепции. Россия на рисунке – это красная точка, причём если рассматривать приведённые данные в динамике, то на графике наша страна сдвигается вправо, но размер точки при этом уменьшается. Несмотря на высокий ресурсный потенциал России, реализуемая денежно-кредитная политика приводит к отложенному деторождению из-за снижения доступности жилья и других жизненных потребностей. В целом же, несмотря на часто озвучиваемые мнения об отсутствии связи между возрастом рождения первого ребёнка и общего количества детей в семье, коэффициент корреляции между возрастом рождения первого ребёнка и суммарным коэффициентом рождаемости для всех рассматриваемых стран составляет $-0,754$, что говорит о довольно сильной отрицательной связи.

В свою очередь коэффициент корреляции между ВВП по ППС на душу населения и суммарным коэффициентом рождаемости для тех же стран равен $-0,641$ и это также в некоторой степени подтверждает тезис об отрицательном влиянии более высокого уровня благополучия на решение о рождении детей.

²⁵ <https://www.fedstat.ru/indicator/59771>

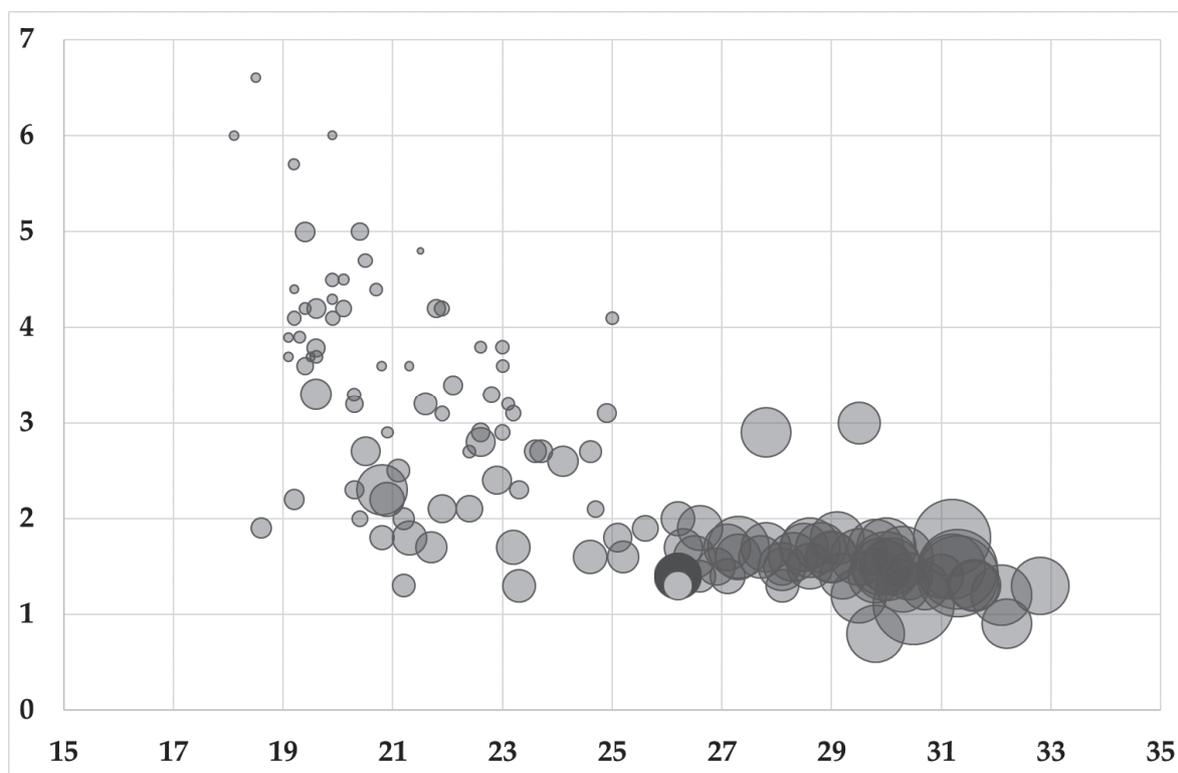

Рис. 7. Зависимость между средним возрастом матери при рождении первого ребёнка и суммарным коэффициентом рождаемости по странам мира (2024 г.); ось Y – суммарный коэффициент рождаемости, ось X – средний возраст матери при рождении первого ребёнка, лет²⁶

Для большей наглядности приведу данные о среднем возрасте матери при рождении первого ребёнка для 10 стран с минимальными значениями этого показателя и 10 стран с максимальными значениями (табл. 3). Как видно, справа – в основном благополучные страны, а слева – беднейшие.

Анализ демографических систем по всем странам мира и широкому набору показателей показал, что Россия пока обладает относительно высоким местом в мировом рейтинге по численности населения (9 место из 193 стран), но что касается других показателей, то позиции нашей страны сильно ниже: по суммарному коэффициенту рождаемости – 167 место, по ожидаемой продолжительности жизни – 96 место, по доле трудоспособного населения – 66 место. А вот по уровню грамотности населения Россия находится в мировых лидерах (делит первое место с самыми высокоразвитыми государствами), в то время как в США уровень грамотности составляет только 86 %, в Индии – 76 % и т. д.

²⁶ <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/average-age-of-having-first-child-by-country>; <https://w3.unece.org/PXWeb/en/Table?IndicatorCode=34>.

**Средний возраст матери при рождении первого ребёнка
для отдельных стран²⁷**

10 стран с минимальными значениями		10 стран с максимальными значениями	
Чад	18,1	Греция	31,0
Нигер	18,5	Ирландия	31,2
Бангладеш	18,6	Швейцария	31,2
Либерия	19,1	Лихтенштейн	31,3
Малави	19,1	Люксембург	31,3
Мали	19,2	Италия	31,6
Мозамбик	19,2	Испания	31,6
Никарагуа	19,2	Сан-Марино	32,1
Замбия	19,2	Южная Корея	32,2
Эфиопия	19,3	Андорра	32,8

Таким образом, усилия органов государственной власти должны быть направлены не только на решение проблем, связанных с увеличением рождаемости и снижением смертности, но во многом на сохранение здоровья коренного населения и уровня его развития.

И, заканчивая, расскажу довольно интересное исследование, проведённое учёными из Сингапура, Великобритании, США и Бразилии, показавшее, что решение квартирного вопроса через систему жилищных лотерей (*consórcios*) положительно влияет на рождаемость²⁸. Победа в таких лотереях увеличивает вероятность рождения ребёнка на 3,8 % и общее количество детей на 3,2 %. Особенно сильный эффект наблюдается у молодых людей в возрасте 20–25 лет: вероятность рождения возрастает на 32 %, а число детей – на 33 %. У 40-летних участников влияние отсутствует. Также выяснилось, что получение жилья до 30 лет оказывает в два раза большее влияние на рождаемость, чем после этого возраста. Эффект усиливается в домохозяйствах с низким качеством жилья или высокими расходами на аренду. Важный вывод исследования состоит в том, что обеспечение жильём не только стимулирует рождение детей, но и способствует увеличению их общего числа, особенно среди молодых и социально уязвимых групп.

²⁷ <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/average-age-of-having-first-child-by-country>; <https://w3.unece.org/PXWeb/en/Table?IndicatorCode=34>.

²⁸ Fazio, Dimas and Ramadorai, Tarun and Skrastins, Janis and Doornik, Bernardus Ferdinandus Nazar Van, Housing and Fertility (December 06, 2024). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5046571> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5046571>

Таким образом, следует подчеркнуть, что у нашей страны здесь очень большой потенциал, поскольку, во-первых, обеспечение жильём является одним из целевых показателей, указанных Президентом (не менее 33 кв. метров на человека к 2030 г. и 38 кв. метров – к 2036 г.), а во-вторых, опросы домашних хозяйств России показывают значительное расхождение между желаемым и ожидаемым числом детей, зависящее от неудовлетворительных жилищных условий. Если бы удалось совместить выверенную денежно-кредитную политику нашего Центрального банка с интересами застройщиков и покупателей жилья, то это позволило бы по крайней мере значительно приблизиться к целевым показателям.

Список литературы / References

1. Fazio D., Ramadorai T., Skrastins J., Doornik B. F. (2024). Housing and Fertility (December). <https://ssrn.com/abstract=5046571> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5046571>.
2. Beek J. H. van de, Roodenburg H., Hartog J., Kreffer G. W. (2023). Borderless Welfare State. The Consequences of Immigration for Public Finances // Research report. University of Amsterdam. 2nd revised edition (April). https://demo-demo.nl/wp-content/uploads/2023/06/Borderless_Welfare_State-2.pdf.

A. R. Bakhtizin²⁹. Labor Market Transformation and Economic Development of Russia. The paper considers the issues of labor market transformation in the context of global demographic and economic challenges. Special attention is paid to the assessment of the consequences of uncontrolled migration and unbalanced pension policy. The interrelation of demographic processes, employment and macroeconomic indicators is analyzed. The article substantiates the need to revise monetary policy and develop mechanisms of state support aimed at boosting birth rates and sustainable development of human capital. The author provides international comparisons and quantitative estimates that confirm the conclusions drawn.

Keywords: labor market, demography, migration, birth rate, pension policy, human capital, economic growth.

²⁹ *Albert R. Bakhtizin*, Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of RAS (Nakhimovsky pr. 47, Moscow, 117418, Russia), Dr. of Sc. (Econ.), Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, e-mail: director@cemi.rssi.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-71-84

*Д. Лэйн*¹

БАЗОВЫЙ ДОХОД И ГАРАНТИЯ ЗАНЯТОСТИ: СОВМЕСТНАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА²

Внедрение современных методов автоматизации производства и применение искусственного интеллекта привели к значительному повышению уровня производительности, к ожиданию улучшения условий жизни и увеличения свободного времени. Одновременно с этим переход к высокотехнологичному производству привёл к снижению спроса на рабочую силу, в результате чего возникла угроза потери рабочих мест, неполной занятости и безработицы. Более того, частная собственность на оборудование и технологии, заменяющие труд, увеличивает прибыль и тем самым перераспределяет национальный продукт от труда к капиталу. В статье описываются различные формы «базового дохода», основанные на их отличительных социальных и экономических целях, с проведением различия между ними. Все они стремятся обеспечить надёжный доход независимо от колебаний рыночной конъюнктуры. Некоторые выступают за декоммодификацию процесса труда в немонетарной и посткапиталистической экономике, другие – за замену множественных видов социальной поддержки единым доходом (и отсутствием текущей поддержки). В работе выражена поддержка гарантии занятости в качестве средства обеспечения населения занятостью одновременно с базовым доходом. Наличие гарантированной работы не только обеспечивает доход, но и является позитивной формой самореализации человека. Автор утверждает, что экономика полной занятости с гарантией рабочих мест должна быть главной целью, дополненной базовым доходом. Обеспечение всеобщей занятости гарантирует не только более высокий уровень равенства и социального благосостояния; оно также придаёт смысл жизни и обеспечивает участие в экономике.

Ключевые слова: базовый доход, гарантия занятости, высокотехнологичное производство, занятость, социальное благосостояние.

УДК 330.352

Введение

Для экономистов создание «новой технико-индустриальной базы» производства основано на новых технологиях и их интеграции с наукой, производством и образованием [1, с. 70]. Сергей Бодрунов подчёркивает, что для осуществления такой

¹ *Дэвид Лэйн*, почетный профессор социологии Кэмбриджского университета, академик Академии социальных наук (Соединенное Королевство), почетный член Европейской Социологической Ассоциации, e-mail: dsl10@cam.ac.uk.

² Подготовлено по материалам доклада на X Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2025) «Труд и трансформация общества: знание, творчество, нономика» (08–09 апреля 2025 года).

трансформации необходимы системные и комплексные изменения. Одним из последствий внедрения современных методов производства, автоматизации и искусственного интеллекта является перемещение рабочей силы и, как следствие, возможная неполная занятость и безработица. Подобно внедрению в XIX веке механизированного ткачества в текстильной промышленности и парового двигателя в сфере материального производства и транспорта, автоматизация и использование искусственного интеллекта приведут к проблемам перехода рабочей силы. Бодрунов отмечает, что для снижения социального неравенства необходимо формировать новые экономические отношения [1, с. 71]. В этой связи в работе более подробно рассматриваются влияние перехода к экономике, основанной на высоких технологиях, на рынок труда и социальные последствия такого перехода.

Исторически внедрение сельскохозяйственной техники привело к перемещению сельских крестьян, которые впоследствии перебрались на растущие фабрики в городских районах [1, с. 231]. Фабричное производство заменило ремесленные методы и вытеснило квалифицированных рабочих. Луддиты были правы во многих отношениях: они потеряли свои личные навыки, работу и средства к существованию; поначалу и в течение некоторого времени их доходы значительно упали, прежде чем восстановиться. В настоящее время, если экономическое развитие будет успешным, Бодрунов призывает к «смене парадигмы» для внедрения нового «типа общественно-го уклада», нового типа индустриального общества [2]. Переходный процесс влечёт за собой серьёзные проблемы адаптации. Рост производительности, достигаемый за счёт инноваций и применения новых технологий, должен принести пользу всем членам общества. Текущие изменения в способе производства привели к большей текучести рабочей силы, большей зависимости от рынка и меньшему количеству долгосрочных контрактов; работа стала всё более «нестабильной». Выгоды от производительности труда не были разделены с рабочим классом, а доля труда в ВВП сократилась: Томас Пикетти демонстрирует, что во всех развитых капиталистических странах доля капитала в ВВП выросла с 15–25 % в 1970 г. до 25–30 % в 2000–2010 гг. [3]. Экономический эффект от реализации проектов для акционеров не соответствует общественным интересам. После Второй мировой войны среди правительств сложился политический консенсус относительно необходимости поддержания экономики полной занятости для устранения диспропорций на рынке труда.

Проблема, с которой сталкиваются постиндустриальные общества, возникает из-за роста производительности труда, вызванного роботизацией и применением искусственного интеллекта, что приводит к значительному сокращению рабочей силы и, в условиях рыночной конкуренции, к постоянному изменению её формы. С положительной стороны, научно-техническая революция может привести к значительному росту услуг и товаров при меньших затратах труда и больших возможностях для досуга. Такие условия могут привести к возможности большей свободы и качественно лучшей жизни. Более негативные последствия приводят к сокращению занятости, снижению уровня трудовых доходов и даже к новым формам бедности. Может возрасти неравенство, поскольку некоторые получают выгоду от владения машинами, в то время как другие либо останутся безработными, либо их работа будет менее квалифицированной и будет приносить меньший доход. Негативная сторона влечёт за собой большую неопределённость в сфере занятости и сокращение штатов. При внедрении технических инноваций необходимо учитывать как справедливость, так и

эффективность с прибылью. Именно здесь возникает необходимость рассмотрения нового типа рынка труда и форм доходов.

Изменения на рынке труда требуют принятия мер социальной политики, направленных на решение проблем, связанных с ростом числа увольнений, снижением уровня оплачиваемой занятости и последствиями значительного роста производительности труда. Несмотря на возросшие темпы внедрения роботов и искусственного интеллекта в XXI веке, уровень занятости рабочей силы пока не претерпел серьёзного снижения: данные Управления национальной статистики Великобритании за четвертый квартал 2024 г. показывают уровень занятости в 75 % для всего населения трудоспособного возраста, а для возрастной группы 35–49 лет – в 86 %.³ Эти цифры по-прежнему оставляют многих без оплачиваемой работы (25 % населения трудоспособного возраста). Масштабы вытеснения рабочих мест из-за роботизации и искусственного интеллекта (ИИ) оцениваются по-разному [4]. В то время как Фрей и Осборн прогнозируют, что около 47 % рабочих мест в США будут автоматизированы, Арндт, Грегори и Зиран утверждают, что к 2030-м годам это коснётся лишь девяти процентов рабочих мест в странах ОЭСР [5, 6]. Эти цифры говорят о том, что сокращения будут происходить, вероятно, постепенно, хотя также очевидно, что ИИ будет оказывать накопительное воздействие на технологический прогресс. Для решения этих проблем предлагается введение базового дохода, которому и посвящена данная статья.

Разновидности «базового дохода»

Термины «базовый доход» и «универсальный базовый доход» используются во многих непоследовательных смыслах. Общим для них является предложение обеспечить членам общества надёжный доход, независимый от колебаний на рынке труда. Большинство политик направлены на смягчение неопределённости на рынке труда, некоторые из них представляют собой проекты радикальных форм распределения экономического дохода, а другие предполагают совершенно иную форму общества. Все они различаются по субъектам, охватываемым программами, и по уровню дохода, на который имеют право получатели. Эти определения подлежат критике и толкованию. В данной статье я рассматриваю достоинства и недостатки четырёх основных подходов, используемых в предложениях по внедрению той или иной формы базового дохода.

Во-первых, безусловный всеобщий доход (БВД) – это платформа, на которой все люди получают достаточный доход для ведения современного образа жизни. БВД предлагает серьёзную переориентацию институтов и процессов общества, которая меняет соотношение и баланс между работой и досугом. Во-вторых, условный универсальный базовый доход (УУБД) обеспечивает доход для всех граждан при соблюдении определённых условий и ограничен суммой, которая не ущемляет потребность человека работать. В-третьих, базовый доход (БД) предлагает то же самое, но налагает больше ограничений на тех, кто получает доход, а также минимизирует выплачиваемую сумму. Четвёртый способ обеспечить регулярный доход – это гарантия занятости (ГЗ), которая предлагает базовый доход всем, кто вносит вклад в экономику, в качестве вознаграждения за свой труд. Цель – обеспечить работой всех, а гарантия занятости – это право, которое обеспечивает доход.

³ Office for National Statistics, London 18 February 2025. Available on line: Dataset A05: Employment, unemployment and economic inactivity by age group.

Эти программы, описанные ниже, имеют множество вариаций и обычно предназначены для замены большинства, но не всех, существующих социальных льгот.⁴ После анализа программ утверждается, что сочетание базового дохода и гарантии занятости способствует созданию справедливого и осуществимого комплекса мер по удовлетворению потребностей людей, обусловленных вызовами современных технологических достижений.

Безусловный всеобщий доход (БВД)

Безусловный всеобщий доход – это регулярный денежный доход, выплачиваемый всем взрослым в экономике, без какой-либо проверки нуждаемости или требования работать. Выплата наличными позволяет использовать их для любых личных нужд: еда, аренда, спорт, отдых [7, 8, 9]. Выплаты физическим лицам производятся независимо от дохода домохозяйства: безработные жёны и мужья-миллионеры получают их в равной степени; дети получают пособие, назначенное родителям; получатели могут быть как безработными (по любой причине), так и работающими. Все люди получают одинаковую выгоду, не требуется «адрес постоянного места жительства», не требуется административное заявление или проверка, доход автоматически предоставляется как право в качестве регулярных денежных выплат [9].

БВД – это стратегия, которая упразднит денежную экономику в её нынешнем понимании при капитализме. Одним из приверженцев такого подхода является Гай Стэндинг. Он рассматривает его как «средство декоммодификации трудового процесса, людей» [10]. Наёмный труд является «фетишем капитализма» и должен быть отменён. Безусловный всеобщий доход является средством обеспечения личной безопасности, перераспределения доходов, освобождения человека и экологического равновесия. Речь идёт не только о компенсации тем, у кого нет работы [10, с. 34], но и о безусловной выплате дохода всем гражданам для удовлетворения их потребностей. По словам Ника Срничека и Алекса Уильямса, безусловный всеобщий доход «даёт нам возможность выбирать свою жизнь: мы можем экспериментировать и строить нетрадиционную жизнь, выбирая развитие наших культурных, интеллектуальных и физических чувств вместо того, чтобы слепо работать ради выживания» [11, с. 50].

БВД является основой «политической трансформации», меняющей отношения между капиталом и трудом. Получатели БВД имеют возможность не только устроиться на работу, но и *отказаться* от неё; это разрушает «принуждение» к наёмному труду [11, с. 120] и способствует личной автономии. Личный контроль над временем и деньгами «представляет собой ключевые компоненты свободы в любом содержательном смысле» [11, с. 80]. Такой источник дохода является основой жизни в посткапиталистическом обществе. Возможно, здесь у нас имеется что-то похожее на ноообщество Сергея Бодрунова. Это компонент постиндустриальной «социокультурной революции» [9, с. 1].

Предложения о полной автоматизации, сокращении рабочей недели, предоставлении базового дохода и «снижении трудовой этики» являются видением, но его объектом является весьма отдалённое будущее. Технический уровень производительных сил остаётся недостаточным для обеспечения этих социальных целей. Школа сторонников БВД слишком оторвана от мира сего, принижая важность стимули-

⁴ For economics overviews see: Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. The World Bank; 2019. doi:10.1596/978-1-4648-1458-7.

рования людей к труду. Даже если потребность в труде и рынок рабочей силы сократятся, работа будет необходима в обозримом будущем. Снижают ли технологии автоматизации общий спрос на рабочую силу, понижая уровень доходов и/или занятости, зависит от того, приводит ли рост производительности к увеличению числа рабочих мест в других неавтоматизированных специальностях, компенсируя тем самым вытеснение рабочей силы [12].

Существующие программы

Поскольку в настоящее время программы финансируются за счёт общего налогообложения, даже самые развитые капиталистические общества не смогут обеспечить всеобщие выплаты, равные средней заработной плате. Ребекка Хасделл собрала и обобщила программы и результаты инициатив по обеспечению универсального базового дохода [13]. Она привносит аспект финансовой реальности в обсуждение целесообразности введения универсального базового дохода. Она приходит к выводу, что попытки правительств относительно базового дохода в мировом масштабе не отвечают критериям универсальности и безусловности, а ресурсы программ недостаточны для удовлетворения минимальных потребностей. Результаты в некоторой степени снижают уровень бедности, а изученные случаи не указывают на какое-либо отрицательное воздействие на участие на рынке труда. Исследование существующих программ показывает, что для финансирования предложений по базовому доходу необходимы новые источники доходов.

В настоящее время такие программы носят экспериментальный характер, не имеют государственного приоритета и, как следствие, недостаточно финансируются. В примере Перейры для Швейцарии он показывает, что ежемесячный базовый доход для взрослых, имеющих на это право, в размере 2400 швейцарских франков (2225 фунтов стерлингов) (что приблизительно соответствует средней заработной плате) не может быть профинансирован при текущем уровне налогообложения [14]. По оценкам сторонников этой схемы в США, размер выплаты составит 1000 долларов в месяц, что составит около 25 % от средней заработной платы; другие программы предусматривают выплату в два раза меньше [15]. В 2014 г. Постоянный фонд штата Аляска выплачивал постоянным жителям Аляски 2000 долларов в месяц, а в 2020 г. эта сумма снизилась до 1000 долларов.⁵ Энтони Аткинсон подсчитал, что развитые страны, взимая 50 % подоходного налога, смогут выплачивать всем гражданам лишь треть средней заработной платы [16, с. 220]. Большинство сторонников предлагают расширить источники налогообложения (налоги на природные ресурсы, «налоги на непредвиденную прибыль» с экономической ренты и довести налоги на нетрудовые доходы до уровня налогов на трудовые доходы) для финансирования программ. Следствием замены человеческого труда искусственным интеллектом может стать налог на капитал, вытесняющий труд. Экономия на фонде заработной платы может облагаться налогом для выплаты компенсации тем, кто потерял работу. Инвестиции всё равно будут выгодны, поскольку экономия на заработной плате и административных расходах превысит налоги.

Современная денежная теория рассматривается некоторыми теоретиками как средство финансирования базового дохода. Этот аргумент убедительно обосновал Джефф Крокер [17]. Как отмечено выше, рост производительности снижает заработ-

⁵ Цифры, приведенные в «Базовых доходах».

ную плату и увеличивает прибыль, что приводит к отсутствию спроса. Политика «жёсткой экономии» также снижает спрос. Согласно современной денежно-кредитной политике, правительства должны «создавать деньги» для финансирования дохода, необходимого для получения базового дохода. Такой доход стимулировал бы спрос и компенсировал бы заработную плату, потерянную из-за замены труда машинами. Критика здесь заключается в том, что такая политика может привести к инфляции, хотя Крокер и его коллеги это отрицают. Рост высоких технологий в производстве делает выплату базового дохода финансово возможной.

Этот краткий обзор текущих примеров и финансовых оценок приводит к выводу, что только политика условного минимального базового дохода является экономически жизнеспособной при нынешнем уровне развития экономики. Безусловный всеобщий доход – это конструктивный подход к труду для коммунистического способа производства. Однако в настоящее время и в обозримом будущем проблемы, создаваемые автоматизацией и увольнениями на рынке труда, требуют менее амбициозной и более практичной политики. Условный базовый доход обеспечивает лучшую, но и более проблемную отправную точку для реалистичной политики доходов в современных монетарных экономиках.

Условный базовый доход (УБД)

Обоснование базового дохода заключается в том, что с моральной точки зрения общество несёт ответственность за благополучие всех своих членов. Вместо предоставления отдельных социальных пособий предлагается ввести базовый доход для покрытия всех основных потребностей. С экономической точки зрения людям гарантирована экономическая безопасность во времена экономического кризиса (личного или национального). С политической точки зрения все люди считаются достойными занятия деятельностью и получения дохода. С социологической точки зрения цель состоит в содействии социальной сплочённости. Гарантированный базовый доход оправдывается как расширение прав граждан на участие в возросшем экономическом благосостоянии [18]. Цели соответствуют идеям Сергея Бодрунова об общественном устройстве ноообщества. Здесь необходимо рассмотреть возможность совместного использования производительности труда в Новом индустриальном обществе 2.0 и повышения реального уровня жизни для всех. Бодрунов отмечает вероятный рост напряжённости в новой индустриальной экономике [1, с. 255]. Растущая форма базового дохода компенсирует труд владельцев новых технологий, которые получают выгоду от роста производительности. Чтобы компенсировать сокращение доли труда в валовом национальном доходе, базовая заработная плата может быть увеличена в соответствии с ростом производительности труда. Находящиеся в частной собственности машины, вытесняющие рабочую силу, увеличивают долю капитала и сокращают долю труда в валовом национальном доходе, тем самым увеличивая неравенство [16].

Условный базовый доход обычно определяется как выплата физическим лицам, достаточная для покрытия минимальных потребностей в жизни, и представляет собой повторяющуюся регулярную денежную выплату, финансируемую обществом. Каждый из компонентов универсального базового дохода (универсальность, безусловность, характер «основных потребностей» и размер выплаты) подвержен существенным ограничениям. Предложения об условном базовом доходе разработаны с целью замены большинства целевых выплат по социальному обеспечению (таких как пособие на жильё и пособие по безработице) единым минимальным «базовым доходом».

Условный базовый доход ограничен политической целесообразностью и экономическими условиями. Он выплачивается в качестве гарантии минимального уровня жизни, продления гражданства. Условием получения условного базового дохода является «внесение вклада» в экономику: такой вклад может быть получен за счёт оплачиваемой работы, а также может включать в себя работу, которая в настоящее время не оплачивается в семье или обществе, в церквях, на детских мероприятиях, в добровольных образовательных и спортивных учреждениях. Такой базовый доход будет ниже средней заработной платы. Условный базовый доход выплачивается самозанятым лицам – таксистам и мелким фермерам. Те, кто вносит вклад в экономику без трудовых договоров, получают выгоду и, таким образом, больше не будут представлять собой «прекариат» или сферу неоплачиваемого труда. Аргументом в пользу небольшого базового дохода является то, что он доступен с точки зрения сумм и, что, возможно, ещё важнее, не снижает склонности людей искать работу и вознаграждать тяжёлый и изнурительный труд.

Вариант базового дохода

Для реалистичного финансового и политически приемлемого курса необходимы некоторые условия и исключения [9, с. 8]. Сторонники предлагают отменить «безусловный и универсальный (всеобщий)» охват. Энтони Андерсон предлагает включить в программу только тех, кто активно «участвует» в экономике, выполняя либо неоплачиваемый, либо оплачиваемый труд, а также тех, кто исключён из сферы труда по состоянию здоровья, и тех, кто имеет физические или психические нарушения. Туристы, люди, предпочитающие отдых и не работающие, а также те, кто живёт на большие нетрудовые доходы, не будут подпадать под действие выплат. Можно было бы сэкономить ещё больше, если исключить тех, кто в настоящее время занимается неоплачиваемым трудом (например, сиделок), хотя такая политика серьёзно подорвала бы одну из целей программы. Одним из практических предложений является введение базового дохода (БД) через налоговую систему в форме отрицательного подоходного налога. Отрицательный подоходный налог является одним из решений, позволяющих обеспечить базовый доход, сохранив при этом стимулы для наёмного труда. Это выплата от правительства людям, чей доход ниже порога подоходного налога. Члены семей, доход которых ниже этой суммы, имеют право на надбавку. Финансовая выгода заключается в том, что те, кто уже получает достаточный доход, не вознаграждаются [16, 19]. В таком случае базовый доход становится переменным: если люди с доходом ниже среднего зарабатывают больше, их базовый доход уменьшается, а налоговые платежи увеличиваются.

Базовый доход становится платформой, обеспечивающей минимальный доход, зафиксированный на уровне ниже средней заработной платы и со многими исключениями, например, упомянутыми выше. Помимо БД, получатели при необходимости будут получать адресные формы социальной поддержки (например, пособия на детей). В данном случае «базового» дохода достаточно для удовлетворения основных потребностей: жильё, отопление, еда, одежда, местный транспорт. «Минимальный» уровень ограничен наличием средств. Цель состоит в том, чтобы сохранить стимул к поиску оплачиваемой работы, одновременно с предоставлением минимальной платформы для устойчивой жизни, а также охватить работников, уязвимых к потере работы. По мере роста уровня производства, как следствие более высокой производительности, рост богатства позволяет увеличить минимальный уровень.

Одним из преимуществ, даже минимальной программы, является то, что базовый доход будет финансово вознаграждать людей, которые сейчас работают без оплаты труда (труд в семейной сфере, воспитание детей, неоплачиваемый уход за престарелыми и немощными людьми). БД обеспечивает некоторую компенсацию и даже стимул для такого рода работы. Базовый доход облегчает жизнь в периоды переподготовки и образования; он укрепляет труд, предоставляя работникам другой источник средств к существованию, независимый от занятости. Наконец, существуют административные преимущества: чем больше индивидуальных пособий включено в базовый доход, тем меньшему числу государственных чиновников необходимо решать, кто может получать пособия и в каких размерах.

Возражения против базового дохода

Даже с учётом этих ограничений универсальности предложений и ограничений на размер «базового» дохода остаются возражения против института БД. Некоторые из них возникают на том основании, что это снижает ценность и необходимость оплачиваемого труда, без которого рыночная экономика не может функционировать. Проблема здесь заключается в глубинном противоречии между сохранением связи между трудовой этикой и выплатой базового дохода. Утверждается, что выплата универсального базового дохода позволит «безбилетникам» получать доход, не внося при этом вклад в экономику. Если доход, обеспечиваемый БД, достаточно высок и обеспечивает приемлемый образ жизни, это может ослабить склонность к труду и способствовать формированию паразитического класса, живущего за счёт труда работающих.

В этих точках зрения содержится обоснованная критика, которая вызывает недовольство и снижает привлекательность для населения идеи предоставления базового дохода. Однако некоторые случаи злоупотребления не отменяют данную политику. Все программы пособий подвержены риску незаконного присвоения. Введение бесплатных библиотек с выдачей книг на дом встречало сопротивление на том основании, что читатели будут брать книги, но никогда не вернут их, поскольку у них не будет стимула это делать. Базовый доход имеет положительное значение для уязвимых групп, упомянутых выше. Его принятие зависит от масштабов злоупотреблений: минимальный уровень злоупотреблений не является убедительным аргументом в пользу устранения выгоды, поскольку злоупотребление ею некоторыми было бы ещё большей несправедливостью по отношению к тем многим, кто в ней нуждается [20]. Но если злоупотребление системой станет широко распространённым и приведёт к тому, что целые сообщества начнут избегать работы ради отдыха, то негативные последствия перевесят позитивную поддержку, которую обеспечивает базовый доход.

С практической точки зрения БД лучше всего рассматривать как платформу, сосуществующую с ограниченным целевым социальным обеспечением. Он может обеспечить минимальный уровень жизни и поддержку, форму социальной ответственности, позволяющую всем гражданам участвовать в росте благосостояния по мере того, как общество становится более развитым. Это расширение прав граждан, по своему характеру схожее с всеобщим образованием и доступом к здравоохранению. Для преодоления некоторых недостатков и критики выплаты универсального базового дохода предлагается упомянутый выше механизм отрицательного подоходного налога. А для противодействия росту экономики с высоким уровнем безработицы

важнейшими дополнениями к политике базового дохода являются создание рабочих мест и гарантия занятости. Их мы рассмотрим ниже.

Базовый доход не компенсирует политику полной занятости и не заменяет высокий материальный уровень жизни. Учитывая, что БД – это платформа, которая дополняется другими источниками дохода, его необходимо установить на таком уровне, чтобы он был достаточным для покрытия основных потребностей, но не чрезмерным, чтобы не ослаблять мотивацию к труду. Установленный уровень будет зависеть от многих социальных и экономических факторов: уровня валового внутреннего продукта на душу населения, формы его распределения и структуры существующих льгот. Даже если изначально заработная плата будет ниже средней, она может вырасти в соответствии с ростом производительности: выгоды от экономического прогресса, основанного на росте производительности за счёт искусственного интеллекта, будут распределены.

Либеральный подход к базовому доходу

На другом конце политического спектра находятся либеральные экономисты, которые рассматривают отрицательный базовый подоходный налог как средство замены системы пособий типа государства всеобщего благосостояния. Услуги социального обеспечения, предоставляемые бесплатно в момент и по месту использования, заменяются денежным доходом, а прежние услуги становятся частью рыночной системы, подверженной конкуренции со стороны поставщиков. Аргументация в данном случае заключается в том, что вмешательство государственных чиновников не только требует больших затрат времени и ресурсов, но и унижает заявителей. Например, Ян Строкен приводит случай, когда 26 000 родителей в Нидерландах были ошибочно обвинены в подаче мошеннических заявлений на получение пособий по уходу за ребенком [9]. Базовый доход исключает необходимость проверки доходов при назначении пособий. Получатели базового дохода приобретают услуги в зависимости от своих потребностей, которые они сами определяют. Предоставление дохода даёт им свободу действовать по своему усмотрению в зависимости от того, как они понимают свои собственные потребности [21], тем самым увеличивая полезность благ.

Либеральные экономисты рассматривают базовый доход как альтернативу государственному социальному обеспечению, но ограничивают выплаты претендентами. Государственный «минимальный доход» начисляется получателям только в том случае, если их доход ниже прожиточного минимума. Фридрих фон Хайек поддерживал «обеспечение определённого минимального дохода для всех или своего рода нижнего предела, ниже которого никому не придётся опускаться...» [22]. Хайека больше волнует минимальный уровень дохода, который защитит от риска бедности из-за безработицы или других несчастий. Он опасался, что вмешательство государства приведёт к «признанию некоего вида коллективной собственности на ресурсы страны, что несовместимо с идеей открытого общества...» [22, с. 56]. Он заявляет, что социальное обеспечение не должно «разрушать рыночный порядок или нарушать основные принципы индивидуальной свободы» [22]. Хайек жёстко ограничивает использование дохода для удовлетворения крайне низкого минимального уровня человеческих потребностей.

Милтон Фридман, вслед за Хайеком, утверждает, что, во-первых, если доход будет введён, это ослабит мотивацию бедных помогать себе самим (работой, страхованием или сбережениями), а во-вторых, налоги будут слишком высокими, чтобы

финансировать его [22, с. 12]. Более того, он предлагает взимать отрицательный подоходный налог только с бедных. Такая программа была бы управляемой (не требовала бы дополнительных государственных учреждений) и справедливой, поскольку она была бы направлена на бедных и ограничивалась бы теми, кто действительно нуждается. Ограниченный охват бедных не ослабит склонность к труду. Таким образом, отрицательный подоходный налог «политически соответствует ограниченному правительству и свободной экономике» и, безусловно, в большей степени соответствует «любому другому методу, о котором я [Милтон Фридман] слышал» [22, с. 15].

Связь базового дохода с монетизацией и неолиберальным мышлением бросила тень на подобные программы, но это не должно обесценивать их более широкое и более просвещённое применение. Даже скромный уровень базового дохода укрепит труд. «Нестабильный» труд больше не будет нестабильным, поскольку вся исполнительская работа будет обеспечена «базовым доходом». Это имеет последствия для неоплачиваемого труда, особенно в отношении неоплачиваемой работы по дому и ухода, которые в настоящее время нуждаются в поддержке. В рамках программ базового дохода лица, осуществляющие уход, получают доход, а структура семьи укрепляется и становится более демократичной. Отрицательный подоходный налог может быть установлен на таком уровне, чтобы он мог обеспечить социальную защиту при любом уровне базового дохода. В данном случае большое преимущество заключается в том, что это уже существующая налоговая процедура, и уровни платежей могут быть установлены как со стороны предположения в зависимости от имеющихся денежных сумм, так и со стороны спроса в зависимости от различных потребностей получателей.

Однако у этого аргумента есть и другая сторона. Обеспечение денежного дохода недостаточно для замены многих функций, обеспечиваемых профессией. Рыночная конкуренция привела к структурной долгосрочной безработице. Многие бывшие промышленные районы были разрушены из-за закрытия заводов и ухода рабочей силы. В Великобритании в 2024 г. около девяти миллионов человек не являются ни «занятыми», ни «безработными» (в том смысле, что не имеют работы и не ищут её активно) и остаются вне рабочей силы: большинство из них постоянно получают «пособие по болезни». Несостоявшиеся сообщества порождают алкоголизм, злоупотребление наркотиками и преступность. Люди непреднамеренно бездельничают, у них нет работы и того, что с ней связано – социального статуса и уважения, образа жизни и ожиданий от будущего. В условиях структурной долгосрочной безработицы предоставление базового дохода может удерживать пострадавшее население в социальной бедности, которая способна воспроизводиться. Получение базового дохода не создаёт рабочих мест. Для надлежащей экономической и социальной политики требуется нечто большее, чем базовый доход. И это конструктивная политика полной занятости с гарантией рабочих мест.

Стратегия гарантии занятости

Критика подхода, основанного на базовом доходе, предлагается с точки зрения человека, рассматривающего труд как позитивную деятельность, форму самореализации человека. С этой точки зрения потеря работы – это личные социальные издержки. Участие в труде структурирует день посредством осмысленной деятельности и обеспечивает формы социального общения. Оно позволяет людям посредством труда вносить вклад в благосостояние человечества, без которого существование общества было бы невозможно. Наличие работы – это форма самореализации, способствующая социальной ста-

бильности, самоуважению и социальному развитию. С этой точки зрения целью трудовой политики является не обеспечение денежного дохода, а обеспечение работой посредством «гарантии занятости» для всех. Отказывать гражданам в получении профессии и занятости не только экономически затратно, но и социально нежелательно. Гарантия занятости обеспечивает доход более эффективным и приемлемым способом, чем просто получение регулярных выплат базового дохода от государства.

Гарантия занятости отвергает главную цель подхода безусловного всеобщего дохода [23, 24]. Социологическая цель безусловного всеобщего дохода – изменить баланс между работой и досугом, декоммерсифицировать рабочую силу. Возражение сторонников гарантированной занятости против безусловного всеобщего дохода заключается в том, что он не только экономически нереалистичен, но и является паразитическим для тех, кто не принимает активного участия в экономике. Гарантия занятости для всех даёт статус занятости, который структурирует жизнь граждан посредством экономического участия в обществе. Это смещает акцент политики занятости с финансирования доходов на предоставление рабочих мест, владельцы которых получают доход. Гарантия занятости перераспределяет доход: те, кто в настоящее время являются безработными, имеют возможность найти работу, а те, кто занимается неоплачиваемым трудом, получают оплату. Таким образом сокращается бедность и поощряется равенство.

Правительства (включая местные органы власти) будут действовать там, где рынок даёт сбой, и станут работодателем последней инстанции, предоставляющей рабочие места, а также будут поощрять адекватную оплату и условия труда. С ростом производительности труда продолжительность рабочего времени может в целом сократиться. Меры могут включать субсидируемую занятость и прямое создание рабочих мест (через общественные работы и услуги). Результатом станет увеличение доли труда в доходах, улучшение распределения труда и установление минимальной заработной платы и пособий для всей экономики [23, с. 75]. Целью не является создание «государства труда (государства, благоприятствующего труду)» [10], поскольку не предполагается создание условий, в которых люди будут вынуждены выполнять нежелательную работу. Вклад в экономику включает в себя работу, которая в настоящее время не оплачивается, и добровольную работу. Сочетание политики базового дохода с гарантией занятости будет способствовать большей макроэкономической стабильности, более справедливой и гуманной экономике, большему равенству, инклюзивности и удовлетворённости жизнью для всех членов общества [23, с. 78].

Заключение

Рост производительности труда, вызванный роботизацией и искусственным интеллектом, привёл к более нестабильной и, в условиях конкурентного рынка, меньшей численности рабочей силы, а также к росту числа людей, не участвующих в рынке труда. Замена рабочей силы машинами привела к деквалификации и сокращению доли рабочей силы в валовом внутреннем продукте. Все стратегии обеспечения базового дохода направлены на повышение защищённости труда и создание механизма, позволяющего трудящимся участвовать в росте производительности труда. Некоторые предложения выходят за рамки текущего рынка труда и ставят целью «декоммодификацию труда», другие – более скромно стремятся заменить конкретные социальные выплаты базовым доходом. Оценка стратегий базового дохода должна разрешить противоречивые цели и задачи. Сторонники декоммодификации

труда посредством *безусловного всеобщего дохода* предлагают кардинально изменить баланс между работой и досугом. В их представлении все члены общества, независимо от того, вносят ли они вклад в экономику или нет, имеют уровень дохода, достаточный для того, чтобы вести современный образ жизни. Такая цель в настоящее время не является реалистичным вариантом политики: во-первых, потому что даже самые развитые экономики далеки от обеспечения изобилия товаров и услуг; во-вторых, потому что это разрушит функционирование финансиализированной конкурентоспособной экономики, которая зависит от рынка труда для найма рабочей силы. *Условный базовый доход* заменяет «социальную помощь» и социальные выплаты базовым доходом. Обусловленности (условия) квалифицируют программу по двум пунктам: во-первых, пособия выплачиваются только тем, кто вносит вклад в экономику, включая тех, кто в настоящее время выполняет неоплачиваемый труд, но исключают неграждан и тех, кто не участвует в экономике; во-вторых, уровень выплат достаточен для покрытия только основных потребностей, что оставляет стимул для оплачиваемого труда. *Базовый доход* – это более слабая форма обеспечения дохода с большими ограничениями по охвату и уровню предоставляемых благ. Базовый доход – это платформа, обеспечивающая доход для покрытия переходов между рабочими местами, и она может заменить большинство социальных пособий. Подобные программы не имеют всеобщего охвата и не обеспечивают потребительского образа жизни. Программы базового дохода позволяют увеличить долю национального дохода в пользу трудящихся, а также снизить уровень неравенства за счёт сокращения числа граждан с низкими или нулевыми денежными доходами. Одним из способов выплат может стать отрицательный подоходный налог. Подходы к обеспечению всеобщего и базового дохода критикуются за то, что они не учитывают социальные последствия безработицы и неполной занятости. *Гарантия занятости* для трудящихся имеет большое значение для повышения благосостояния, статуса, доходов и образа жизни граждан, для повышения экономической активности и содействия социальному и психологическому благополучию трудящихся. Правительство берёт на себя ответственность за создание рабочих мест и обеспечение экономики полной занятости. Для того чтобы любой адекватный базовый доход функционировал эффективно, необходимо ввести новые налоги, включая налоги на внедрение высоких технологий. В качестве альтернативы, как утверждают современные теоретики в области денежных проблем, снижение доли заработной платы в результате внедрения высоких технологий может быть компенсировано государственной финансовой поддержкой базового дохода. В данной статье предлагается ввести гарантию занятости одновременно с базовым доходом. Все, кто вносит активный вклад в экономику, включая неоплачиваемый в настоящее время труд и добровольную работу, будут иметь право на базовый доход. Экономика с сочетанием гарантированной занятости и базового дохода движется к более высокому уровню равенства и благосостояния.

Список литературы / References

1. Bodrunov S. D. (2023) *The Coming New Industrial State: Reloaded*. USA: Academic Studies Press. 286 p.
2. Bodrunov S. D. (2017) *The Coming of New Industrial Society: Reloaded*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID. 359 p.

3. Piketty T. (2015) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. Figure 6.5, p. 222.
4. Clifton J., Glasmeier A., Gray M. (2020) When Machines Think for Us: The Consequences for Work and Place. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 1 (13), 3–23. DOI: 10.1093/cjres/rsaa004
5. Frey C. B., Osborn Frey M. A. (2017) The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? *Technological Forecasting and Social Change*, 114, pp. 254–280.
6. Arntz M., et al. (2016) The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, 189. Paris: OECD.
7. Bidadanure J. U. (2019) The Political Theory of Universal Basic Income. *Annual Review of Political Science*, 22, pp. 481–501.
8. Widerquist K., Noguera J. A., Vanderborght Y., Wispelaere J. De (Eds). (2013) *Basic Income: An Anthology of Contemporary Research*. Oxford: Wiley Blackwell.
9. Stroeken Jan H. M. (2024) The Introduction of Basic Income is a Pillar of a Socio-cultural Revolution. *Basic Income Studies*, 1 (19), pp. 1–14.
10. Standing G. (2013) Why a Basic Income Is Necessary for a Right to Work. *Basic Income Studies*, 2 (7), pp. 19–40. Quotation, p.35.
11. Srnicek N., Williams A. (2015) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. London: Verso, p. 50.
12. Acemoglu D., Restrepo P. (2020) The Wrong Kind of AI? Artificial Intelligence and the Future of Labour Demand. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 1 (13), pp. 25–35. DOI: 10.1093/cjres/rsz022
13. Hasdell R. (2020) What We Know About Universal Basic Income: A Cross-Synthesis Review. The Stanford Basic Income Lab. July 2020. URL: <https://basicincome.stanford.edu/research/papers/what-we-know-about-universal-basic-income/>.
14. Pereira R. (Ed). (2023) *Financing Basic Income, A Dual Income Proposal*. Palgrave Macmillan.
15. Van Parijs P., Vanderborght Y. (2017) *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
16. Atkinson A. (2015) *Inequality: What Can Be Done?* Cambridge, MA: Harvard University Press.
17. Crocker G. (2022) *Basic Income and Sovereign Money: The Alternative to Economic Crisis and Austerity Policy*. Cham (Switzerland): Palgrave Macmillan.
18. Birnbaum S. (2024) *Basic Income*. Oxford: Oxford University Press.
19. Pechman J. A. (1969) How a Negative Income Tax Would Work. *Florida Law Review*, 5 (21), pp. 587–595. URL: <https://scholarship.law.ufl.edu/flr/vol21/iss5/2>
20. White S. (2006) Reconsidering the Exploitation Objection to Basic Income. *Basic Income Studies*, 1 (2), pp. 1–17.
21. Friedman M. (1966) The Case for a Negative Income Tax: A View from the Right, pp. 11–16.
22. Friedrich A. (2011) Hayek, Law, Legislation and Liberty, Volume 3. In: *The Political Order of a Free People*. Illinois: The University of Chicago Press.
23. Tcherneva P. R. (2013) The Job Guarantee. *Basic Income Studies*, 2 (7), pp. 66–87.
24. Tcherneva P. R., Wray L. R. (2005) Common Goals – Different Solutions: Can Basic Income and Job Guarantees Deliver Their Own Promises? *Rutgers Journal of Law and Urban Policy*, 1 (2), pp. 125–166.

D. Lane⁶. Basic Income and Job Guarantee: A Joint Platform for Labour under High Tech Production. The introduction of modern production methods of automation and the application of artificial intelligence have led to significantly higher levels of productivity, the promise of better living standards and more leisure time. Concurrently, the transition to high tech production has reduced the demand for labour, consequently, labour has been threatened by loss of jobs, underemployment and unemployment. Moreover, the private ownership of machines and technology replacing labour increases profit and thereby reallocates the national product from labour to capital. The paper outlines, and distinguishes between, different forms of ‘basic income’ predicated on their distinctive social and economic objectives. All seek to provide a secure income independently of market fluctuations. Some advocate the decommodification of the labour process in a non-monetarized and post-capitalist economy, others the substitution of a single income for multiple social supports (and absence of current support). The paper endorses job guarantee as a means of providing work for the population concurrent with a basic income. Having a guaranteed job not only provides an income but also is a positive form of human self-fulfillment. The author contends that a full employment economy with job guarantee should be the primary objective – complimented by a basic income. Provision of universal employment ensures not only higher levels of equality and social welfare; it also gives meaning to life and secures participation in the economy.

Keywords: basic income, job guarantee, high tech production, employment, social welfare.

⁶ *David Lane*, Emeritus Professor of Sociology at the University of Cambridge, Academician of the Academy of Social Sciences (United Kingdom), Honorary Member of the European Sociological Association, e-mail: dsl10@cam.ac.uk.

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-85-96

*А. А. Шабунова*¹

РЫНОК ТРУДА В РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ²

Современный рынок труда в России переживает глубокие трансформации под влиянием глобальных мегатрендов, геополитической нестабильности и долгосрочных негативных демографических трендов. Влияние демографических факторов на рынок труда является одной из актуальных проблем, требующих внимания государственных органов власти и управления, поскольку естественное воспроизводство рабочей силы выступает в качестве основы для создания механизма эффективно функционирующего рынка труда. Целью настоящей статьи является анализ функционирования рынка труда в условиях демографического кризиса и существующих территориальных дисбалансов, определение направлений для устранения выявленных проблемных аспектов. По результатам исследования констатируется, что рынок труда испытывает жёсткий пресс кадрового дефицита, особенно в сельской местности. Стремление населения к наиболее выгодным и высокооплачиваемым рабочим местам вызывает рост внутренних потоков маятниковой миграции, которая в существующих условиях позволяет обеспечить трудовыми местами почти треть сельского населения.

Ключевые слова: Рынок труда, демографические вызовы, территориальные дисбалансы, население, уровень занятости

УДК 330.352

Введение

Актуальность обращения к вопросам рынка труда в России обусловлена не только влиянием глобальных трендов и вызовов, определяющих глубинные трансформации в сфере труда и занятости³, но и нарастанием угроз, которые препятствуют обеспечению национальной экономики квалифицированными кадрами⁴. Усугубляют положение значительные территориальные диспропорции внутри страны [1, с. 186], что ограничивает возможности проведения сбалансированной федеральной и региональной политики. В сложившихся условиях динамика рынка труда служит нагляд-

¹ *Александра Анатольевна Шабунова*, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, РФ, г. Вологда, ул. Горького, 56а), д-р экон. наук, e-mail: aas@volnc.ru.

² Подготовлено по материалам доклада на X Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2025) «Труд и трансформация общества: знание, творчество, ноономика» (08–09 апреля 2025 года).

³ Future of work. OECD Employment Outlook 2019. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/oecdemployment-outlook-2019_9ee00155-e (дата обращения: 15.04.2025).

⁴ Нацпроект «Кадры». URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/kadry/> (дата обращения: 15.04.2025).

ным отражением общественного развития и успешности адаптации государства к современным условиям хозяйствования.

Говоря об актуальности проблематики рынка труда России в целом, следует отметить, что особое значение приобретают проблемы дефицита кадров [2], дисбаланса спроса и предложения на рынке труда [3; 4], которые неразрывно связаны с демографическими тенденциями [5], включая депопуляцию, старение населения и центростремительные миграционные потоки [6, с. 57], а также проблемы цифровизации труда, готовности населения к приобретению новых знаний и навыков, скорость когнитивных процессов, реакции на изменение комплекса внешних факторов и т. д., что актуализирует задачу *адаптации институтов рынка труда и различных социально-демографических групп к данным реалиям.*

Демографический вызов ситуации в стране и её регионах является наиболее актуальным, поскольку именно *демография определяет количество и качество трудовых ресурсов* [7, с.69; 8, с. 161].

Демографический фактор в работах зарубежных авторов также выступает как «важнейший процесс, от которого напрямую зависит воспроизводство трудовых ресурсов» [9]. При этом он минимизируется путём замещения человеческого труда технологическими решениями (инновации, цифровизация, роботизация) [10] и, благодаря этому, отходит на второй план недостаток живого труда. Российские исследователи также полагают, что острый дефицит кадров можно преодолеть «только на основе автоматизации и роботизации» [11].

Ключевой тенденцией социально-экономического развития страны является форсированное локационное сжатие пространства [12, с. 50] на фоне «вымывания» населения из средних городов и огромного количества сельских населённых пунктов [13, с. 280]. Соответственно на первый план «выходит поиск источников притяжения населения, где важная роль отводится сфере занятости» [14, с. 516; 15].

Сочетание технологических и «структурных изменений в экономике, агломерационных и иных процессов приводит к неравномерному развитию городов и их окружения» [16, с. 132] Это явление, названное зарубежными исследователями как «новая география рабочих мест» [17] или «великая инверсия» [18], выражается как в «безработице, снижении участия в рабочей силе и миграционном оттоке населения из периферийных (сельских) регионов, средних и малых промышленных городов, так и в создании высокооплачиваемых рабочих мест в мегаполисах и их пригородах» [16, с. 132]. Формирующаяся новая реальность проявляет разные уровни территориального дисбаланса в показателях участия населения в рабочей силе:

- между странами,
- между регионами;
- между крупными и малыми городами;
- между «ядром» и «периферией» поселений,
- между благополучными и менее благополучными поселениями.

Нельзя не отметить, что актуальность сохраняющихся проблем и новые вызовы, стоящие перед страной, находятся в центре внимания Президента и Правительства России⁵. Особого внимания среди последних программных документов, на наш взгляд, заслуживают:

⁵ Расширенное заседание Президиума Государственного Совета. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319> (дата обращения: 18.04.2025).

- Национальный проект «Кадры», имеющий цель удовлетворение потребности экономики в кадрах посредством координации усилий системы образования, центров занятости, бизнеса и государства⁶;

- Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 г., направленная, в первую очередь, на повышение рождаемости⁷;

- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., где обозначены приоритетные задачи, в числе которых и «сокращение дифференциации в социально-экономическом развитии территорий, в первую очередь в отношении ... малых и средних городов, сельской местности»⁸;

- Закон о занятости⁹, принятый в декабре 2023 г., предусматривающий такую новацию в регулировании социально-трудовых процессах как «мониторинг и прогнозирование рынка труда в России и её субъектах».

Проблема дефицита трудовых ресурсов на рынке труда в современной России является наиболее острой и широко обсуждаемой среди учёных и практиков. Поиск направлений её решения является предметом многих научных исследований. Но, прежде всего, необходимо сосредоточиться на анализе стоящих перед Россией демографических вызовов рынка труда и существующих территориальных дисбалансов, что и является целью данного исследования.

Результаты исследования

Россия вновь находится в демографическом кризисе. Отмечается депопуляция, то есть число родившихся меньше, чем число умерших. Снижение численности постоянного населения в 2023 г. по сравнению с 2000 г. наблюдается в пяти округах (табл. 1).

Снижение наиболее выражено в Южном (-6,1 млн чел.), Сибирском (-3,8 млн чел.) и Приволжском (-3 млн чел.) федеральных округах. Небольшой прирост отмечается в Центральном (+2 млн чел.), Северо-Кавказском (+1,3 млн чел.) и Дальневосточном (+1 млн чел.) федеральных округах.

Сокращается и численность населения трудоспособного возраста. За межпереписной период (с 2002 по 2022 гг.) население трудоспособного возраста сократилось на 3 млн человек (с 88,9 до 85,9 млн). Большой вклад в это сокращение внесла преждевременная смертность населения. За период с 2000 по 2022 г. в трудоспособном возрасте умерло 12,6 млн человек (или 27 % в общем числе умерших). Фактически «ежегодно как минимум одна пятая часть умерших находится в трудоспособном

⁶ Где России взять 11 миллионов новых работников к 2030 году. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/gde-rossii-vzyat-11-millionov-novykh-rabotnikov-k-2030-godu.html> (дата обращения: 24.04.2025).

⁷ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-р. – URL: <http://government.ru/news/54573/> (дата обращения: 18.04.2025).

⁸ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/> (дата обращения: 24.04.2025).

⁹ «О занятости населения в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/408175315/> (дата обращения: 24.04.2025).

возрасте» [7]. Это определяет сильное негативное влияние демографического фактора на экономическое развитие, прежде всего, через сферу занятости [19, с. 9].

Таблица 1

Численность постоянного населения в среднем за год
(источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система¹⁰)

Субъект	Млн чел.						Тыс. чел.	
	2000	2005	2010	2015	2020	2023	2023 г. к 2000 г.	
							+/-	%
Российская Федерация	146,6	143,5	142,8	147,0	147,7	146,3	-297,8	99,8
Центральный ФО	38,2	38,1	38,4	39,5	40,4	40,2	+2018,1	105,3
Северо-Западный ФО	14,3	13,8	13,6	13,8	14,0	13,9	-407,4	97,1
Южный ФО	22,8	13,9	13,9	16,4	16,7	16,6	-6119,2	73,1
Северо-Кавказский ФО	9,0*	9,0	9,4	9,8	10,1	10,2	+1276,1	114,3
Приволжский ФО	31,6	30,6	29,9	29,7	29,2	28,6	-3005,3	90,5
Уральский ФО	12,5	12,2	12,1	12,3	12,3	12,3	-232,7	98,1
Сибирский ФО	20,4	19,6	19,3	17,2	16,9	16,6	-3792,2	81,4
Дальневосточный ФО	6,9	6,5	6,3	8,2	8,0	7,9	+1012,5	114,7

*Данные приведены за 2003 г.

При общей тенденции сокращения доли населения в трудоспособном возрасте (табл. 2) сохраняются существенные межрегиональные различия, например, между Чукотским автономным округом (65 %) и Курганской областью (52,5 %) разница составляет 12,5 проц.п.

Таблица 2

Динамика доли населения в трудоспособном возрасте, в % от общей численности населения
(источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система¹¹)

Территория	Годы						2023 г. к 2000 г., п.п.
	2000	2005	2010	2015	2020	2023	
Российская Федерация	60,2	63,0	61,5	57,5	56,2	58,0	-1,8
Центральный ФО	59,9	62,5	61,3	57,6	56,2	57,8	-2,1
Северо-Западный ФО	61,6	64,0	62,0	58,2	57,4	59,0	-2,6
Южный ФО	58,6	61,3	60,3	56,8	56,0	58,0	-0,6
Северо-Кавказский ФО	57,2	60,7	61,0	58,8	58,5	60,1	2,9
Приволжский ФО	59,3	62,6	61,2	56,9	55,2	56,9	-2,4
Уральский ФО	61,8	64,7	62,3	57,7	56,0	57,6	-4,2
Сибирский ФО	61,2	63,9	61,8	57,1	55,5	57,4	-3,8
Дальневосточный ФО	63,4	65,3	63,1	58,7	57,8	59,6	-3,8

¹⁰ URL: <https://fedstat.ru>.

¹¹ Там же.

На структуру предложения рабочей силы оказывает влияние и изменение возрастной структуры населения. Увеличивается средний возраст, как занятого, так и безработного населения, как мужчин, так и женщин. Это, безусловно, требует адаптации к этой ситуации со стороны спроса на труд. В структуре занятого населения стремительно сокращается доля молодёжи. Самый значительный спад наблюдается среди занятого населения в возрасте 20–29 лет (-6,4 млн чел. за период 2000–2024 гг.). «Кризис рождаемости, начавшийся в 1990-е годы, образовал демографический “провал”, который волнообразно переходит в следующие возрастные группы» [7, с. 69]. Сокращение «самой производительной и продуктивной группы, очень важной для экономики» – это «очень большой шок для экономики, для рынка труда в целом и, конечно же, для работодателей, тех, кому в первую очередь нужны молодые работники»¹². Наибольший дефицит молодых поколений испытывают северные и центральные регионы (доля молодых составляет ниже 20 %), образуя «неравноценную замену поколений на рынке труда» [7, с. 69], тогда как в ряде регионов Северного Кавказа – от 30 до 35 % (причём уровень безработицы в возрастной группе 15–24 лет в республиках СКФО в 1 квартале 2024 г. наблюдался в пределах от 13 до 34 %¹³). Изменение структуры предложения рабочей силы также требует адаптации со стороны спроса на труд.

Изменение численности занятых в отраслевом разрезе в конце XX – начале XXI вв. «определялось общими факторами спроса и структурными сдвигами в экономике при доминировании тенденции к сокращению занятости в промышленности и сельском хозяйстве и увеличении в сфере услуг»¹⁴. Сегодня наметился поворот к росту занятости в обрабатывающих отраслях и машиностроении, строительстве в связи с поставленной в условиях санкционного давления задаче обеспечения технологического суверенитета. Позитивным явлением является увеличение общей численности и доли занятости в отраслях экономики знаний. Отмечается «опережающий рост в высоко- (+381 тыс. чел. с 2014 по 2024 гг.) и среднетехнологичных (+758 тыс. чел.) отраслях, ИКТ (+918 тыс. чел.) при сокращении в науке (-129 тыс. чел.) и образовании (-357 тыс. чел.)»¹⁵. По оценкам экспертов, «до 2030 г. в экономику предстоит вовлечь 10,9 млн новых работников, тогда как совокупный выпуск из образовательных организаций за это время составит 6,7 млн человек»¹⁶.

Сегодня мы наблюдаем аномально низкий уровень безработицы. В аналитическом докладе об изменениях российского рынка труда подчёркивается: «... некоторые собственники бизнесов и руководители компаний до сих пор пребывают в приятной уверенности, что людей на рынке труда много, а незаменимых нет. Однако мы

¹² Гимпельсон В. Е. Рынок труда и демография: «размощивание» рабочей силы. – URL: <https://hh.ru/article/28803> (дата обращения: 24.04.2025).

¹³ Уровень безработицы: квартальная оценка уровня участия в составе рабочей силы, уровня занятости и уровня безработицы молодежи в возрасте 15–24 лет по субъектам РФ за I квартал 2024 г. – URL: <https://medsoc.adm-nao.ru> (дата обращения: 24.04.2025).

¹⁴ Клепач А. Н. Развитие рынка труда и его связь с научно-технологическим развитием: презентация доклада. – URL: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2025_04/Razvitie_rynka_truda.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ Где России взять 11 миллионов новых работников к 2030 году. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/gde-rossii-vzyat-11-millionov-novykh-rabotnikov-k-2030-godu.html> (дата обращения: 24.04.2025).

не в 1990-х. Сейчас все, наоборот...»¹⁷. Данные НН.индекса¹⁸ показывают, что практически во всех регионах Северо-Западного федерального округа, кроме Республики Коми, Санкт-Петербурга и Калининградской области, дефицит соискателей (табл. 3). Да и в этих регионах положение близко к дефициту, особенно на фоне достаточно резкого обострения кадровой ямы.

Таблица 3

Динамика НН.индекса в разрезе регионов СЗФО (источник: данные сервиса hh.ru¹⁹)

Субъекты	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Архангельская область	4,0	3,5	3,3
Вологодская область	4,1	3,1	2,9
Калининградская область	7,0	4,2	4,0
Ленинградская область	3,6	2,4	2,3
Мурманская область	3,0	2,6	2,8
Новгородская область	3,3	2,7	2,6
Псковская область	3,2	2,8	2,6
Республика Карелия	4,2	3,8	4,0
Республика Коми	5,7	4,5	4,9
Санкт-Петербург	6,5	4,4	4,4

Коэффициент напряжённости на российском рынке труда остаётся ниже единицы, что подчёркивает остроту дефицита кадров в стране (рис. 1). По нагрузке незанятого населения в расчёте на одну вакансию региональные различия практически отсутствуют, а высокие значения наблюдаются только в нескольких субъектах Северо-Кавказского Федерального округа.

Соискательский характер рынка труда меняет «правила игры», создавая условия конкуренции работодателей путём создания более благоприятных условий труда, в том числе и так называемой «гонки зарплат»²⁰, которая повышает издержки бизнеса и побуждает его активнее оптимизировать расходы, расширять автоматизацию и сокращать штаты. Изменяются в этой связи и ценностные установки населения, особенно молодёжи. В 2008 г. «работа» в ранжированном ряду ценностей находилась на 4 месте, в 2023 – только на 8-м²¹.

¹⁷ Итоги года российского рынка труда: демография, поведение соискателей и зарплаты. – URL: <https://hh.ru/article/31092> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁸ НН.индекс – соотношение количества резюме к количеству вакансий на рынке в выбранной профессиональной области: ≤1,9 – острый дефицит соискателей; 2,0–3,9 – дефицит соискателей; 4,0–7,9 – умеренный уровень конкуренции за рабочие места; 8,0–11,9 – высокий уровень конкуренции; ≥12 – крайне высокий уровень конкуренции.

¹⁹ URL: https://stats.hh.ru/vologodskaya_oblast?vacanciesProfArea=science

²⁰ Рынок труда стал рынком соискателей. – URL: <https://www.audit-it.ru/news/personnel/1075424.html> (дата обращения: 24.04.2025).

²¹ Данные мониторинга «Социокультурный портрет населения Вологодской области», ФГБУН ВолНИЦ РАН.

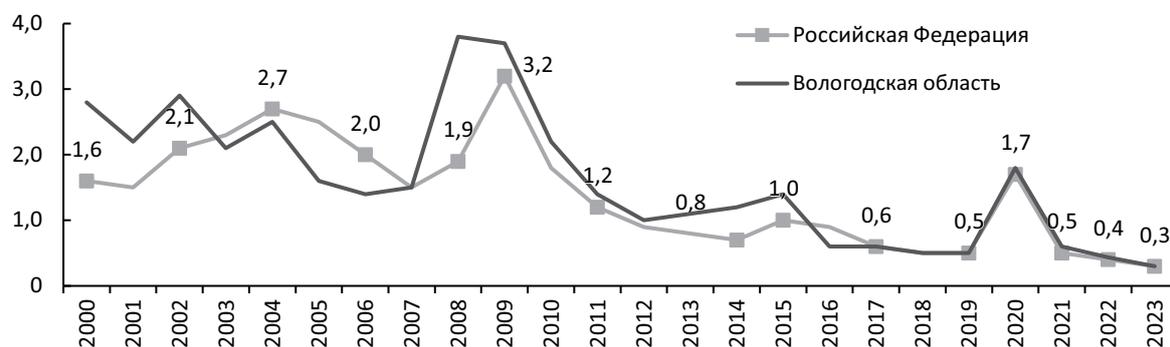

Рис. 1. Динамика коэффициента напряжённости на рынке труда (источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система²²)

Сельские рынки труда в этих условиях испытывают наибольший стресс, так как продолжающиеся процессы урбанизации усиливают диспропорции людности в городской и сельской местности. Доля городского населения выросла с 73,1 % в 2000 г. до 74,9 % в 2024 г., тогда как сельского – сократилась с 36,9 до 25,1 %. В этой ситуации важно увидеть тенденции, которые идут на муниципальном уровне. А они показывают, что неравномерность экономического развития и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между центром и периферией. При этом центр является «мотором» развития системы (за счёт постоянной качественной трансформации вследствие генерирования, внедрения и диффузии нововведений) и «одно-временно «пылесосом», выкачивающим все виды ресурсов, в том числе человеческий потенциал, из периферии» [16, с. 135]. Под влиянием демографических процессов происходит сокращение численности населения муниципальных территорий. И если на федеральном уровне потери трудовых ресурсов компенсируются притоком иностранных мигрантов и вовлечением в трудовую деятельность граждан старших возрастов, то, например, в Вологодской области замещающие процессы выражены слабо. В результате за последние 20 лет совокупный объём «живого труда» в регионе уменьшился на 143 тыс. человек. В зоне особого риска находятся сельская периферия, лишившаяся более половины среднесписочной численности работников (рис. 2).

И такая картина не является исключением. В России 153,2 тыс. сельских населённых пунктов, но 24,8 тыс. из них (16 %) полностью обезлюдели. При средней численности населения в селе в 289 человек, значительная часть сел имеет менее 50 жителей, что затрудняет их социально-экономическое развитие.

Наибольшая людность сельских населённых пунктов наблюдается в регионах Кавказа: Ингушетии (4516 чел.), Чечне (2708 чел.), Кабардино-Балкарии (2544 чел.). Наименьшая – в Псковской обл. (31 чел.), Тверской обл. (43 чел.), Вологодской, Новгородской, Ярославской обл. (54–57 чел.).

Пространственная поляризация ведёт к хозяйственному опустыниванию большинства периферийных (удалённых от административных центров и центров экономического роста) территорий [12]. Это проявляется в снижении здесь инвестиционной активности, сокращении объёмов и темпов промышленного и сельскохозяйственного производства, увеличении неиспользуемых площадей сельхозугодий и т. д.

²² URL: <https://fedstat.ru>.

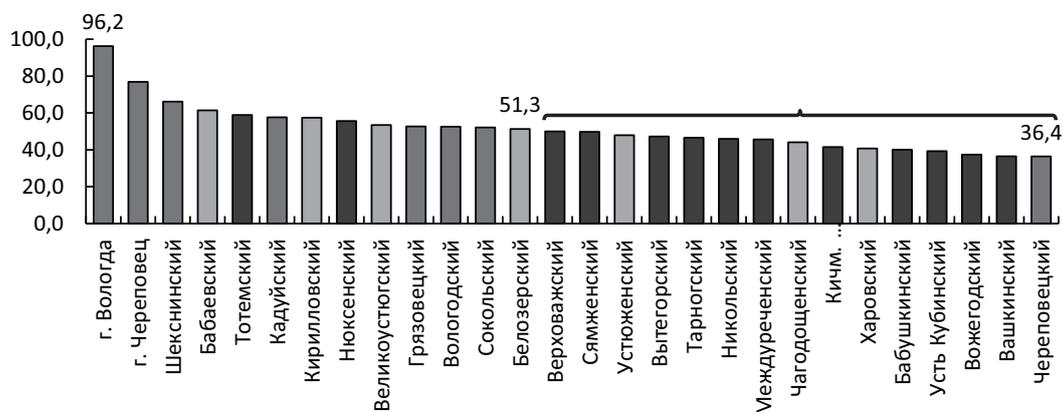

Рис. 2. Динамика среднесписочной численности работников по полному кругу организаций за период 2000–2021 гг., % (источник: данные Росстата)

В условиях действия центр-периферийного фактора неотъемлемым проявлением трансформации занятости становится трудовая миграция. Отечественные исследования муниципальных районов Нечерноземья показали, что часть трудоспособного населения работает вахтовым методом в городах и других регионах, фактически не проживая на территории сельских районов. Доля такого населения варьируется в зависимости от особенностей географического положения и социально-экономической ситуации: от трети до половины трудоспособного населения [20]. Большинство глав районных центров отмечают существование в их поселении практик вахтовой трудовой миграции, среди причин которых называют нехватку работы, низкую заработную плату и её более высокий уровень в местах приложения труда, а также стремление населения к повышению уровня благосостояния [16]. При этом масштабы возвратной трудовой миграции и её экономические последствия не учитываются в полной мере в стратегическом планировании развития регионов, что приводит к недоиспользованию потенциала возвратной трудовой миграции [21].

Нерешённость социально-экономических проблем сельских поселений (сокращение производств, в том числе лесозаготовительной деятельности, естественная убыль и миграционный отток жителей) актуализирует поиск путей регулирования сферы занятости. На примере регулирования возвратной трудовой миграции можно выстроить систему мер, состоящую из нескольких этапов, первый из которых будет включать в себя налаживание системы учёта возвратных видов трудовой миграции «посредством модификации формы отчётности П-4 (НЗ) Росстата». Следующим шагом к пониманию этих процессов может стать углублённое изучение масштабов возвратной трудовой миграции, которое «возможно осуществить через сотрудничество с исследовательскими институтами, коммерческими организациями и органами власти» [21, с. 29].

Заключение

Решение проблем развития территорий видится в консолидации их усилий по планированию и управлению процессами занятости и устранения дисбалансов, в том числе посредством усложнения экономики, которое, в частности, может в создании новых рабочих мест и на периферии. Консолидация требуется как минимум на уровне федеральных округов, не замыкаясь только на одном регионе.

Важной является разработка и реализация межрегиональных и межмуниципальных проектов в экономической сфере, что позволит создать новые «точки роста» в регионах. Поэтому актуальной задачей является формирование благоприятных институционально-инструментальных основ, направленных на разработку и реализацию проектов развития меж- и внутрирегионального уровня [12]. Такими направлениями может стать создание центров притяжения деловой активности за счёт реализации промышленных, инфраструктурных и социально значимых проектов и поддержка предпринимательской активности населения.

Исходя из анализа процессов возвратной трудовой миграции и тех эффектов, которые она оказывает на занятое население и на экономику региона важно сосредоточить основные меры регулирования возвратной трудовой миграции на стимулировании внутрирегиональной возвратной трудовой миграции, поскольку она позволяет обеспечить трудовыми местами почти треть сельского населения.

Список литературы:

1. Антипин, И. А. Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России / И. А. Антипин, Е. А. Шишкина // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 247, № 3. – С. 179–201. – DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-179-201.
2. Егоров, П. А. Проблема кадрового дефицита в промышленности в контексте обеспечения экономической безопасности / П. А. Егоров, В. И. Волков // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 731–742. – DOI 10.18334/ep.14.3.120604.
3. Зинич, Л. В. Новые подходы к устранению дисбаланса на рынке труда / Л. В. Зинич // Экономика труда. – 2024. – Т. 11, № 12. – С. 2039–2050. – DOI 10.18334/et.11.12.122144.
4. Ibragimov L. Z., Usmanxonova D. F. Q. (2021). Some issues of studying the impact of demographic factor on employment and labor market, *European Scholar Journal (ESJ)*. Vol. 2 No. 7, Pp. 47–50.
5. Царенко, И. В. Рынок труда в России в свете демографических тенденций / И. В. Царенко // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2023. – № 4 (40). – С. 131–140. – <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-131-140> EDN: KYDYEG.
6. Социальное развитие территорий: актуальные тренды и новые вызовы / А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. А. А. Шабунова. – Вологда: ВолНИЦ РАН, 2022. – 295 с.
7. Константинова, Д. С. Демография как фактор влияния на рынок труда / Д. С. Константинова // Дискуссия. – 2019. – № 6 (97). – С. 66–75. <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10049> EDN: VSXYNR.
8. Шевякин, А. С. Особенности демографической составляющей воспроизводства трудовых ресурсов в региональной экономике / А. С. Шевякин, М. А. Гололобова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 12-3. – С. 158–161. – <https://doi.org/10.17513/vaael.970> EDN: PMYBOO.
9. Salvati, L., Serra, P. (2019). One thing leads to another: economic polarizations and social disparities in a pre-crisis Mediterranean city // *International Review of Applied Economics*. Vol. 33. Iss. 3. P. 353–383. <https://doi.org/10.1080/02692171.2018.1495696>.
10. Brunnschweiler, Ch. N., Peretto, P. F., Valente S. (2021). Wealth creation, wealth dilution and demography // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 117. P. 441–459. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2020.02.002>.

11. Маленков, Ю. А. Автоматизация российской экономики как стратегический фактор решения проблем роста производительности труда и устранения дефицита кадров / Ю. А. Маленков // Экономическое возрождение России. – 2024. – № 4(82). С. 108–117. – DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-108-117.

12. Шабунова, А. А. Социально-экономическое пространство СЗФО: проблемы и приоритеты обеспечения связности / А. А. Шабунова, С. А. Кожевников // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 250, № 6. – С. 49–68.

13. Ускова, Т. В. Тенденции пространственного развития регионов Северо-Запада России в XXI веке / Т. В. Ускова, С. А. Кожевников, С. С. Патракова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15.

14. Попов, А. В. Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр-периферия» в модельном регионе России / А. В. Попов // Уровень жизни населения регионов России. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 515–528. – https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528; EDN JQGCXU.

15. Постнова, М. В. Специфика занятости сельского населения региона и факторы её определяющие / М. В. Постнова, Е. А. Смирнова, Н. Р. Александрова // Экономика труда. – 2020. – Т. 7, № 12. – С. 1217–1234. – DOI 10.18334/et.7.12.111329.

16. Короленко, А. В. Развитие сферы занятости по оси «центр – периферия»: взгляд глав городских и сельских поселений / А. В. Короленко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 1. – С. 130–154. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2579>.

17. Moretti E. (2012). *The New Geography of Jobs*. New York, NY: Houghton Mifflin Harcourt.

18. Martin R., Tyler P., Storper M., Evenhuis E., Glasmeier A. (2018) *Globalization at a Critical Conjunction?* Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. Vol. 11. № 1. P. 3–16. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy002>

19. Коровкин, А. Г. Динамика занятости и рынка труда РФ: демографические ограничения, текущая ситуация, перспективные оценки / А. Г. Коровкин, И. Н. Долгова, Е. А. Единак, И. Б. Королев // Прикладные демографические исследования: сборник статей / под ред. В. В. Елизарова, Н. Г. Джанаевой. – М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. – 192 с.

20. Аверкиева, К. В. Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии. 2013. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. – М.: ИД «Кодекс». – С. 108–125.

21. Соколова, А. А. Возвратная трудовая миграция: масштабы, последствия, подходы к регулированию: автореф. дисс. ... канд. экон. наук / А. А. Соколова. – М.: ИЭ РАН, 2025. – 32 с.

References:

1. Antipin I. A., Shishkina E. A. (2024) *Strategicheskoye upravleniye disproportsiyami sotsial'no-ekonomicheskogo i prostranstvennogo razvitiya regionov Rossii* [Strategic Management of Imbalances in the Socio-Economic and Spatial Development of Russian Regions]. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia, 247 (3), pp. 179–201. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-179-201.

2. Egorov P. A., Volkov V. I. (2024) *Problema kadrovogo defitsita v promyshlennosti v kontekste obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti* [The Problem of Personnel Shortage in In-

dustrial Production in the Context of Ensuring Economic Security]. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 14 (3), 731–742. DOI: 10.18334/epp.14.3.120604.

3. Zinich L. V. (2024) *Novyye podkhody k ustraneniyu disbalansa na rynke Truda* [New Approaches to Address Labor Market Imbalances]. *Russian Journal of Labour Economics*, 11 (12), pp. 2039–2050. DOI: 10.18334/et.11.12.122144.

4. Ibragimov L. Z., Usmankhonova D. F. Q. (2021) *Some Issues of Studying the Impact of Demographic Factor on Employment and Labor Market*. *European Scholar Journal (ESJ)*, 2 (7), pp. 47–50.

5. Tsarenko I. V. (2023) *Rynok truda v Rossii v svete demograficheskikh tendentsiy* [Labor Market in Russia in the Light of Demographic Trends]. *Economic and Social Research*, 4 (40), pp. 131–140. DOI: 10.24151/2409-1073-2023-4-131-140 EDN: KYDYEG.

6. Shabunova A. A., et al. (2022) *Sotsial'noye razvitiye territoriy: aktual'nyye trendy i novyye vyzovy* [Social Development of Territories: Current Trends and New Challenges]. Shabunova A. A. (Ed.). *Vologda: VolSC RAS*, 295 p.

7. Konstantinova D. S. (2019) *Demografiya kak faktor vliyaniya na rynek truda* [Demographics as a Factor of Influence on the Labor Market]. *Discussion*, 6 (97), pp. 66–75. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10049 EDN: VSXYNR.

8. Shevyakin A. S., Golobova M. A. (2019) *Osobennosti demograficheskoy sostavlyayushchey vosпроизводства trudovykh resursov v regional'noy ekonomike* [Features of the Demographic Component of the Reproduction of Labor Resources in the Regional Economy]. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 12-3, pp. 158–161. DOI: 10.17513/vaael.970 EDN: PMYBOO.

9. Salvati L., Serra P. (2019) *One Thing Leads to Another: Economic Polarizations and Social Disparities in a Pre-crisis Mediterranean City*. *International Review of Applied Economics*, 33 (3), pp. 353–383. DOI: 10.1080/02692171.2018.1495696.

10. Brunnschweiler C. N., Peretto P. F., Valente S. (2021) *Wealth Creation, Wealth Dilution and Demography*. *Journal of Monetary Economics*, 117, pp. 441–459. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2020.02.002.

11. Malenkov Y. A. (2024) *Avtomatizatsiya rossiyskoy ekonomiki kak strategicheskiy faktor resheniya problem rosta proizvoditel'nosti truda i ustraneniya defitsita kadrov* [Automation of Russian Economy as Strategic Factor in Solving the Problems of Labor Productivity Growth and Eliminating the Shortage of Personnel]. *Economic Revival of Russia*, 4 (82), pp. 108–117. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-108-117.

12. Shabunova A. A., Kozhevnikov S. A. (2024) *Sotsial'no-ekonomicheskoye prostranstvo SZFO: problemy i priority obespечeniya svyaznosti* [Socio-Economic Space of the Northwest Federal District: Problems and Priorities of Ensuring Connectivity]. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 250 (6), pp. 49–68.

13. Uskova T. V., Kozhevnikov S. A., Patrakova S. S. (2024) *Tendentsii prostranstvennogo razvitiya regionov Severo-Zapada Rossii v XXI veke* [Trends in the Spatial Development of Regions in the Northwest of Russia in the 21st Century]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17 (5), pp. 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15.

14. Popov A. V. (2023) *Problemy i perspektivy razvitiya sfery zanyatosti po osi «tsentr-periferiya» v model'nom regione Rossii* [Problems and Prospects for the Development of the Employment Sphere Along the “Center-Periphery” Axis in the Model Region of Russia]. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 19 (4), pp. 515–528. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528; EDN JQGCXU.

15. Postnova M. V., Smirnova E. A., Aleksandrova N. R. (2020) *Spetsifika zanyatosti sel'skogo naseleniya regiona i factory yeye opredelyayushchiye* [Specifics of the Regional Rural

Population Employment and Its Determining Factors]. *Russian Journal of Labour Economics*, 7(12), pp. 1217–1234. DOI: 10.18334/et.7.12.111329.

16. Korolenko A. V. (2025) *Razvitiye sfery zanyatosti po osi «tsentr – periferiya»: vzglyad glav gorodskikh i sel'skikh poseleniy* [Development of the Employment Sector Along the “Center-Periphery” Axis: The View of the Heads of Urban and Rural Settlements]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), pp. 130–154. DOI: 10.14515/monitoring.2025.1.2579.

17. Moretti E. (2012) *The New Geography of Jobs*. New York, NY: Houghton Mifflin Harcourt.

18. Martin R., Tyler P., Storper M., Evenhuis E., Glasmeier A. (2018) *Globalization at a Critical Conjunction?* *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 11 (1), pp. 3–16. DOI: 10.1093/cjres/rsy002.

19. Korovkin A. G., Dolgova I. N., Yedinak E. A., Korolev I. B. (2018) *Dinamika zanyatosti i rynka truda RF: demograficheskiye ogranicheniya, tekushchaya situatsiya, perspektivnyye otsenki* [Dynamics of Employment and the Labor Market in the Russian Federation: Demographic Constraints, Current Situation, Prospective Assessments]. In: *Prikladnyye demograficheskiye issledovaniya: sbornik statey* [Applied Demographic Studies: Collection of Papers]. Elizarov V. V., Dzhanayeva N. G. (Eds.). Moscow: Lomonosov MSU Faculty of Economics, 192 p.

20. Averkieva K. V. (2013) *Sel'skaya mestnost' Nechernozem'ya: depopulyatsiya i vozmozhnyye puti adaptatsii k novym usloviyam* [Rural Non-chernozem: Depopulation and Possible Ways of Adaptation to New Conditions]. In: *Voprosy geografii. T. 135: Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problems of Geography. Vol. 135: Geography of Population and Social Geography]. Alekseev A. I., Tkachenko A. A. (Eds.). Moscow: Kodeks Publishing House, pp. 108–125.

21. Sokolova A. A. (2025) *Vozvratnaya trudovaya migratsiya: masshtaby, posledstviya, podkhody k regulirovaniyu. Avtoreferat dissertatsii* [Return Labor Migration in Russia: Scale and Trends. Extended Abstract of Dissertation]. Moscow: IE RAS, 32 p.

A. A. Shabunova²³. Labor Market in Russia: Demographic Challenges and Territorial Imbalances. Modern labor market in Russia is undergoing profound transformations under the influence of global megatrends, geopolitical instability and long-term negative demographic trends. The influence of demographic factors on the labor market is one of the acute problems that require attention of state authorities and management, since the natural reproduction of the labor force acts as the basis for creating a mechanism for an effectively functioning labor market. The purpose of this paper is to analyze the functioning of the labor market in the context of the demographic crisis and existing territorial imbalances, to identify areas for addressing the pinpointed problematic aspects. According to the study results, the labor market is experiencing a severe shortage of personnel, especially in rural areas. The desire of the population for the most profitable and highly paid jobs causes an increase in internal flows of pendulum migration, which in the current conditions makes it possible to provide jobs for almost a third of the rural population.

Keywords: labor market, demographic challenges, territorial imbalances, population, employment rate.

²³ *Aleksandra A. Shabunova*, Director of the Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A Gorky St., Vologda, 160014, Russia), Doctor of Economics, e-mail: aas@volnc.ru.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-97-110

И. Н. Молчанов¹, Н. П. Молчанова²

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НООТРАНСФОРМАЦИИ

Рассматриваются актуальные вопросы межрегиональной интеграции территорий Российской Федерации в современных условиях глобальной ноотрансформации. Представлены тенденции развития национальной экономики в постсоветский период (1990-е гг. – настоящее время) на основе изменения ряда социально-демографических показателей и ВВП (ВРП) в стране (федеральных округах). Выявлены положительные тенденции в динамике основных социально-экономических показателей и неблагоприятные тенденции в демографической сфере. Рассмотрены научный базис, практика разработки и реализации Стратегий пространственного развития России. Раскрыты ключевые векторы и особенности обновлённой Стратегии пространственного развития на 2025–2030 гг. Сделаны выводы о необходимости развития транспортной инфраструктуры в условиях углубления межрегиональных и международных экономических связей как основы расширения взаимодействия между хозяйствующими субъектами разных таксономических уровней. Реализация стратегических документов в условиях глобальной ноотрансформации возможна только на основе знаний, воплощаемых в технологиях и рассматриваемых как приоритет НИО.2 – общественного устройства следующего поколения.

Ключевые слова: ноотрансформации, макрорегионы, межрегиональные связи, проблемы мезоуровня, транспортная инфраструктура, долгосрочный период, стратегия и тактика, международное сотрудничество.

УДК 339.9

¹ *Игорь Николаевич Молчанов*, профессор экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46); профессор Департамента общественных финансов финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125993, РФ, Москва, Ленинградский пр., 49), д-р экон. наук, профессор, e-mail: 9392940@gmail.com.

² *Наталья Петровна Молчанова*, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А, корпус В), д-р экон. наук, доцент, e-mail: 2520641a@gmail.com.

Введение

На экономическое развитие в середине 2020-х гг. оказывают влияние вызовы, обусловленные сложностью международной геополитической ситуации. Среди них выделяются незаконные односторонние ограничительные меры (санкции), принятые рядом недружественных стран в отношении России. В сложившейся экстраординарной ситуации руководством Российской Федерации разрабатываются эффективные меры и предпринимаются решительные действия, направленные на укрепление национальной безопасности государства, поддерживающие устойчивое функционирование экономики в региональном и отраслевом разрезе. Результативность данной деятельности особенно высока для пограничных территорий и морских акваторий.

Причины, вызвавшие изменения во внешней политике, обусловлены происходящими на постсоветском пространстве в 2022–2025 гг. событиями, связанными с вхождением в состав Российской Федерации новых исторических территорий³. Факторы, повлиявшие на формирование и развитие сложных разноплановых процессов в международных отношениях разнообразны, но объективной предпосылкой и следствием происходящих изменений является глобальная ноотрансформация общества.

Теоретические основы ноономики и ноообщества раскрыты в ряде научных трудов д-ра экон. наук., профессора, члена-корреспондента РАН С. Д. Бодрунова; им сформулированы четыре основные этапа ноотрансформации общества: *«научно-технологический прогресс, диффузия собственности, социализация общества и солидаризм как новая идеология»* [1; 2].

Предмет исследования – выявление особенностей пространственного развития России в условиях глобальной ноотрансформации.

Под воздействием периодически возникающих по различным причинам кризисных ситуаций, экстремальных внешних и эволюционно развивающихся внутренних факторов происходит переход к ноо-общественному этапу, на котором «технологическое и хозяйственное развитие подчиняются не критериям, задаваемым безличными, объективно довлеющими над человеком социальными силами (экономическими отношениями, властной иерархией, традицией и т. п.), а такими критериями, которые прямо и непосредственно формируются человеческим разумом, опирающимся на необходимые для этого культурные предпосылки» [1, с. 178].

Изменить существующее положение возможно только на основе смены материально-технических ресурсов как приоритета постиндустриального общества, – на знания, воплощаемые в технологиях, и рассматриваемые как приоритет НИО.2 – общественного устройства следующего поколения [1, с. 186].

Экономическое положение России в постсоветский период

В течение 2000–2023 гг. национальное хозяйство Российской Федерации развивалось под влиянием периодически возникавших локальных и глобальных кризисных ситуаций. Площадь территории, динамика социально-демографических показателей и валового внутреннего продукта представлены в табл. 1.

³ Президент Российской Федерации подписал законы о вхождении в состав России ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации 5.10.2022. URL: <http://duma.gov.ru/news/55420/>.

Современное состояние национального хозяйства России обусловлено особенностями функционирования страны в течение всего постсоветского периода. Под влиянием трансформационных изменений в хозяйственном механизме страны и конъюнктурных процессов на мировых рынках результаты реформирования экономики отличались неустойчивостью, а позитивные преобразования наблюдались на ограниченном числе территорий. Это приводило к неблагоприятным изменениям в динамике социально-экономических показателей и нарушению пропорциональности в развитии субъектов Российской Федерации. Население концентрировалось в городах и городских агломерациях. Одним из негативных проявлений данного процесса стало снижение показателей рождаемости и в целом – ухудшение демографической обстановки в большинстве регионов страны.

Таблица 1

Динамика основных социально-демографических показателей и валового внутреннего продукта Российской Федерации (2000–2023 гг.)
(составлено авторами по [3, с. 46])

Показатели	2000 г.	2010 г.	2023 г.
Площадь территории, тыс. кв. км	17075,4	17098,2	17234,0
Численность населения (на конец года), млн чел.	146,3	142,9	146,1
Естественный прирост, убыль (-) населения, тыс. чел.	-958,5	-239,6	-500,3
Миграционный прирост, убыль (-) населения, тыс. чел.	362,6	271,5	203,6
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	64 517	71 493	72 912
Численность безработных (по методологии МОТ), тыс. чел.	7 700	5 544	2 401
Численность пенсионеров, тыс. чел.	38 411	39 706	41 075
Валовой внутренний продукт – всего, млрд руб.	7 306	46 309	172 148
Валовой внутренний продукт на душу населения, руб.	49 835	324 177	1 176 687

В настоящее время приоритетное место среди национальных интересов Российской Федерации занимает «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан»⁴. В 2000–2023 гг. в России наблюдалась отрицательная динамика значений естественного прироста населения (на 1000 человек населения): -6,6 (2000 г.), -1,7 (2010 г.), -3,5 (2023 г.) [3, с. 94]. Анализ представленной информации подтверждает наличие депопуляции населения⁵, что приводит к выводу о чрезвычайной актуальности вопросов демографического благополучия для сохранения нации и развития человеческого капитала. В условиях непростой демографической ситуации и происходящих изменений в поселенческой структуре населения обостряется проблема поиска «возможных способов сохранения освоенного

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.03.2025)

⁵ Депопуляция – устойчивое уменьшение абсолютной численности населения определенной территории, при котором численность последующих поколений меньше предыдущих (демографический кризис). Статистически депопуляция характеризуется превышением общего показателя смертности населения над показателем рождаемости.

пространства» [4, с. 42]. Острота положения требует осмысления накопившихся проблем и обоснования возможных вариантов выхода из сложившегося положения в сфере демографии.

Ключевыми векторами современной государственной политики сбережения народа России являются «повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности; увеличение ожидаемой продолжительности жизни, снижение смертности»⁶. В данном контексте чрезвычайно важной задачей становится создание предпосылок, способствующих сохранению демографического потенциала, обеспечивающих равные социально-экономические условия жизнедеятельности населения и достойное качество жизни на всём экономическом пространстве страны.

Согласно федеративному устройству, в составе Российской Федерации функционируют 89 субъектов, права которых установлены в Конституции страны. В настоящее время сформировано восемь федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Уральский, Северо-Кавказский, Южный, Сибирский, Дальневосточный. Показатели, в обобщённом виде отражающие современное состояние хозяйственных комплексов данных административно-территориальных образований (площадь территории, динамика социально-демографических показателей и валового регионального продукта по федеральным округам) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Основные социально-экономические показатели по федеральным округам РФ (составлено авторами по: [5, с. 18–23])

Показатели	Площадь территории, тыс. кв.км / %	Численность населения на 1 января 2024 г., тыс. чел. / %	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел. в 2023 г. / %	Валовой региональный продукт в 2022 г., всего, млрд руб. / %
Российская Федерация	17234,0 / 100,0	146150,8 / 100,0	72911,8 / 100,0	140669 / 100,0
Центральный федеральный округ	650,2 / 3,8	40198,7 / 27,5	21537,9 / 29,5	47367 / 33,7
Северо-Западный федеральный округ	1687,0 / 9,8	13840,4 / 9,5	7221,2 / 9,9	18929 / 13,5
Южный федеральный округ	447,8 / 2,6	16624,1 / 11,4	8057,6 / 11,1	9815 / 7,0
Северо-Кавказский федеральный округ	170,4 / 1,0	10251,1 / 7,0	4190,5 / 5,7	3111 / 2,2
Приволжский федеральный округ	1037,0 / 6,0	28540,8 / 19,5	13695,9 / 18,9	19665 / 14,0
Уральский федеральный округ	1818,5 / 10,6	12262,3 / 8,4	6448,6 / 8,8	20073 / 14,3
Сибирский федеральный округ	4361,7 / 25,3	16567,1 / 11,3	7795,2 / 10,7	13054 / 9,2
Дальневосточный федеральный округ	6952,6 / 40,3	7866,3 / 5,4	3965,0 / 5,4	8655 / 6,1

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.03.2025)

В связи с вхождением в состав Российской Федерации новых исторических территорий Правительством страны принимаются меры по доведению социально-экономических показателей ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей до средне-российского статистического уровня. Одновременно с этим, в условиях существующих санкционных ограничений, либо прекращения сотрудничества с недружественными странами появляются возможности для создания новых стимулов и развития международных отношений с дружественными и нейтральными государствами.

Для экономического пространства⁷ России характерны многоуровневый характер и системность, которая «определяется его природой как совокупность пространств ресурсного, информационного, социального, логистического, инновационного и других» [6, с. 37].

Остроту демографической ситуации на экономическом пространстве России можно проследить, используя коэффициенты естественного прироста населения на 1000 человек населения по федеральным округам (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты естественного прироста населения на 1000 человек населения по федеральным округам Российской Федерации (2010–2023 гг.)
(составлено авторами по: [5, с. 77–78])

Показатели	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2023 г.
Российская Федерация	-1,7	0,2	-4,8	-3,5
Центральный федеральный округ	-4,5	-1,7	-5,9	-4,0
Северо-Западный федеральный округ	-3,5	-0,9	-5,5	-4,5
Южный федеральный округ	-2,3	-0,8	-5,3	-4,2
Северо-Кавказский федеральный округ	8,7	8,6	4,6	5,4
Приволжский федеральный округ	-2,6	-0,6	-6,6	-4,9
Уральский федеральный округ	1,1	2,3	-3,3	-1,9
Сибирский федеральный округ	-0,1	0,8	-5,2	-4,2
Дальневосточный федеральный округ	-0,6	2,0	-2,9	-3,0

Анализ представленных в табл. 3 данных подтверждает неоднозначность сложившейся в России демографической ситуации, а именно: отрицательные показатели естественного прироста населения на 1000 человек населения, которые достаточно устойчивы в разрезе федеральных округов Российской Федерации. Исключение составляет Северо-Кавказский федеральный округ, в котором в течение 2010–2023 гг. сохраняются положительные показатели естественного прироста населения на 1000 человек населения. Неблагоприятная динамика рождаемости и смертности проявляется в депопуляции населения.

По результатам исследований учёных, демографические колебания наблюдаются в разные временные периоды в различных странах мира. Характерно, что в ряде случаев

⁷ Экономическое пространство есть «совокупность объединенных общей территорией различных видов экономической деятельности по использованию ресурсов в целях расширенного воспроизводства общественного продукта и капитала, включая и его особую – человеческую – компоненту» [6, с. 37–38].

эти колебания приобретают «волнообразный» характер [7]. Одной из базовых характеристик для сравнительного анализа демографически процессов в территориальном разрезе является ожидаемая продолжительность жизни при рождении. По состоянию на 2023 г. этот показатель в среднем по России достиг уровня 73,41 года (для обеих полов). Однако, сохраняются различия в уровне ожидаемой продолжительности жизни при рождении для мужчин (68,04 года) и женщин (78,74 года) [3, с. 84]. Данный показатель имеет положительную динамику за ряд лет, что иллюстрирует целевую направленность работы по воспроизводству человеческого потенциала. Исходя из достигнутого уровня, правомочные органы предусматривают меры по увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Вместе с тем, следует помнить об ответственности самих членов общества за следование правилам здорового образа жизни и адекватном восприятии ими социальных норм потребления экономических благ и услуг.

Участие государства в управлении развитием экономического пространства

Начиная с 2000-х гг. регулирование экономического пространства России осуществляется с использованием программно-целевой методологии, научные основы которой созданы отечественными учёными [8; 9]. Исключительно важную роль в разработке технологий территориального и отраслевого стратегирования сыграли труды по стратегическому управлению и планированию [10; 11; 12]. Ключевая роль в реализации стратегических концепций принадлежит нормативно-правовой базе⁸, созданной в 2010-х гг.

В научном сообществе дискутируется вопрос о необходимости усиления методологических и организационно-экономических основ стратегического планирования. Так, аргументируется целесообразность «внедрения в систему стратегического планирования среднесрочных (шестилетних) генеральных (индикативных) планов социально-экономического развития страны»; рекомендуется создание «специального уполномоченного органа по стратегическому планированию при Президенте Российской Федерации» [13, с. 159–160]. Востребованность таких новшеств в системе государственного управления обосновывается необходимостью «обеспечения согласованности при подготовке и реализации стратегических программных документов общегосударственных интересов с интересами хозяйственных комплексов и отраслей, а также субъектов Российской Федерации» [13, с. 160]. Данный подход требует придания Закону о стратегическом планировании инструментального характера, превращения его в действенный организационно-правовой инструмент достижения устойчивой динамики социально-экономических показателей развития страны.

Наличие федерального законодательства создало основания для перехода к активному использованию теоретических положений стратегического планирования

⁸ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» //КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/; Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986>; Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 "Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации" // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400057/ (дата обращения: 18.03.2025).

на практике и выстраиванию институциональной базы для эффективного управления пространственным развитием⁹.

Экономическое пространство страны функционирует под воздействием внутренних и внешних вызовов, преодоление которых возложено на институты и инструменты стратегического планирования. В институционально-правовом поле сформированы специализированные институты, как носители функций государственного управления, и обеспечивающие их сочетание с деятельностью по саморегулированию и саморазвитию. «Именно специализированные институты выступают своего рода «передаточным механизмом» от преимуществ пространственной организации к высоким, устойчивым темпам развития как всей национальной экономики в целом, так и каждого из её региональных звеньев» [6, с. 40]. Разнообразие институтов объясняется различиями целей территориального развития.

В одну группу входят институты, реализующие прямые действия государства по практической апробации основных положений региональной политики (например, фонд регионального развития, фонд финансовой поддержки субъектов Российской Федерации, фонд реформирования региональных финансов и др.).

В другую группу входят институты, стимулирующие инновационное развитие территорий (например, наукограды, особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития и т. д.). В Стратегии пространственного развития на 2025–2030 гг. указывается на принятое решение о создании «новых экспериментальных населённых пунктов», которые можно расценивать как инновационные пространственные институты. В них будут реализовываться «новые подходы в сфере демографии, жилищного строительства, экономического, научно-технологического развития и иных сферах»¹⁰.

Роль каждого института как участника экономических отношений весьма ответственна вследствие незавершённости процесса формирования организационной структуры экономического пространства и отсутствия «единого целевого начала, определяющего доминирующую функциональность каждого из институтов пространственного развития» [6, с. 40]. Роль специализированных институтов состоит в поддержании связанности многоуровневого экономического пространства, структура

⁹ Под управлением развитием экономического пространства подразумевается постоянное совершенствование всех его компонентов в направлении формирования благоприятной экономической среды для общества и его членов.

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 N 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 24.03.2025).

которого представляется достаточно сложной¹¹. Так, степенью связанностью экономического пространства предметно характеризуется эффективность взаимодействия элементов социально-экономической системы [14]. В рамках современной концепции пространственного развития глобальная экономическая система – это совокупность взаимосвязанных между собой региональных экономик [15, р. 92].

Вследствие названных особенностей в институциональной структуре экономического пространства России высокую важность приобретает «законодательное закрепление статуса и основных функций (целевых задач) каждого из таких институтов; их территориально-сбалансированное пространственное размещение; чёткая фиксация целей и инструментов их деятельности, а также принципов и форм их взаимодействия с каждым уровнем публичной власти в стране, в том числе, на началах государственно-частного партнёрства» [6, с. 42]. Российский и зарубежный опыт свидетельствует, что эффективность и целенаправленность экономического пространства повышается при использовании инструментария института государственно-частного партнёрства.

Инструментами стратегического планирования являются национальные проекты, государственные программы Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, отраслевые программные и стратегические документы и прочие инструменты. Своевременное исполнение сформулированных в них целей, принципов и задач основывается на финансовых ресурсах государства (федеральных и региональных бюджетных средствах). В составе ряда национальных проектов и государственных программ есть федеральные и региональные проекты, в которых финансирование частично осуществляется за счёт негосударственных (частных) источников. На основе изложенного можно заключить о целесообразности применения единых методологических положений при рассмотрении специализированных пространственных институтов, инструментов стратегического планирования и используемого для реализации целей пространственного развития соответствующего прикладного инструментария, который востребован в процессе принятия решений стратегического характера в масштабах государства и на мезоуровне.

Стратегические ориентиры пространственного развития России на долгосрочную перспективу

Необходимость стратегического управления развитием отраслей и территорий определяется сохраняющимися на экономическом пространстве России в течение всего постсоветского периода проблемами, которые сформировались под воздейст-

¹¹ Институциональная структура экономического пространства России: федеральные округа (8), макрорегионы (12), геостратегические территории (47), крупные и крупнейшие городские агломерации (21); перспективные центры экономического роста: прочие агломерации и административные центры, минерально-сырьевые центры, агропромышленные центры, научно-образовательные центры мирового уровня; федеральные наукограды (14), федеральные особые экономические зоны (56), включая Калининград, Крым, Севастополь; свободные экономические зоны (Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области); территории опережающего развития (92), в том числе Дальний Восток (21); свободный порт Владивосток; особая федеральная территория «Сириус»; ЗАТО (38 муниципалитетов, в пяти из которых сформированы территории опережающего развития) [6, с. 40–41].

вием ряда представленных выше объективных причин. Для сохранения позитивной динамики развития национальной экономики осуществляется целенаправленное следование ориентирам стратегического планирования. Развитие экономического пространства России в 2025–2030 гг. регламентируется действующей нормативной правовой базой и осуществляется институтами и инструментами стратегирования.

В свете изложенного стержневые ориентиры Стратегии пространственного развития на период до 2030 г. направлены не только на преодоление современных вызовов, но и на реализацию открывающихся возможностей для международного сотрудничества. Правительством Российской Федерации совместно с экспертным сообществом рассматриваются весьма перспективные формы торгово-экономического, инвестиционного и финансового партнёрства в условиях формирования интеграционных союзов государств в фрагментирующемся мире.

К ключевым векторам, в рамках которых предполагается развернуть полномасштабное сотрудничество с соседствующими дружественными и нейтральными странами, относятся:

во-первых, совместное строительство и эксплуатация трансграничной транспортной инфраструктуры;

во-вторых, устранение барьеров для увеличения товарооборота, в том числе в рамках инициативы Большого Евразийского партнёрства;

в-третьих, развитие производственной кооперации в приграничных районах;

в-четвёртых, применение системного подхода к проблематике внутреннего и въездного туризма¹².

Формирование ответов на вызовы пространственного развития будет способствовать достижению национальных целей развития России в долгосрочной перспективе.

Детальный анализ представленных вызовов раскрывает актуальные возможности пространственного развития Российской Федерации и подготавливает открытие новых перспективных рыночных и гуманитарных ниш для плодотворного международного сотрудничества. Использование институтов и инструментов стратегического планирования позволит осуществить устойчивую переориентацию российской внешней торговли на новые рынки, что напрямую связано с изменениями в распределении грузоперевозок по межрегиональным и международным транспортным коридорам¹³.

Подготовка и реализация инновационных логистических решений для обеспечения возрастающих товарных потоков является актуальной проблемой не только на Восточном полигоне железных дорог, но и на территориях соседствующих с Россией азиатских стран. Это инициирует при проектировании и строительстве объектов

¹² Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 N 4146-р Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 24.03.2025).

¹³ Международный транспортный коридор – согласованное развитие и унификация технических параметров национальных магистральных путей нескольких стран, образующих международное направление перевозок между крупными центрами производства и потребления, национальных норм регулирования транзитных и внешнеторговых перевозок, логистической деятельности и широкое внедрение на этом направлении мультимодальных технологий в доставке грузов [16, с. 12].

транспортного комплекса выполнение технико-экономических обоснований и расчётов экономической и коммерческой эффективности грузовых перевозок.

Нарушение устоявшихся логистических цепочек осложняется увеличением расстояния перевозок, дефицитом провозных и пропускных мощностей на Евразийском континенте. По этой причине существенно возрастают транспортно-логистические издержки, вскрывающие недостаточные пропускные способности и технические ограничения сложившейся инфраструктуры транспортного комплекса.

Но есть и весьма позитивные тенденции в современной конфигурации международных экономических отношений России с торговыми партнёрами из ближнего и дальнего зарубежья. Необходимость более интенсивного освоения минерально-сырьевых ресурсов Сибири¹⁴ и Дальнего Востока в Азиатской части России позволяет более активно задействовать в среднесрочной перспективе располагаемые факторы производства, необходимые для своевременного исполнения задуманных российских и международных инвестиционных проектов.

Благоприятным следствием многостороннего сотрудничества в инвестиционной сфере станет не только рост качества производимых товаров и услуг, но и повышение их конкурентоспособности в глобальном масштабе. Посредством организации территориальных и отраслевых кластеров открываются новые возможности развития кооперации промышленных центров, производственных и торговых зон для ведения успешной внешнеэкономической деятельности на Евразийском континенте.

Ещё одним позитивным результатом становится ускоренное преобразование видов деятельности в промышленности и других отраслях, обусловленное переосмыслением экономической модели России под влиянием изменившихся геополитических условий. И здесь ключевую роль сыграли именно передовые технологические решения, основанные на отечественных научных достижениях. Федеральная научно-техническая политика трансформируется в направлении содействия диверсификации научных исследований и опытно-конструкторских разработок. Предпринимаются целенаправленные действия по созданию территориальных инновационно-технических центров. Такие меры направлены на укрепление межрегионального и международного сотрудничества и становление отраслей промышленности как локомотивов экономического роста.

Особое внимание предстоит уделить старопромышленным регионам, сохранившим сложившийся в советские годы весомый производственный потенциал. Это относится в первую очередь к отраслям машиностроения и металлургии, которые в разные исторические периоды Российского государства выступали флагманами индустрии и мультипликаторами для развития всех отраслей региональной экономики.

Вследствие роста конкуренции за факторы производства в глобальном масштабе изменились привычные тренды внешней и внутренней миграции. Это привело к сокращению притока трудовых ресурсов в Российскую Федерацию из стран ближнего и дальнего зарубежья, повысило вероятность возникновения дефицита кадров по специальностям, остро востребуемых современным рынком труда.

¹⁴ См. Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2023 N 129-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438649/ (дата обращения: 23.03.2025).

Своевременным представляется принятие нестандартных мер, направленных на создание благоприятных условий для проживания в сельской местности и малых городах. В контексте улучшения финансовой обеспеченности территорий «признание нескольких постоянных мест жительства граждан позволит и более корректно планировать развитие инфраструктуры, и решить вопрос с формированием доходной базы бюджетов на местах», например, при условии распределения «выплат по налогу на доходы физических лиц между бюджетами разных территорий» [4, с. 42]. Данные рекомендации могут стать основой для формирования долгосрочной сбалансированной политики размещения населения по территории страны, включающей и финансовую составляющую.

Разнонаправленное влияние на экономическое развитие оказали изменения климатических условий, происходящие на планете Земля в течение нескольких последних десятилетий. С одной стороны, наметились благоприятные перспективы для повышения эффективности сельскохозяйственного производства, создания возможностей для интенсивного использования морских акваторий. С другой стороны, возросла вероятность возникновения экстремальных погодных ситуаций и техногенных катастроф.

Заключение

В условиях глобальной ноотрансформации усиливается влияние научно-технологического прогресса на динамику изменений, происходящих на экономическом пространстве страны. Это стало одним из факторов формирования новой модели пространственного развития России, ориентированной на создание экономики предложения. Одновременно, определились векторы, инициирующие принятие стратегических решений и выработку тактических мер для ускоренного развития производственного, инфраструктурного и научного потенциалов.

В изменяющихся геополитических условиях существует «необходимость особого акцента на взаимозависимость, взаимодействие территорий (прежде всего, муниципальных образований)», что «подразумевает ... принятие вполне конкретных практических решений» [4, с. 42]. Размещение населения становится актуальным аспектом пространственных исследований в контексте формирования концепции достижения сбалансированного развития городских и сельских поселений на всей территории страны. Ведущая роль в данном вопросе принадлежит определению приоритетности и установлению очерёдности принятых к реализации инфраструктурных проектов. Важно осуществить переход от выстраивания системы перспективных центров экономического роста к выработке механизмов рационального перераспределения бюджетных средств через финансовую систему государства и муниципальных образований.

Стратегическим документам, в которых обосновываются перспективы развития экономического пространства, принадлежит центральное место в системе стратегического планирования. Национальные проекты, федеральные и региональные государственные программы, общегосударственные и отраслевые стратегические документы являются эффективными инструментами стратегического планирования для реализации целей пространственного развития. Своевременное исполнение сформулированных в них задач основывается на финансовых ресурсах государства (федеральных и региональных бюджетных средствах). Достижение оптимального распределения факторов производства для решения настоятельных проблем мезоуровня возможно в условиях применения единых теоретико-методологических положений

стратегического планирования, построения сбалансированной системы специализированных пространственных институтов, использования совокупности инструментов стратегического планирования и государственного регулирования.

Исходя из концептуальных основ, содержащихся в новейших стратегических документах – Национальных проектах на 2025–2030 гг., –формируется комплекс мероприятий и многовекторность реализуемой федеральной пространственной политики. Данный контекст предполагает сбалансированное распределение приоритетов в рамках комплексного развития геостратегических территорий и каждого из макрорегионов страны. Их участие во внешнеэкономической деятельности существенно возрастает в связи с разворотом транспортных потоков промышленных и сельскохозяйственных товаров в южном и восточном направлениях. Это обусловлено укреплением экономического сотрудничества с целым рядом стран на Евразийском континенте, прежде всего КНР и Индией. Стратегия пространственного развития на период до 2030 г. по праву считается основным инструментом развития экономического пространства Российского государства. Деятельность по её реализации возможна только на основе знаний, воплощаемых в технологиях и рассматриваемых как приоритет НИО.2 – общественно-го устройства следующего поколения.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Общая теория ноономики / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2019. – 504 с.
2. Бодрунов, С. Д. Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать / С. Д. Бодрунов, С. Ю. Глазьев. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2023. – 340 с.
4. Кузнецова, О. В.. К новой стратегии пространственного развития России / О. В. Кузнецова, А. Г. Дружинин // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 4. – С. 36–45. DOI: 10.47711/0868-6351-205-36-45.
6. Иванов, О. Б. Экономическое пространство как потенциал устойчивого развития / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП: Экономическая Теория. Анализ. Практика. – 2024. – № 1. – С. 34–52. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-34-52.
7. Рыбаковский, Л. Л. Особенности демографического развития России: прошлое, настоящее, будущее / Л. Л. Рыбаковский, В. И. Савинков, Н. И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 2 (43). – С. 8–18. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-8-18; EDN: CQGAUG.
8. Райзберг, Б. А. Программно-целевое планирование и управление: учебник для вузов / Б. А. Райзберг, А. Г. Лобко. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 428 с.
9. Екатериновская, М. А. Управление развитием: программно-целевой подход / М. А. Екатериновская. – М.: Прометей, 2020. – 284 с.
10. Кузык, Б. Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование / Б. Н. Кузык, В. И. Кушлин, Ю. В. Яковец. – 3-е изд., доп. – М.: Экономика, 2009. – 591 с.
11. Квинт, В. Л. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика / В. Л. Квинт, С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. – 351 с.
12. Квинт, В. Л. Концепция стратегирования: [монография] / В. Л. Квинт. – 2-е изд. – Кемерово: КемГУ, 2022. – 168 с.

14. Halsey M. *Deleuze and Environmental Damage*. Aldershot: Ashgate, 2006. 296 p.
15. Ohmae K. *The end of the nation state: The rise of regional economies*. London.: Harper Collins, 1995. 214 p.
16. *Вардомский, Л. Б.* Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов / Л. Б. Вардомский, М. О. Тураева. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 64 с.

References

1. Bodrunov S. D. (2019) *Obshchaya teoriya noonomiki. Uchebnik* [General Theory of Noonomy: A Textbook]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 504 p.
2. Bodrunov S. D., Glazyev S. Y. (2023) *Zakonomernosti formirovaniya osnov noonomiki kak gryadushchego obshchestvennogo ustroystva: znat' i deystvovat'* [Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate]. St. Petersburg: S. Y. Witte INID Publ.; Moscow: Centercatalog Publ. 340 p.
4. Kuznecova O. V., Druzhinin A. G. (2024) *K novoj strategii prostranstvennogo razvitija Rossii* [Towards a New Strategy for Spatial Development of Russia] // *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Problems]. № 4. Pp. 36–45. DOI: 10.47711/0868-6351-205-36-45
6. Ivanov O. B., Buhval'd E. M. (2024) *Jekonomicheskoe prostranstvo kak potencial ustojchivogo razvitija* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2024: Stat. collection] // *JeTAP: Jekonomicheskaja Teorija. Analiz. Praktika* [STAGE: Economic Theory. Analysis. Practice]. № 1. Pp. 34–52. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-34-52.
7. Rybakovskij L. L., Savinkov V. I., Kozhevnikova N. I. (2021) *Osobennosti demograficheskogo razvitija Rossii: proshloe, nastojashhee, budushhee* [Features of the demographic development of Russia: past, present, future] // *Social'no-trudovye issledovanija* [Social and labor research]. № 2(43). Pp. 8–18. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-8-18.
8. Rajzberg B. A. Lobko A. G. (2002) *Programmno-celevoe planirovanie i upravlenie* [Program-targeted planning and management: a textbook for universities]: *uchebnik dlja vuzov*. M.: INFRA-M, 2002. 428 p.
9. Ekaterinovskaja M. A. (2020) *Upravlenie razvitiem: programmno-celevoj podhod* [Development Management: Program-Target Approach]. M.: Izd-vo «Prometej». 284 p.
10. Kuzyk B. N., Kushlin V. I., Jakovec Ju. V. (2009) *Prognozirovanie, strategicheskoe planirovanie i nacional'noe programmirovaniye* [Forecasting, Strategic Planning and National Programming]. 3-e izd., dop. Moskva: ZAO Izd-vo «Jekonomika». 591 p.
11. Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021) *Strategirovaniye transformatsii obshchestva: znaniye, tekhnologii, noonomika* [Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy]. St. Petersburg: S. Y. Witte INID Publ. 351 p.
12. Kvint V. L. (2022) *Kontseptsiya strategirovaniya: monografiya* [The Concept of Strategizing: A Monograph]. 2nd edition. Kemerovo: Kemerovo State University Publ. 170 p.
14. Halsey M. (2006) *Deleuze and Environmental Damage* /M. Halsey. Aldershot: Ashgate. 296 p.
15. Ohmae K. (1995) *The end of the nation state: The rise of regional economies*. London: Harper Collins. 214 p.
16. *Vardomskij L. B. Turaeva M. O.* (2018) *Razvitie transportnyh koridorov postsovet-skogo prostranstva v usloviyah sovremennyh geopoliticheskikh i jekonomicheskikh vyzovov* [Devel-

opment of transport corridors of the post-Soviet space in the context of modern geopolitical and economic challenges]. Institut jekonomiki RAN. Moskva: Institut jekonomiki RAN. 64 s.

I. N. Molchanov¹⁵, N. P. Molchanova¹⁶. Regional Integration Processes in the Context of Global Nootransformation. Considers topical issues of interregional integration of the territories of the Russian Federation in the modern conditions of global nootransformation. Trends in the development of the national economy in the post-Soviet period (1990s – present) based on changes in several socio-demographic indicators and GDP (GRP) in the country (federal districts) are presented. Positive trends in the dynamics of the main socio-economic indicators and unfavorable trends in the demographic sphere are identified. The key vectors and features of the updated Strategy for Spatial Development for 2025–2030 are disclosed. Based on the analysis of scientific works and the legislative framework for strategic planning, as well as federal and regional strategic documents implemented in practice, the positions of scientists and experts on the need to intensify activities to strategize the development of economic space are summarized. Conclusions on the need to develop transport infrastructure in the context of deepening interregional and international economic ties as a basis for expanding interaction between economic entities of different taxonomic levels have been made. The implementation of strategic documents in the context of global nootransformation is possible only on the basis of knowledge embodied in technologies and considered as a priority of NIO.2 – the next generation of social structure.

Keywords: macro-regions, interregional relations, meso-level problems, transport infrastructure, long-term period, strategy and tactics, international cooperation.

¹⁵ *Igor N. Molchanov*, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory, Moscow, 1/46, 119991, Russia); Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation (Leningradskiy av. 49, Moscow, 125993, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: 9392940@gmail.com.

¹⁶ *Natalia P. Molchanova*, Professor, Department of Global Studies, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory, 1/13A, Building B, Moscow, 119991, Russia), Doctor of Economics, Associate Professor, e-mail: 2520641a@gmail.com.

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-111-123

*А. Н. Литвиненко*¹

ПОСТСАНКЦИОННЫЕ УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье рассмотрено текущее состояние российской экономики, характеризующееся относительной макроэкономической стабильностью и позитивными краткосрочными показателями. Результаты анализа позволили выделить на начало 2025 г. ряд противоречий, обусловленных санкционным режимом и нашими ответными мерами. Опираясь на выявленные противоречия, охарактеризованы ключевые угрозы для экономического обеспечения национальной безопасности России в постсанкционных условиях: технологическое отставание, сокращение инвестиций и экспортных доходов, фискальные дисбалансы и кадровые ограничения. Автор обобщены меры, принятые в 2024 г. законодательной и исполнительной властью страны для поддержания экономической устойчивости. Особое внимание уделяется методологическим подходам по преодолению санкционных угроз: сценарному ситуационному реагированию, использованию инструментов «военной экономики» и запуску новых национальных проектов. Анализ практических шагов, предпринятых российскими властями в 2024 г., демонстрирует приверженность стратегии, учитывающей влияние нескольких факторов и обеспечивающей баланс между защитными и наступательными экономическими действиями. Исследование базируется на данных официальной статистики Росстата и Банка России, аналитических прогнозов Центра макроэкономического анализа и прогнозирования.

Ключевые слова: постсанкционные угрозы, экономическое обеспечение, национальная безопасность, направления противодействия.

УДК 339.9

Введение

В условиях беспрецедентного санкционного давления, возникшего после 2014 г., вопрос экономического обеспечения национальной безопасности России приобрёл особую актуальность. Санкции рассматриваются как инструмент внешнего принуждения, способный нанести серьёзный ущерб экономике страны, что прямо влияет на её безопасность. Ещё одним всплеском применения вторичных санкций ознаменовался 2024 г. Особенностью этих антироссийских мер стало их применение против экономических партнёров России за рубежом [1].

Ограничительные меры по дестабилизации экономики вынуждают руководство страны корректировать экономический курс к новым условиям, а противодействие

¹ *Литвиненко Александр Николаевич*, профессор кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, РФ, ул. Летчика Пилютова, д. 1), д-р экон. наук, e-mail: lanfk@mail.ru.

санкциям требует мобилизации внутренних ресурсов. В постсанкционный период (после введения следующих пакетов санкций) сформировались новые угрозы экономической безопасности РФ, а также обострились уже имеющиеся структурные проблемы развития.

Анализ литературы

Проблема санкционного давления и экономической безопасности широко освещается в современной литературе. Исследования сосредоточены на анализе угроз и механизмах воздействия на экономику страны. Санкции позиционируются как угроза национальной экономической безопасности, способная затормозить экономический рост и обострить внутренний дисбаланс между спросом и предложением. Так, в результате анализа макроэкономических показателей РФ за 2013–2023 гг. и последствий санкций [2], установлено, что введение ограничений в 2014 г. и 2022 г. сопровождалось всплеском инфляции и снижением внешнеторговых оборотов. При этом отмечается, что в эти годы реальный ВВП РФ не ушёл в отрицательную зону, номинальный ВВП даже вырос из-за ценовых факторов.

Авторы ещё одного обобщения о современном состоянии российской экономики в условиях ограничений [3] и пришли к выводу, что санкционное воздействие с 2014 по 2022 гг. привело к сокращению объёма ВВП, увеличению сокращения импорта и общего объёма внешней торговли. Ими же были рассмотрены перспективы развития в рамках продолжения санкций и предложенного сценария адаптации экономики.

Дискуссия о последствиях санкций для России продолжается. Многие эксперты указывают на способность экономики адаптироваться и даже укрепляться за счёт импортозамещения и переориентации на новые рынки сбыта (например, страны Азии). Другие подчёркивают наличие долгосрочных рисков для технологического развития и инвестиционной привлекательности страны. Например, обосновывается утверждение, что к весне 2024 г. сложилась парадоксальная ситуация, когда российская экономика экономически устойчива вопреки санкциям и одновременно благодаря им, поскольку внешняя изоляция уберегла её от некоторых шоков. Однако эта устойчивость сохраняет временный характер, так как определяется противоречием между наращиванием военных расходов страны и поддержанием макроэкономической стабильности [4].

Теоретической основой исследования послужила концепция экономической безопасности, закреплённая в Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 г. [5]. Поэтому в числе основных внешних угроз названы санкционное давление, технологическая ситуация и волатильность мировых рынков, а среди внутренних угроз – сырьевая направленность экономики, отток капитала, снижение инвестиционной активности и др.

Настоящая работа использует идеи предыдущих исследований, объединяя их выводы с постсанкционными реалиями 2022–2024 гг. и базируется на теоретических обоснованиях и практических мерах противодействия выявленным угрозам.

Методика исследования

Настоящее исследование основано на совокупности количественного и качественного анализа. В качестве информационной базы использованы официальные статистические данные (динамика ВВП, уровень безработицы, внешняя торговля и др.), в том числе данные Росстата и прогнозные оценки Минэкономразвития и Банка

России. При изучении мер государственной политики были проанализированы законодательные акты и решения правительства РФ за 2022–2024 гг., направленные на поддержание стабильности экономики (моратории, льготные режимы, проекты экономического развития и т. д.). Их эффективность оценивается с позиций обеспечения экономической безопасности страны.

Для анализа последствий от санкций был применён сравнительно-исторический подход для сопоставления двух санкционных периодов – после 2014 г. и после 2022 г., что подтвердило возникновение ряда противоположных эффектов (спад импорта – ускорение темпов роста) и новых явлений (перестройка торговых связей, рост военных расходов).

В ходе формулирования ключевых противоречий и угроз экономической безопасности проведён анализ официальных документов² и экспертных публикаций 2022–2024 гг. Особое внимание уделено работам, оценивающим влияние постсанкционных угроз на экономическое обеспечение национальной безопасности России.

При обосновании противодействия использовались результаты сценарного анализа. В частности, учтены различные сценарии развития экономики под санкциями – от базового инерционного до ускоренной адаптации. Такой подход позволяет соотнести предполагаемое изменение ситуации с вероятными последствиями (включая продолжительность санкционного давления и внешней конъюнктуры).

Основные результаты и их обсуждение

Рассмотрим динамику макроэкономических показателей России в условиях санкционного давления. ВВП и деловая активность. После резкого спада в пандемийном 2020 г. (-2,6 %) экономика России восстановилась в 2021 г. (+5,6 % реальный рост ВВП)³. Однако новая волна геополитической кризиса и санкций в 2022 г. негативно сказалась на деловой активности – по оценкам Всемирного банка, ВВП РФ сократился на 2 %⁴. Тем не менее уже в 2023 г. наблюдался подъём, и экономика страны показала рост порядка 2,5–3,5 %. А в 2024 г. экономический рост в России составил 4,1 %. Официальные российские данные подтверждают данные прогнозы и оценки⁵. Это свидетельствует об устойчивости экономики к новым вызовам.

Инфляция. Санкционные потрясения существенно повлияли на ценовую динамику. В 2014–2015 гг. после первых ограничений инфляция ускорила с 6,5 % до 12–13 %. Похожая картина наблюдалась и в 2022 г., когда индекс годовых потребительских цен подскочил на 13 % на фоне обвала курса рубля и ажиотажного спроса. В 2023 г. инфляционное давление несколько ослабло. По оценке Росстата, в 2023 г. инфляция выросла на 7,4 %, что ниже, чем годом ранее. Это связано с жёсткой денежно-кредитной политикой Банка России. Ключевая ставка в 2022–2023 гг. повышалась до 20 %, затем удерживалась двузначной для сдерживания цен, уменьшения

² Итоги работы Банка России за 2024 год: кратко о главном и Годового отчета Банка России за 2024 год М.: Центробанк РФ, 2025. https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2024/zenovaya-i-finansovaya-stabil-nost/ (дата обращения: 26.04.2025).

³ Итоги работы Банка России за 2021 год: кратко о главном и Годового отчета Банка России за 2021 год М.: Центробанк РФ, 2025. https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40915/ar_2021.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

⁴ Russia GDP Growth Rate 1990-2025 <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/rus/russia/gdp-growth-rate#:~:text=,decline%20from%202019>

⁵ Федеральная служба государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/>

потребительских расходов населения и увеличения сбережений в условиях неопределённости. Тем не менее, инфляция оставалась выше целевого ориентира в 4 %, а во втором полугодии 2023 г. внезапно наметилось её ускорение из-за ослабления рубля. 2024 г. закончился с показателем инфляции в 9,52 %, а через два месяца 2025 г. она составила 10,06 %.⁶

Рынок труда. Несмотря на спад ВВП в 2022 г., уровень безработицы в России, напротив, снизился до исторических минимальных показателей. Если в начале 2022 г. безработица по методологии МОТ составляла около 4,3 %, к началу 2024 г. она опустилась ниже 3 %. По данным на июнь 2024 г., уровень безработицы достиг лишь 2,4 % – минимальный показатель за весь постсоветский период. Такой феномен, как сокращение предложения труда, обусловлены демографическим фактором, частичной мобилизацией и оттоком трудоспособного населения за рубеж⁷. В результате на рынке наблюдается нехватка кадров в ряде отраслей, что сопровождается ростом заработной платы и усилением инфляционных рисков.

Бюджет и внешний баланс. Высокие цены на энергоносители в 2021 – начале 2022 гг. обеспечили приток экспортной выручки и профицит счёта текущих операций. Однако федеральный бюджет исполнен с дефицитом в 3,29 трлн рублей (2,1 % ВВП)⁸. В 2023 г. ситуация не изменилась, из-за эмбарго и ценовых ограничений на нефть российские нефтегазовые доходы сократились, а федеральный бюджет был исполнен с дефицитом более 3,2 трлн рублей (1,9 % ВВП)⁹. Расходы на оборону и безопасность возросли до 8 % ВВП, что создало дополнительную нагрузку на бюджетную систему. Тем не менее внешний баланс в 2022–2023 гг. сохранился. Профицит торгового баланса сохранялся благодаря устойчивому экспорту энергоносителей и расширению импорта под санкциями. Золотовалютные резервы, несмотря на заморозку их части, остаются на значительном уровне (около 580 млрд долларов на начало 2023 г.)¹⁰, что служит буфером для финансовой стабильности. Власти прибегают к мерам контроля капитала, ограничения вывоза валюты нерезидентами, что также поддерживает макроэкономическую устойчивость. По итогам 2024 г. федеральный бюджет исполнен в соответствии с целевыми параметрами и первичный структурный дефицит составил менее 3,1 трлн рублей¹¹.

⁶ Инфляция и ключевая ставка Банка России https://cbr.ru/hd_base/inf/

⁷ Рынок труда в России 2024-2025: анализ ситуации, прогнозы и ожидания <https://s-pro.group/tpost/neyxzrf9a1-rinok-truda-v-rossii-2024-2025-analiz-si>.

⁸ Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2022 год: Министерство финансов Российской Федерации, 2025. https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=307469-ispolnenie_federalnogo_byudzheta_i_byudzhetov_byudzhetnoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii_za_2023_god (дата обращения: 02.05.2025).

⁹ Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2023 год.: Министерство финансов Российской Федерации, 2025. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/08/main/Illustrirovannoe_izdanie_za_2022_god.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

¹⁰ Международные резервы Российской Федерации.: Центральный Банк РФ. https://cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/ (дата обращения: 02.05.2025).

¹¹ Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за 2024 год https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39570-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_za_2024_god.

Внешняя торговля и переориентация рынков. Санкции перекроили географическую и товарную структуру внешней торговли России. Объёмы экспорта и импорта в стоимостном состоянии резко сократились после 2014 г., достигнув минимума к 2016 г. В 2017–2018 гг. произошёл отскок на относительно фоне роста цен и стабилизации бизнеса. Новая волна санкций 2022 г. вновь обрушила импорт (-22 % за год), тогда как экспорт РФ – вопреки ожиданиям – вырос по сравнению с 2021 г. за счёт благоприятной ценовой конъюнктуры на нефть и газ в первой половине 2022 г.¹² Однако уже в 2023 г. тенденция изменилась и нефтегазовые доходы сократились. Импорт же вырос благодаря налаживанию параллельного импорта¹³.

При этом сместилась география торговли, доля Евросоюза в экспорте России упала на 45 %¹⁴ в 2021 г., практически на 25 % в 2024 г., тогда как доля Китая превысила 20 %, что стало рекордной за всю историю. Структура импорта также изменилась – если раньше поставщиками высокотехнологичной продукции были ЕС и США, то теперь на первый план вышли Китай, Турция, государства Юго-Восточной Азии. Такая переориентация смягчила шок от разрыва связей с Западом, но обусловила рост издержек (удлинение логистики, оплата услуг посредников).

Таким образом, макроэкономическая ситуация России в условиях ограничений характеризуется противоречивыми сочетаниями: умеренный спад, за которым идёт рост экономической активности; краткосрочная стабилизация цен при сохранении инфляционного навеса; низкая безработица на фоне скрытого дефицита кадров¹⁵; высокие экспортные результаты при сужающемся наборе торговых партнёров. Эта картина отражает адаптацию экономики к шоку и одновременному накоплению скрытых дисбалансов, проявляющихся в виде противоречий развития.

Противоречия в развитии экономики РФ к началу 2025 г.

Анализ текущего положения российской экономики на начало 2025 г. выявил ряд структурных противоречий, во многом обусловленных санкционным режимом и нашими ответными мерами.

Устойчивость против уязвимости. Экономика России продемонстрировала относительную холодность к начальному санкционному удару – шоку 2022 г., так как он не вызвал обвала, сравнимого с кризисом 1990-х годов. Макроэкономическая политика (плавающий курс, оперативное повышение ставок, контроль оттока капитала) и накопленные резервы сыграли стабилизирующую роль. Одновременно эта «вязкая стабильность» таила в себе уязвимость, так как адаптация не имела глубокий характер, а при этом структурные ограничения (технологическое отставание, узость им-

¹² ФТС России: данные об экспорте-импорте России за январь 2022 года.: Федеральная таможенная служба, 2025. <https://customs.gov.ru/press/federal/document/329649> (дата обращения: 02.05.2025).

¹³ Федеральная таможенная служба. <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg> (дата обращения: 02.05.2025).

¹⁴ ФТС России: данные об экспорте-импорте России за январь-декабрь 2021 года.: Федеральная таможенная служба, 2025. <https://customs.gov.ru/press/federal/document/325325> (дата обращения: 02.05.2025).

¹⁵ Безработица в России упала до рекордно низкого постсоветского минимума // Еженедельный обзор BOFIT 31/2024, 2 августа 2024 г. – URL: bofit.fi.

порта) усиливались. Другими словами, текущая стабильность во многом является временной и ограничивает долгосрочные возможности роста.

Военные расходы против развития. Нарастивание расходов на оборону и безопасность поддерживают и расширяют промышленное производство, обеспечивают рост ВВП. Одновременно военные заказы, обеспечивая загрузку предприятий ВПК и сопряжённых отраслей, изменили ситуацию на рынке труда в отдельных регионах. Произошло перераспределение ресурсов из гражданского сектора в военный, увеличив риски «вытягивания» мирных инвестиций и сохранения значительного бюджетного дефицита. Дилемма «пушки или масло» обострилась. Дальнейшее продолжение конфликта может привести к созданию угрозы макроэкономической стабильности.

Импортозамещение и технологический разрыв. Санкции стимулировали импортозамещение в ряде отраслей, а также переход на альтернативных поставщиков. В высокотехнологичных секторах (авиа- и автомобилестроение, микроэлектроника, фармацевтика) импортозамещение затруднено, сохраняется дефицит современных технологий и комплектующих. Для оборонных нужд правительство вынуждено нелегально закупать комплектующие через третьи страны. Технологическая изоляция, с одной стороны, приводит к росту цен на конечную продукцию, а с другой, стимулирует к дальнейшему развитию процессов импортозамещения.

Финансовая независимость и ограниченный доступ к капиталу. С одной стороны, финансовая система России адаптировалась к санкциям: проведена дедолларизация, снижен внешний долг и уменьшена зависимость от внешних рынков. Российские банки и компании научились работать без доступа к SWIFT и западным кредитам, опираясь на внутренний ресурс. С другой стороны, это привело к дефициту заёмного финансирования, так как западный капитал ушёл, а восточные партнёры не успели его полностью заменить. Стоимость заёмных ресурсов внутри страны остаётся высокой, возможности рефинансирования ограничены, что ограничивает инвестиционную активность. Таким образом, финансовый суверенитет достигается ценой усиления инвестиционного голода.

Переориентация торговли против сужения рынков. Отказ от традиционных рынков ЕС и США компенсирует рост торговли с Востоком. Так, Китай стал главным торговым партнёром РФ, турецкий импорт вырос рекордными темпами. Однако новые связи не равнозначны утраченной кооперации. Ведь экспорт в дружественные страны является ресурсным (нефть со скидками, уголь, зерно), тогда как высокомаржинальные продукты и услуги по-прежнему сложно продать вне внутреннего рынка. В результате Россия рискует оказаться в положении экономики, теряющей долю в дополнительных цепочках добавленной стоимости.

Перечисленные противоречия показывают, что экономическая система находится в сложных условиях. Необходимо постоянно поддерживать стабильность и устранять долгосрочные диспропорции, вызванные санкциями, а также проблемами прежней модели экономического роста. Названные противоречия – в силу их неразрешенности – породили ряд угроз для экономического обеспечения национальной безопасности России.

Постсанкционные угрозы экономической безопасности России

Технологическое отставание и зависимость от импорта приводят к риску технологической деградации экономики. Зависимость от импорта сохраняется, но теперь

сдвинута в сторону менее надёжных факторов (параллельный импорт). Эта угроза подрывает долгосрочный промышленный и научно-технический потенциал России.

Сырьевая уязвимость и снижение экспортных доходов. Российская экономика сохраняет зависимость от торговли ресурсами. Санкции бьют именно по этому сектору: эмбарго на нефть, верхний предел цен, отказ от газа в Европе – всё это снижает экспортные доходы. Падение внешних доходов приводит к сокращению бюджета, снижению курса рубля и сокращению ресурсов на развитие, что представляет собой угрозу устойчивости национальной экономике.

Отток капитала из страны и инвестиционный спад вызваны санкционным давлением и ограничениями доступа к мировому рынку капитала. Хотя прямой отток капитала контролируется, инвестиционная активность бизнеса внутри страны остаётся недостаточной, что не создаёт условия для активного экономического роста.

Фискальные риски и разбалансировка бюджета. Выпадающие доходы от экспорта при одновременном росте оборонных и социальных расходов привели к напряжению бюджета. Возникла угроза устойчивости финансовой системы. Тенденция истощения резервных фондов может снизить возможности государства реагировать на новые вызовы, которые могут нанести удар по экономической безопасности страны.

Рост инфляции и снижение доходов, вызванные сокращением импортных поставок, ослаблением рубля и увеличением издержек бизнеса. При этом высокая инфляция является проблемой, поскольку подрывает покупательную способность населения и доверие к национальной валюте.

Дефицит рабочей силы и потеря человеческого капитала, имеющие длительные негативные последствия для инноваций и производительности. Отток квалифицированных кадров за рубеж, а также мобилизация привели к сокращению трудовых ресурсов. Нехватка рабочей силы стала проблемой для ряда отраслей. Развитие человеческого капитала ограничивается сужением международного обмена, затруднениями в академических связях, привлечением иностранных студентов и специалистов.

Изоляция финансовой системы и снижение её эффективности. Отключение ведущих банков РФ от SWIFT, санкции против банков, заморозка резервов – всё это не обрушило финансовую систему, но снизило её эффективность. Российские банки теперь ограничены в доступности капитала. Дедолларизация и переход на расчёты в национальные валюты снижают транзакционные риски, но ограничивают возможности хеджирования и инвестирования. Блокада финансовых операций является угрозой и при введении вторичных санкций против партнёров, так как препятствует налаженным обходным схемам. Вместе с тем, изоляция финансовой системы России, обусловленная санкциями, стимулирует создание международных платёжных систем, альтернативных SWIFT, которые, отражая общие тенденции деглобализации, будут способствовать укреплению экономических отношений со странами БРИКС, Ираном и др. [6]

Усиление монополизации и снижение конкурентоспособности экономики. В ответ на внешнее давление государство усилило свою роль в экономике посредством расширения прямого госрегулирования, в том числе через увеличение доли госкорпораций. Это обеспечило экономическую устойчивость, но создало риск неэффективности. Импортозамещение может привести к производству дорогих товаров, неконкурентных на мировом рынке. Как результат – уменьшение доли России в мировой экономике, что бьёт по долгосрочным интересам национальной безопасности.

Приведённый перечень отражает наиболее значимые угрозы, сформировавшиеся под влиянием санкционного режима. Они взаимодействуют и усиливают друг друга. Для их нейтрализации необходим комплексный подход, сочетающий в себе как адаптивные меры текущего реагирования, так и стратегические инициативы развития.

Подходы к преодолению санкционных угроз

Столкнувшись с перечисленными угрозами, российское руководство выработало ответные стратегии и подходы. Выделим три основных методологических подхода к преодолению санкционных угроз.

Первый – сценарное ситуационное реагирование, предполагающее гибкое управление экономикой в зависимости от развития внешнеэкономической ситуации по различным сценариям. Речь идёт о поддержке действий в режиме кризисного менеджмента с адаптацией мер в соответствии с текущими условиями. В 2022–2023 гг. власти задействовали инструменты ситуационного реагирования: ужесточение денежно-кредитной политики, введение валютных ограничений, налоговые льготы наиболее пострадавшим отраслям и т. п. В рамках сценарного планирования Минэкономразвития РФ разработало базовые и стрессовые сценарии на среднесрочную перспективу с учётом различных вариантов санкций и цен на нефть. Например, одним из прогнозных событий был спад ВВП в 2025 г. до 1–2 % и возвращение к росту в 2026 г. до 1,5 %–2,5 % [11].¹⁶ При этом рисками для прогноза остаются: ужесточение санкций и внешнеэкономического давления; замедление глобального экономического роста; валютные колебания и нестабильность на сырьевых рынках; рост инфляционного давления и снижение реальных доходов населения.

Сценарный подход позволяет проработать набор готовых мер под каждый вариант развития событий. Если санкционное давление усиливается (новые ограничения, падение цен на сырьевые товары) – применить пакет антикризисных мер «А» (валютный контроль, бюджетная экономика). Если же внешняя конъюнктура улучшится – реализуется пакет «Б» (смягчение политики для стимуляции роста, накопление резервов). Таким образом ищется баланс между устойчивостью и гибкостью. Ситуационное реагирование уже доказало свою эффективность в начале 2022 г., когда оперативные шаги ЦБ и правительства стабилизировали рынок. Однако режим «ручного управления» сопряжён с рисками оперативных ошибок, поэтому сценарный метод должен дополняться другими мерами развития.

Второй – инструменты «военной экономики», направленные на мобилизацию ресурсов и перестройку экономики с учётом приоритетов военного времени для противостояния внешним угрозам [7]. В России с 2022 г. были реализованы элементы военной экономики: введён режим специального управления на предприятиях ОПК, увеличен гособоронзаказ, установлен контроль над ценами на ряд товаров. Военно-экономический подход включает и ужесточение трудовой дисциплины (уголовная ответственность за невыполнение гособоронзаказа), и импортозамещение основных товаров (развитие производства отечественных программных средств, электроники для ВПК), и создание резервных фондов на случай затяжного конфликта (создание государственного фонда промышленности, резервов стратегических материалов).

¹⁶ Меры Правительства по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций. http://government.ru/sanctions_measures/category/regulation/ (дата обращения: 26.04.2025).

Достоинство данного подхода состоит в обеспечении устойчивости экономики путём поддержки работы жизненно важных секторов, снижения зависимости от импорта вооружений, обеспечения занятости. Более того, милитаризация экономики частично компенсирует эффект санкций поддержкой промышленного выпуска. Однако данный подход несёт в себе угрозу формирования диспропорций в развитии национальной экономики, давление на бюджет, инфляцию и технологическое отставание гражданского сектора. В послании 2024 г. В. В. Путин отметил недопустимость повторения ситуации в СССР, где гонка вооружений подорвала экономику страны¹⁷. Таким образом, инструменты военной экономики остаются важными, но не ключевыми в плане противодействия санкционным угрозам.

Выделим ключевые меры, реализованные российскими властями до 2024 г. для повышения экономической устойчивости страны: продление моратория на плановые проверки предприятий до конца 2030 г. (первоначально введён в 2022 г.) с целью снижения административной нагрузки на бизнес в условиях ограничений¹⁸; легализация параллельного импорта [8], что позволяет смягчить дефицит импортных продуктов и сдержать цены; льготное кредитование и налоговые льготы – продолжение программ субсидирования кредитов для производителей приоритетной промышленной продукции, нулевые ввозные пошлины на сырьё и материалы для отдельных отраслей (ИТ, фармацевтика, экономичное хозяйство, машиностроение и т. д.). Эти меры снижают расходы бизнеса и стимулируют импортозамещение. Льготы работодателям, нанимающим молодёжь и безработных граждан, позволяют предотвратить рост безработицы среди молодёжи и поддержать технологические стартапы в условиях спада экономики [9]; налоговые преференции, включающие обнуление с 2023 г. ставки НДС для организаций, гостиниц и туристических объектов (льгота сохранена до 2027 г.), продление налоговых каникул для ИТ-компаний и льготного режима для отдельных компаний [10], – стимулировать внутренний туризм.

Таким образом, власти используют комплексный набор мер – от регуляторных послаблений до финансовых стимулов (субсидии, льготные кредиты) и адресной поддержки отдельных групп (молодёжь, ИТ-сектор) [11]. Многие из этих шагов были начаты ещё в 2022–2023 гг., но именно в 2024 г. они получили дальнейшее институциональное оформление [12]. Например, мораторий на проверки впервые введён весной 2022 г. как антикризисная мера, в конце 2023 г. его продление до 2024 г. было утверждено постановлением правительства, обеспечивающего бизнесу комфортные условия¹⁹.

Законодательно в 2024 г. были приняты и другие важные решения, влияющие на экономическую безопасность. В их числе – внесение изменений в федеральный

¹⁷ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию от 29 февраля 2024. // Российская газета, 01.03.2024 – №46. <https://base.garant.ru/408625335/> (дата обращения: 02.05.2025).

¹⁸ Постановление Правительства РФ № 372 от 10.03.2023 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу отдельного положения акта Правительства Российской Федерации" <http://government.ru/docs/48015/>.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 10.03.2023 № 372 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу отдельного положения акта Правительства Российской Федерации». – Официальный интернет-портал правовой информации (publication.pravo.gov.ru).

бюджет с целью увеличения финансирования приоритетных проектов. Кроме того, был ратифицирован ряд торговых соглашений с дружественными странами, изменяющих расчёты в национальных валютах и создающих зону свободной торговли, что ограничивает зависимость от недружественных государств [13].

Отметим, что меры 2024 г. носили как реактивный характер, продлевая или усиливая уже зарекомендовавшие себя инструменты смягчения санкционного воздействия (моратории, параллельный импорт, контроль за инфляцией), так и проактивные, закладывающие основы будущего роста (нацпроекты, стимулирование новых производств, привлечение инвестиций).

Третий подход – новые проекты как инструменты стратегии развития – ориентирован на долгосрочное преодоление санкционных ограничений посредством запуска крупных комплексных программ развития. Предыдущий цикл нацпроектов (12 проектов на 2019–2024 гг.) был частично дезориентирован санкциями и пандемией. В 2023–2024 гг. руководство страны объявило о разработке обновлённых национальных проектов [14]. В Послании Федеральному собранию В. В. Путин сообщил о запуске пяти приоритетных национальных проектов [15]. Эти направления ориентированы на решение социальных проблем (демография, здоровье, занятость) и технологическое развитие (цифровая экономика, подготовка кадров). Затем диапазон расширился: к середине 2024 г. сформировался список из 19 нацпроектов на период до 2030 г., сгруппированных по четырём блокам: технологический суверенитет, инфраструктура, социальная поддержка, экономическое развитие. Это национальные проекты нового поколения, представляющие собой комплексные федеральные программы и инициативы. Их цель – одновременно стимулировать экономический рост, модернизировать экономику и повысить качество жизни населения, тем самым поддерживать устойчивость страны. Успех реализации проектов будет определяться характером использования национальных ресурсов, эффективностью управления и способности интегрироваться в новые внешнеэкономические условия.

В противодействии санкционным угрозам проектный подход направлен на улучшение технологической ситуации и сокращение дефицита квалифицированной рабочей силы (нацпроекты «технологический суверенитет» и «кадры»), на стимулирование инвестиций (проекты в сфере инфраструктуры) и на развитие человеческого капитала (проекты в демографии, здравоохранении, образовании).

Каждый из описанных подходов играет свою роль в развитии экономики страны. Ситуационное реагирование необходимо для тушения «пожаров» и недопущения острых кризисов здесь и сейчас. Военно-экономические меры обеспечивают выживание и сохранение ключевого потенциала в условиях конфронтации. Национальные проекты дают ориентир на будущее, строят контуры посткризисного развития. Оптимальная стратегия в сочетании с этими подходами: гибкое маневрирование в краткосрочной политике плюс структурные реформы и проекты роста в долгосрочном периоде. Российский опыт 2022–2024 гг. показывает, что одних чрезвычайных мер недостаточно без плана опережающего развития, равно как и крупные инициативы не дадут результата без поддержания макроустойчивости в каждодневном режиме.

Заключение

В работе выделены ключевые постсанкционные угрозы для экономической безопасности РФ, среди которых: технологическая зависимость и отставание, сокращение экспортных доходов, отток капитала и дефицит инвестиций, фискальные дис-

балансы, инфляционные риски, кадровые ограничения, изоляция финансовой системы, снижение конкурентоспособности экономики. В экономике страны накапливаются долгосрочные риски и такой баланс является неустойчивым и без системных изменений возможен кризис.

В статье раскрыто содержание трёх методологических подходов, применяемых в качестве руководства для преодоления санкционных угроз. Сценарный подход к ситуационному реагированию предполагает гибкое оперативное управление экономикой при различных вариантах развития событий, что уже помогает смягчить первые удары последствий и позволяет замедлить время для адаптации. Военная экономика – мобилизационный подход – играет свою роль в поддержании работоспособности экономики и обороноспособности страны, однако она должна быть ограничена во времени, чтобы не превратиться в тормоз развития. Новые проекты становятся локомотивом структурных преобразований, и их успешная реализация может устранить ряд первоочередных причин уязвимостей для обеспечения экономической безопасности страны.

Меры, принятые в 2024 г., демонстрируют использование указанных подходов. Продление антикризисных льгот и мораториев свидетельствует о продолжении ситуационного реагирования, рост военных расходов – об усилении силовой составляющей экономики, разворачивание новых нацпроектов – о необходимости перехода к стратегии опережающего развития даже в санкционных условиях. Такая политика многоплановости представляется оправданной, ведь ни одно само по себе направление не может позволить добиться нейтрализации всех угроз. Необходимо сочетание мер оперативных и стратегических, оборонительных и наступательных – для обеспечения не только стабильности, но и экономического развития.

Таким образом, отвечая на вызовы постсанкционного периода, Россия формирует новую модель экономической безопасности, основанную на принципах самодостаточности, адаптивности и инновационного роста. Реализация этой модели потребует времени и значительных усилий, но от её успеха напрямую зависит способность страны сохранить суверенитет и влияние в мире, несмотря на внешнее давление.

Список литературы

1. Царегородцева, С. Р. Санкции как угроза национальной экономической безопасности Российской Федерации / С. Р. Царегородцева, О. Ю. Тихонова, Т. В. Котова, А. С. Евдокимова // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 9. – С. 2433–2444. – DOI: 10.18334/ce.18.9.121689.

2. Соболев, Т. С. Современное состояние экономики России в условиях санкций и перспективы её развития / Т. С. Соболев, А. И. Шарай // Вестник МУ имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2023. – № 1 (44). – С. 7–15. DOI: 10.21777/2587-554X-2023-1-7-15.

3. Прокопенко, А. Вязкая стабильность: что спасает и что губит российскую экономику / А. Прокопенко // Carnegie Endowment for International Peace. URL: carnegieendowment.org/2024/03/20/ru-pub-92016 (дата обращения: 20.03.2024).

4. Гузикова, Л. А. Финансовые санкции как катализатор финансовой деглобализации / Л. А. Гузикова, Б. Дубэкэ, А. С. Шахбази // Экономические науки. – 2022. – № 209. – С. 317–322.

5. Гиоев, Г. В. Мобилизационная экономика как приоритетная модель экономического развития в современных условиях / Г. В. Гиоев, М. И. Комаров, Н. Н. Кузин // Вестник

Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 278–283. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-1-278-283.

6. Круглова, И. А. Параллельный импорт как инструмент обеспечения экономической безопасности России в современных экономических реалиях / И. А. Круглова, А. Д. Кривонос, П. В. Назаров // КАНТ. – 2023. – № 2(47). – С. 45–51.

7. Староверова, О. В. Перспективы развития налоговой политики как механизма регулирования цифровой экономики / О. В. Староверова // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 1. – С. 220–223.

References

1. Tsaregorodtseva S. R., Tikhonova O. Y., Kotova T. V., Evdokimova, A. S. (2024) Sanktsii kak ugroza natsionalnoi ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Sanctions as a Threat to the National Economic Security of the Russian Federation]. *Creative Economy*, 9 (18), pp. 2433–2444. DOI: 10.18334/ce.18.9.121689.

2. Sobol T. S., Sharai A. I. (2023) Sovremennoye sostoyaniye ekonomiki Rossii v usloviyakh sanktsiy i perspektivy yeye razvitiya [The Current State of the Russian Economy Under Sanctions and Prospects for Its Development]. *Bulletin of the S. Y. Witte Moscow State University. Series 1: Economics and Management*, 1 (44), pp. 7–15. DOI: 10.21777/2587-554X-2023-1-7-15.

3. Prokopenko A. (2024) Vyazkaya stabil'nost': chto spasayet i chto gubit rossiyskuyu ekonomiku [Viscous Stability: What Saves and What Destroys the Russian Economy]. *Carnegie Endowment for International Peace*, 20.03.2024. URL: carnegieendowment.org/2024/03/20/ru-pub-92016.

4. Guzikova L. A., Dubeke B., Shahbazi A. S. (2022) Finansovyye sanktsii kak katalizator finansovoy deglobalizatsii [Financial Sanctions as a Catalyst for Financial Deglobalization]. *Economic Sciences*, 209, pp. 317–322.

5. Gioev G. V., Komarov M. I., Kuzin N. N. (2023) Mobilizatsionnaya ekonomika kak prioritnaya model' ekonomicheskogo razvitiya v sovremennykh usloviyakh [Mobilization Economy as a Priority Model of Economic Development in Modern Conditions]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, pp. 278–283. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-1-278-283.

6. Kruglova I. A., Krivonos A. D., Nazarov P. V. (2023) Parallelnyy import ka instrument obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii v sovremennykh ekonomicheskikh realiyakh [Parallel Import of Spacecraft as a Tool for Ensuring Russia's Economic Security in Modern Economic Realities]. *KANT*, 2 (47), pp. 45–51.

7. Staroverova O. V. (2024) Perspektivy razvitiya nalogovoy politiki kak mekhanizma regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki [Prospects for the Development of Tax Policy as a Mechanism for Regulating the Digital Economy]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, pp. 220–223.

A. N. Litvinenko.²⁰ Post-sanctions Threats to the Economic Support of Russia's National Security: Substance and Areas of Counteraction. The article examines the current state of the Russian economy, characterized by relative macroeconomic stability and positive short-term indicators. The results of the analysis allowed us to identify a number of contradictions at the beginning of 2025 due to the sanctions regime and our retaliatory measures. Based on the identified contradictions, the key threats to the economic provision of Russia's national security in post-sanctions conditions are characterized: technological lag, reduced investment and export revenues, fiscal imbalances and personnel constraints. The author summarizes the measures taken in 2024 by the country's legislative and executive authorities to maintain economic stability. Special attention is paid to methodological approaches to overcoming sanctions threats: scenario-based situational response, the use of "war economy" tools and the launch of new national projects. An analysis of the practical steps taken by the Russian authorities in 2024 demonstrates commitment to a strategy that takes into account the influence of several factors and ensures a balance between defensive and offensive economic actions. The study is based on official statistics from Rosstat and the Bank of Russia, and analytical forecasts from the Center for Macroeconomic Analysis and Forecasting.

Keywords: post-sanctions threats, economic security, national security, counteraction directions.

²⁰ *Alexander N. Litvinenko*, Professor of the Department of Economic Security at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (1 Lyotchika Pilyutova St., St. Petersburg, Russia), Doctor of Economics, e-mail: lanfk@mail.ru.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-124-133

*М. К. Алимуратов*¹

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ

Обеспечение эффективности стратегирования региональных финансовых систем требует формирования единого методологического подхода, его развитие и реализацию в практике регионального стратегирования. Если в теории и практике стратегирования вопросам разработки стратегии уделяется существенное внимание, то инструменты, этапы и методы реализации региональных финансовых стратегий исследованы крайне мало. В статье приводится обоснование необходимости формирования единого методологического подхода организации процесса реализации региональных финансовых стратегий, предлагается его концептуальная схема. Выделяются элементы системы стратегической мотивации участников региональных финансовых отношений на этапах реализации финансовых стратегий региона.

Ключевые слова: финансовая стратегия, региональная стратегия, реализация региональной финансовой стратегии, финансовая стратегическая мотивация, методология стратегирования
УДК 330.352

Региональное финансовое стратегирование, согласно общей теории стратегии и методологии стратегирования, разработанным в созданной и возглавляемой академиком В. Л. Квинтом научной школе, состоит из двух блоков – процессов разработки и реализации стратегии [1]. Важной задачей является обеспечение эффективного взаимодействия и координации действий заказчиков и разработчиков региональных финансовых стратегических документов на всех этапах работы. Зачастую наблюдаются явления, когда разработанные стратегии либо вовсе не реализуются, либо процесс реализации оказывается неэффективным. Интеграция участников и процессов регионального финансового стратегирования обеспечивает многолетнюю последовательную и полную реализацию положений стратегии. Этот этап стратегирования часто игнорируется как разработчиками стратегии, так и субъектами стратегирования, поскольку считается, что процесс заканчивается представлением и принятием финального документа стратегии.

¹ *Мурад Камирович Алимуратов*, заместитель заведующего кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61), канд. экон. наук, доцент, e-mail: amkpro5@gmail.com.

Так, в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в РФ»², в регионах страны и во всех ключевых отраслях разработаны и приняты соответствующие документы стратегического характера. Однако анализ динамики показателей, наблюдаемых в социально-экономических системах регионов и в соответствующих отраслях экономики, проведённый академиком В. Л. Квинтом и Н. И. Сасаевым, демонстрирует, что процесс реализации этих документов не соответствует большинству заложенных в них параметров и приоритетов [2].

Следует учитывать, что стратегия – долгосрочный документ не только с точки зрения временной перспективы, но и в связи с необходимостью многолетней работы по выполнению ряда функций стратегического управления [3]. Процесс стратегического планирования, региональная проекция которого представлена в работе Л. И. Власюк, необходимо осуществлять на весь срок реализации принятой стратегии [4], разрабатывать детальные дорожные карты, проводить мониторинг процессов реализации стратегий, корректировку отдельных положений и мероприятий, указанных в целях и задачах стратегических приоритетов, а также, согласно исследованиям профессора И. В. Новиковой и др., внедрять мероприятия по стратегической мотивации персонала [5].

Региональная финансовая стратегия формируется в течение относительно короткого периода времени – от полугода до двух лет, а процесс её реализации охватывает периоды от 10 лет и дольше. При этом, как правило, стратегия разрабатывается внешними специалистами, обладающими соответствующей методологией, опытом и компетенциями, а непосредственно реализацию стратегии осуществляют уже специалисты внутри субъекта стратегирования, как отмечает в своей работе С. Е. Цивилев [6]. Подобное разделение на практике зачастую приводит к неприятию положений стратегии, нежеланию реализовывать на практике обоснованные стратегические приоритеты развития региональной финансовой системы. В результате, несмотря на обоснованность выбранных приоритетов, в том числе с точки зрения перспективных конкурентных преимуществ и ресурсной обеспеченности, в регионах не наблюдаются трансформации финансовой системы, что в стратегической перспективе приводит к потере конкурентных преимуществ, снижению эффективности региональной финансовой системы, ухудшению инвестиционной привлекательности региона.

Подобные негативные стратегические тренды проявляются в большинстве регионов России. Так, несмотря на то, что с начала 90-х годов 20 века декларируется необходимость формирования полноценных рыночных финансовых отношений во всех регионах [7], уровень развития финансовых институтов, инструментов привлечения и перераспределения капитала, институты частной собственности и многое другое в большинстве регионов России всё ещё находятся в зачаточном состоянии. Многочисленные реформы, трансформация социально-экономических систем [8] и массовая приватизация, проведённая во всех регионах России, не привели к существенной активизации биржевой и внебиржевой торговли ценными бумагами [9]. Доступность капитала на подобных рынках по-прежнему остаётся крайне низкой. Всё это является подтверждением низкой эффективности реализации декларируемых стратегических приоритетов развития современных региональных финансовых систем. Несмотря на то, что отдельные элементы региональной финансовой системы в большинстве регионов представле-

² ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" от 28.06.2014 N 172-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

ны в той или иной степени, уровень их влияния на развитие экономических отношений в регионах, предпринимательскую и инвестиционную активность остаются низкими.

В России наблюдается сильная динамика предпринимательской активности, выражающаяся в количестве коммерческих организаций различной организационной формы (Таблица). Несмотря на то, что за двадцатилетний период наблюдается стратегический тренд роста количества организаций, наиболее развитая форма акционерных обществ, позволяющая широким массам инвесторов включаться в экономические процессы, всё ещё демонстрирует определённую стагнацию.

Таблица

Динамика количества коммерческих организаций в РФ по организационным видам (2002–2023 гг.)
(источник: Федеральная налоговая служба РФ³)

	2002	2005	2010	2015	2023
Полные товарищества	42	522	441	270	98
Товарищества на вере	68	742	647	481	169
Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью	164 936	1 668 814	3 457 816	3 962 427	2 577 404
Акционерные общества	39 179	185 361	194 239	127 208	52 107
Производственные кооперативы (артели)	1 867	26 177	21 416	23 102	7 659
Унитарные предприятия	3 129	14 468	12 648	23 485	10 640
Прочие коммерческие организации	8 464	116 341	90 639	16 918	16 247
Всего коммерческих организаций	217 685	2 012 425	3 777 846	4 153 891	2 664 324

Наибольшее количество по видам организаций представлено обществами с ограниченной и дополнительной ответственностью. Несмотря на то, что в течение чрезвычайного экономического периода, начавшегося после 2014 г., количество коммерческих организаций всех видов сократилось, общий тренд за наблюдаемый период является восходящим, что демонстрирует рост предпринимательской активности и стремление инвесторов формировать диверсифицированный рынок источников привлечения капитала. Одним из негативных трендов является сокращение количества обществ с дополнительной ответственностью, что потенциально сокращает возможности расширения количества участников организаций подобного типа, поскольку основатели компаний всё реже готовы брать на себя ответственность по обязательствам компаний, дополнительно обеспеченных личным имуществом. В подобных условиях новые вкладчики видят дополнительные угрозы, что может привести к росту стоимости привлекаемого капитала.

Одновременно следует отметить негативный тренд резкого сокращения количества акционерных обществ – со 127208 организаций в 2015 г. до 52107 в 2023 г. (сокращение на 59 %). При этом общее количество коммерческих организаций в России за этот же период сократилось существенно меньше – на 36 %. Акционерная форма собственности – самая развитая с точки зрения потенциала расширения масштабов и видов деятельности, диверсификации и формирования системы, основанной на принципах отделения собственности от управления [10]. Именно эти организации формируют основной стратегический потенциал развития всех институтов финансовой системы региона, предоставляя доступ к финансово-экономическим результатам деятельности всем потенци-

³ https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/5404042.

альным участникам инвестиционного процесса. Региональные инвесторы в этом случае обладают дополнительными конкурентными преимуществами в связи с тем, что могут получать дополнительную информацию нефинансового характера – наблюдение степени интенсивности функционирования региональных производств, модернизации производственных процессов, применяемые технологии, квалификацию персонала и пр.

В процессе реализации региональной финансовой стратегии должны принимать участие стратегические лидеры региона и всех подсистем региональной финансовой системы. Согласно методологии стратегирования академика В. Л. Квинта, организация подобного процесса возможна только при условии детальной декомпозиции стратегических приоритетов развития региональной финансовой системы на цели и задачи [11]. Следовательно, для каждого регионального стратегического финансового приоритета следует назначать руководителя на уровне регионального министра, либо руководителя профильного департамента. При этом под каждую цель соответствующего приоритета необходимо формировать целевые программы развития региональной финансовой системы, процесс реализации которых должен возглавлять профильный специалист на уровне крупных региональных финансовых институтов.

На этапе формирования целевых программ следует учитывать важнейший принцип процесса реализации региональной финансовой стратегии – оптимальное распределение ограниченных финансовых ресурсов между всеми целевыми программами, задачами по их реализации и соответствующими проектами [12]. Этот принцип приводит к необходимости обеспечения согласованности принимаемых решений и действий по перераспределению ресурсов между всеми участниками региональной финансовой системы, направленной на наиболее эффективное использование ресурсов, привлекаемых из всех доступных источников. Ориентиром для действий исполнителей при реализации подобного подхода являются подробные дорожные карты реализации региональной финансовой стратегии, в которых по периодам реализации определены стратегические задачи и мероприятия по их реализации для каждой из целей соответствующего стратегического приоритета.

На этапе реализации региональной финансовой стратегии важной функцией, согласно исследованию И. В. Новиковой и З. К. Самайбековой, является стратегическая мотивация [13], поскольку исполнители, участвующие в реализации соответствующих мероприятий, должны в полном объеме и ответственно выполнять виды работ, направленных на установленные для них стратегические задачи и мероприятия. Стратегическая мотивация должна носить долгосрочный характер, поскольку результаты принимаемых решений и осуществляемых действий проявляются в отложенной во времени перспективе. Формирование подобной системы мотивации является крайне сложной задачей, т.к. традиционные методы стимулирования, в основном, ориентированы на получение положительного эффекта от деятельности специалистов в текущем периоде. Подобная система мотивации оправдана с той точки зрения, что позволяет оценить эффективность принимаемых мер и используемых инструментов стимулирования непосредственно в период осуществления подобных действий. В отличие от системы оперативного стимулирования и мотивации, стратегическая мотивация предполагает выполнение работ, оценка результатов и эффективности которых станут возможны в перспективе не менее 3–5 лет.

Одновременно, и сама система стратегической мотивации включает инструменты существенно шире и сложнее, чем традиционные методы [14]. Так, на уровне региона, в качестве инструментов стратегической мотивации, ориентированной на активизацию деятельности по реализации региональных стратегических финансовых приоритетов могут использоваться:

- включение в состав рабочих групп, принимающих и реализующих стратегические приоритеты развития региональной финансовой системы;
- внедрение системы стимулирующих надбавок за достижение показателей, установленных в региональной финансовой стратегии;
- обеспечение участия в командах по привлечению специалистов и финансовых компаний из других регионов страны и из других стран, в том числе международных финансовых институтов;
- формирование условий для карьерного роста по мере формирования и развития региональных финансовых институтов;
- создание условий для развития профессиональных навыков и компетенций в сфере прогрессивных региональных финансовых систем.

Инструменты мотивации этого уровня носят в большинстве своём нематериальный характер, однако обеспечивают удовлетворение интересов участников этих процессов в причастности к деятельности, обеспечивающей развитие региональной финансовой системы, включение в команды стратегических лидеров, чьё мнение и действия оказывают наиболее существенное влияние на принимаемые решения и стратегические трансформации в региональной финансовой системе [15].

На уровне финансовых институтов, формирующих региональную финансовую инфраструктуру, в качестве инструментов стратегической мотивации можно использовать:

- повышение уровня эффективности региональной финансовой системы;
- обеспечение доступа к обширной финансовой информации;
- внедрение системы налоговых льгот на доходы от эмитируемых регионами и муниципалитетами долговых инструментов;
- повышение доступа к диверсифицированным источникам привлечения капитала;
- оптимизации взаимоотношений между всеми институтами региональной финансовой системы;
- повышение вовлеченности в межведомственные экспертные группы по реализации региональных стратегий;
- формирование междисциплинарных навыков и развитие стратегического мышления.

На уровне предприятий региона, система стратегической мотивации сотрудников должна включать следующие инструменты:

- предоставление управленческих опционов для обеспечения стимулов достижения целевых ориентиров стратегии;
- создание возможностей для привлечения долгового и долевого финансирования на региональном фондовом рынке;
- введение стимулирующих коэффициентов при достижении показателей, заложенных в стратегических приоритетах;
- обеспечение условий для согласованности процессов реализации корпоративных и региональных финансовых стратегий;
- улучшение профессионального имиджа.

В целом, процесс реализации региональной финансовой стратегии является комплексным и охватывает большое количество участников, взаимосвязанных инструментов, функций и процессов, которые обеспечивают достижение результатов, заложенных в стратегических приоритетах. При организации работы региональных участников по реализации соответствующих стратегических приоритетов с целью обеспечения взаимосвязанной работы необходимо сформировать единый подход, который позволит использовать все доступные инструменты в течение всего периода

реализации принятой стратегии. В целом, систему реализации региональной финансовой стратегии можно представить в виде следующей концептуальной схемы.

Концептуальная схема системы реализации региональной финансовой стратегии (составлено автором на основе [12])

Организация процесса реализации региональной финансовой стратегии на основе предложенной схемы позволяет обеспечить согласованность интересов всех участников региональных финансовых отношений в контексте реализации принятых стратегических приоритетов развития на разных уровнях региональной экономической системы – от уровня регионального стратегического управления до отдельных компаний и организаций региона. Для обеспечения эффективности функционирования предложенной организационной структуры должна формироваться система обмена информационными потоками о процессах реализации региональных стратегических финансовых приоритетов [16]. Процесс реализации приоритетов региональной финансовой стратегии требует принятия большого количества решений, для чего необходимо внедрить прогрессивные технологии стратегического управления, позволяющие принимать подобные решения как в согласованности с соответствующими стратегическими приоритетами, так и на основе информации о наличии и доступности необходимых ресурсов и конкурентных преимуществ на каждом этапе реализации соответствующего стратегического приоритета.

Структурным элементом системы реализации региональной финансовой стратегии является стратегическое лидерство, обеспечивающее системное управление процессами реализации положений стратегии в полном объеме [15]. Важной функцией стратегического лидера в регионе при этом является разработка и последовательная реализация стратегической мотивации, ориентированной на принятие всеми участниками трансформации региональной финансовой системы положений стратегии к реализации. Отсутствие стратегической мотивации со стороны непосредственных лидеров региональной финансовой системы может привести к существенным ограничениям в эффективности реализации региональной финансовой стратегии, либо к пролонгации сроков, что в результате может привести к утере конкурентных преимуществ, негативным изменениям в уровне инвестиционной привлекательности региона и появлению новых факторов, существенно ограничивающих региональный финансовый потенциал.

Развитие информационных технологий, искусственного интеллекта, облачных сервисов, цифровых платформ, массовое внедрение эффективных методов удалённого взаимодействия, обеспеченных высоким уровнем информационной безопасности [17], формируют условия для существенной оптимизации процессов реализации региональных финансовых стратегий. Существенно повышается оптимальность информационного обмена, оценка уровня достижения показателей, заложенных в стратегических приоритетах, их своевременная корректировка с учётом динамики факторов, обуславливающих изменения во внешней и внутренней среде каждого их участников регионального стратегического процесса.

Система реализации региональной финансовой стратегии должна включать целевые программы, разрабатываемые в полном объеме под каждую цель соответствующего приоритета. Подобная декомпозиция позволяет сформировать качественную организационную структуру процесса реализации региональной финансовой стратегии, поскольку предполагает прямое соподчинение руководителей каждой целевой программы непосредственному руководителю соответствующего стратегического приоритета, что создаёт условия для высокой степени ответственности и согласованности процессов реализации как каждой из целей общей стратегии, так и всех групп стратегических приоритетов. Целевые программы, в свою очередь, создаются для формулирования, постановки и контроля исполнения системы задач, решение которых обеспечит реализацию каждой из целей, представленных в региональной финансовой стратегии.

Список литературы

1. *Квинт, В. Л.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика / В. Л. Квинт, С. Д. Бодрунов. – М.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. – 351 с.
2. *Сасаев, Н. И.* Стратегирование промышленного ядра национальной экономики / Н. И. Сасаев, В. Л. Квинт // Экономика промышленности. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 245–260. – <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1349>.
3. *Экономическая и финансовая стратегия: [Учебник].* / В. Л. Квинт, И. В. Новикова, М. К. Алимуратов [и др.]; под науч. ред. В. Л. Квинта – М.: изд. Московского университета, 2024. – 247 с.
4. *Власюк, Л. И.* Региональная проекция системы стратегического планирования и прогнозирования в Российской Федерации / Л. И. Власюк // Экономика промышленности. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 107–113. – <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2017-2-107-113>.
5. *Стратегирование человеческого потенциала Кузбасса* / И. В. Новикова, О. Е. Абросова, А. А. Боксгорн и др. – Кемерово: КемГУ, 2020. – 453 с.
6. *Цивилев, С. Е.* Управление процессами реализации стратегии развития Кузбасса на период до 2035 года / С. Е. Цивилев // Экономическое возрождение России. – 2021. – №2 (68).
7. *Аганбегян, А. Г.* О новой модели экономического роста в России / А. Г. Аганбегян // Экономические стратегии. – 2011. – Т. 13, №. 2. – С. 12–19.
8. *Бодрунов, С. Д.* Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект / Бодрунов С. Д. // Экономика промышленности. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 135–140.
9. *Алимуратов, М. К.* Роль финансовых институтов в обеспечении реализации стратегических приоритетов Кузбасса / М. К. Алимуратов, К. Л. Астапов, К. Г. Венгер, М. К. Хабекова // Экономика промышленности. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 399–408.
10. *Хабибуллин, Р. И.* Акционерные общества работников: современное состояние, эффективность, проблемы и перспективы развития / Р. И. Хабибуллин // Экономическая наука современной России. – 2014. – №. 3 (66). – С. 68–87.
11. *Квинт, В. Л.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке / В. Л. Квинт. – М.: Бизнес-Атлас, 2012. – 626 с.
12. *Квинт, В. Л.* Концепция стратегирования / В. Л. Квинт. – Кемерово: КемГУ, 2020. – 170 с.
13. *Новикова, И. В.* Система стратегической мотивации в инновационном предприятии / И. В. Новикова, З. К. Самайбекова // Стратегирование: теория и практика. – 2024. – Т. 4, № 4(14). – С. 453–467.
14. *Новикова, И. В.* Стратегическое управление трудовыми ресурсами / И. В. Новикова. – М.: изд. КноРус, 2022. – 180 с.
15. *Новикова, И. В.* Стратегическое лидерство / И. В. Новикова. – М.: изд. КноРус, 2023. – 222 с.
16. *Стратегирование цифрового Кузбасса* / В. Л. Квинт, Л. И. Власюк, Д. С. Евдокимов [и др.]; Библиотека Стратегия Кузбасса – Кемерово: КемГУ, 2021. – 434 с.
17. *Саламова, А. А.* Роль искусственного интеллекта в финансах / А. А. Саламова, И. Е. Федоровская, И. И. Васильев // Финансовые рынки и банки. – 2023. – №. 1. – С. 63–68.

References

1. Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021) Strategirovaniye transformatsii obshchestva: znaniye, tekhnologii, noonomika [Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy]. Moscow: S. Y. Witte INID Publ., 351 p.
2. Sasayev N. I., Kvint V. L. (2024) Strategirovaniye promyshlennogo yadra natsional'noy ekonomiki [Strategizing the Industrial Core of the National Economy]. Russian Journal of Industrial Economics, 3 (17), pp. 245–260. DOI: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1349>.
3. Kvint V. L., et al. (2024) Ekonomicheskaya i finansovaya strategiya. Uchebnik [Economic and Financial Strategy. Textbook]. Moscow: Publishing House of the Moscow University, 247 p.
4. Vlasyuk L. I. (2017) Regional'naya proyektziya sistemy strategicheskogo planirovaniya i prognozirovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Strategic Planning and Forecasting System in the Russian Federation: A Regional Projection]. Russian Journal of Industrial Economics, 2 (10), pp. 107–113. DOI: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2017-2-107-113>.
5. Novikova I. V., Abrosova O. E., Boksgorn A. A., et al (2020) Strategirovaniye chelovecheskogo potentsiala Kuzbassa [Strategizing the Human Potential of Kuzbass]. Kemerovo: KemSU, 453 p.
6. Tsvilev S. E. (2021) Upravleniye protsessami realizatsii strategii razvitiya Kuzbassa na period do 2035 goda [Managing the Kuzbass Region Strategy Implementation for the Period up to the Year 2035]. Economic Revival of Russia, 2 (68), pp. 5–19.
7. Aganbegyan A. G. (2011) O novoy modeli ekonomicheskogo rosta v Rossii [On the New Model of Economic Growth in Russia]. Economic strategies, 2 (13), pp. 12–19.
8. Bodrunov S. D. (2023) Strategiya perekhoda k novomu mirokhozaystvennomu ukladu i noobshchestvu: industrial'nyy aspekt [Strategy of Transition to a New World Economic Order and Noosociety: Industrial Aspect]. Russian Journal of Industrial Economics, 2 (16), pp. 135–140.
9. Alimuradov M. K., Astapov K. L., Venger K. G., Khabekova M. K. (2020) Rol' finansovykh institutov v obespechenii realizatsii strategicheskikh prioritetov Kuzbassa [The Role of Financial Institutions in Maintaining the Realization of Strategic Priorities of Kuzbass]. Russian Journal of Industrial Economics, 3 (13), pp. 399–408.
10. Khabibullin R. I. (2014) Aktsionernyye obshchestva rabotnikov: sovremennoye sostoyaniye, effektivnost', problemy i perspektivy razvitiya [Employee Joint-Stock Companies: Current Status and Effectiveness, Problems and Prospects]. Economics of Contemporary Russia, 3 (66), pp. 68–87.
11. Kvint V. L. (2012) Strategicheskoye upravleniye i ekonomika na global'nom formiruyushchemsya rynke [The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics]. Moscow: Biznes-Atlas, 626 p. ISBN 978-5-9900421-6-2.
12. Kvint V. L. (2020) Kontseptsiya strategirovaniya [The Concept of Strategizing]. Kemerovo: Kemerovo State University, 170 p.
13. Novikova I. V., Samaybekova Z. K. (2024) Sistema strategicheskoy motivatsii v innovatsionnom predpriyatii [Strategic Motivation System in Innovative Business]. Strategizing: Theory and Practice, 4 (4), pp. 453–467.
14. Novikova I. V. (2022) Strategicheskoye upravleniye trudovymi resursami [Strategic Human Resources Management]. Moscow: OOO “KnoRus” Publ., 180 p.
15. Novikova I. V. (2023) Strategicheskoye liderstvo [Strategic Leadership]. Moscow: OOO “KnoRus” Publ., 222 p.
16. Kvint V. L. (Ed.) (2021) Strategirovaniye tsifrovogo Kuzbassa [Strategizing of the Digital Kuzbass Region]. “Kuzbass Strategy Library” Series. Kemerovo: Kemerovo State University, 434 p.

17. Salamova A. A., Fedorovskaya I. E., Vasil'yev I. I. (2023) Rol' iskusstvennogo intellekta v finansakh [The Role of Artificial Intelligence in Finance]. *Financial Markets and Banks*, 1, pp. 63–68.

M. K. Alimuradov⁴. Methodological Basis and Praxis of the Organization Process of the Regional Financial Strategy Implementation. Ensuring the effectiveness of regional financial systems strategizing requires the formation of a unified methodological approach, its development and implementation in the practice of regional strategizing. If in the theory and practice of strategizing the issues of strategy development are given significant attention, then the tools, stages and methods of implementing regional financial strategies have been studied very little. The article provides a rationale for the need to form a unified methodological approach to organizing the process of implementing regional financial strategies, and proposes its conceptual scheme. Elements of the system of strategic motivation of participants in regional financial relations at the stages of implementing regional financial strategies are highlighted.

Keywords: financial strategy, regional strategy, implementation of regional financial strategy, financial strategic motivation, strategizing methodology.

⁴ *Murad K. Alimuradov*, Ph.D. in Economics, MBA, Associate Professor of the Department of Economic and Financial Strategy at the Moscow School of Economics of the Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory, 1, bld. 61, Moscow, 119991, Russia), e-mail: amkpro5@gmail.com.

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-134-147

Ю. А. Лозина¹

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

В работе выявлены интеллектуальные элементы инновационного процесса, влияющие на его эффективность. Первая стадия инновационного процесса связана с генерированием знаний и творческой деятельностью автора, что характеризуется слабой правовой охраной и невозможностью её полной оценки. Парадокс открытости, необходимость контроля объёма знаний для обмена ею между организациями требует выработки стратегии расширения границ правовой охраны ОИС с соблюдением интересов всех заинтересованных лиц на основе доверительных механизмов. Разделение интеллектуальных элементов на объекты воздействия позволило выявить направления совершенствования развития инновационного процесса. Установлено, что непрерывное совершенствование интеллектуального капитала и инвестиции в него со стороны организации, а также свобода автора, основанная на коммерциализации, формируют новую модель сотрудничества. Эта модель включает не только достойную оплату труда и карьерный рост, но и участие автора в управлении компанией и распределении доходов от использования ОИС. Выявленное противоречие между созданием и присвоением РИД обуславливает необходимость включения определённых категорий в гражданский оборот, унификации терминологии в праве и экономике, упрощения механизмов закрепления прав на ОИС. При этом под интеллектуальными элементами понимаются творческие компоненты инновационного процесса, идеи, знания, РИД, которые в результате их преобразования способны приносить прибыль.

Ключевые слова: инновационный процесс, элементы повышения эффективности, интеллектуальная собственность, нематериальные активы, управление знаниями, парадокс открытости, человеческий капитал, интеллектуальные элементы.

УДК 330.34

Введение

В эпоху цифровизации и технологического прорыва, основой которых является экономика знаний, актуально стремление организаций к акцентированию своей деятельности на направлениях, повышающих эффективность инновационного процесса. Реализация всех этих направлений связана с созданием инноваций, закреплением за ними исключительных прав, осуществлением их охраны и защиты как объектов интеллектуальной собственности, внедрённых в экономический оборот и приносящих прибыль. Наиболее уязвимой и сложной для охраны является первая стадия инноваци-

¹ Юлия Александровна Лозина, заместитель начальника кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России (198206, СПб, ул. Летчика Пилютова, д.1), канд. юр. наук, доцент; e-mail: 1612ulia.l@mail.ru.

онного процесса, в которой зарождаются идеи и формируются знания. Процесс создания инноваций внутри организации связан с творческой деятельностью автора, поэтому частично непрогнозируем и не всегда подлежит оценке и охране. Он включает в себя: поиск, отбор и постоянное развитие интеллектуального человеческого капитала; создание условий для эффективной работы по генерированию знаний (гибкие формы занятости, система мотивации, направление на обучение и повышение квалификации); техническая и юридическая охрана полученных в ходе инновационной деятельности *знаний* (выбор между научным открытием и ноу-хау, заключение договоров с работником о соблюдении коммерческой тайны, дифференцированные режимы открытости, которые реализуются «модулями» простого лицензирования, определяющими объём обмена знаниями [1]); систематизация и регистрация *произведений* либо их охрана внутри организации в качестве коммерческой тайны (так называемое противоречие между созданием и присвоением произведения – «парадокс открытости» [2]); одновременная регистрация одного объекта в авторском и патентном праве и т. д.

Инновационный процесс предполагает длительное сотрудничество автора (работника) и организации при создании инноваций, регулярные вложения в человеческий капитал, износ человеческих способностей. Политика коллективного взаимодействия и необходимость формирования среды взаимного доверия [3] в ходе творческой деятельности от этапа создания знаний и до реализации инновационного продукта требует удовлетворения интересов всех заинтересованных лиц.

В ходе анализа имеющихся трудностей, возникающих при осуществлении инновационного процесса в направлении развития и применения интеллектуального авторского потенциала, становится важным выделение отдельных его интеллектуальных элементов. Субъектно-ориентированные, терминологические и регистрационные элементы, выделенные в исследовании, рассматриваются как факторы повышения эффективности инновационных процессов в организации.

Управление интеллектуальными элементами в инновационном процессе

Имеется достаточно точек зрения по трактовке содержания инновационного процесса. Например, представление его двухстадийным, состоящим из этапа создания информационной модели продукта и этапа создания самого продукта [4] или в виде линейных моделей спроса и предложения, модели связи, которые в целом состоят из этапов, начинающихся с возникновения идеи до её реализации на рынке. Модель связи из-за своей непрерывности показала возможность появления идеи на любом этапе цикла [5].

Имеется также позиция, при которой различаются понятия «инновационный процесс» и «инновационная деятельность», при этом процесс реализуется посредством деятельности субъектов путём их активного взаимодействия для удовлетворения своих потребностей и интересов [6]. Элементами инновационного процесса обычно считают проекты, разработки, научные исследования. Подобные точки зрения рассматривают инновационный процесс как комплекс действий или работ без учёта важности главного субъекта – создателя инновации. При этом именно человек инициирует инновации, а его поведение играет центральную роль [7]. РС учётом творческого подхода к созданию инноваций целесообразно акцентировать внимание к следующим интеллектуальным элементам, которые условно делятся на группы.

1. Субъектно-ориентированные элементы.

Первый связан с появлением на экономическом поле нового игрока, статус которого в период промышленной революции был не столь значимым. Этим игроком постепенно становится человек с его потенциалом в виде знаний. Особенностью новой экономики стало привлечение данного субъекта не как исполнителя, работника, выполняющего ряд простых задач, а как лица, интеллектуальные способности которого могут развиваться и совершенствоваться, создавая инновационный результат. Имеющиеся знания и способности человека, представляющие в настоящее время большую ценность, «повернули» к нему организации, активно применяющие в бизнесе возможности технического прогресса, заставили учитывать его как партнёра, обладающего отдельным правом голоса. Кроме того, наличие интеллектуальных способностей у человека позволяет последнему выбирать организации для сотрудничества независимо от границ государств и территорий. Человек и его потенциал становятся своего рода транснациональным субъектом, способным влиять на прибыль наравне с юридическим лицом.

Потенциал человека в настоящее время исследуется отдельно как элемент, влияющий на эффективность работы предприятия. При этом были выявлены следующие важные его составляющие:

- необходимость учитывать интересы работников предприятия, поскольку это влияет на производительность труда [8];
- личная заинтересованность работника, которая совпадает с интересами организации [9];
- качество жизни человека, отражающее его внешние условия жизни, стремления и реализацию, потенциал же – внутренние качественные характеристики человека [10];
- удовлетворённость работником заработной платой влияет на продуктивность труда [11];
- вложения работодателя в обучение, комфортные условия труда, профессиональный и карьерный рост [12], обеспечивающие повышение производительности.

Совпадения интересов работника и работодателя могут быть обеспечены за счёт: системы надбавок и премий за полученные достижения; организации бесплатного обучения для работника в интересах компании (повышение квалификации, освоение дополнительной квалификации, курсы иностранных языков); участия в управлении компании на различных уровнях, доли от прибыли за полученные инновации. Такие составляющие являются для работника своеобразными гарантиями поддержания интереса и могут получить отражение в трудовом договоре.

Второй элемент. Логично предположить, что управление структурным капиталом организации, как основным генератором по созданию инноваций, впоследствии принадлежащих организации, начинает занимать центральное место, поскольку включает в себя и интеллектуальный капитал, и ресурсы. Потребность повышения эффективности инновационного процесса – путём включения дополнительных организационно-экономических инструментов в управление организацией – позволяет предположить, что организация должна создавать необходимые условия для эффективной работы каждого специалиста, вкладывающего субъективные знания и способности в производственный процесс. В выдвигаемых российскими авторами подходах к организации управления человеческим капиталом обосновываются следующие выводы:

- требуются инвестиции в совершенствование навыков человеческого капитала [13];

– целесообразно расширение прав и возможностей специалистов (благоприятная рабочая среда [14]);

– важно исследование управления человеческим капиталом со стороны организации и отдельного человека, на национальном уровне и региональном, на уровне отдельной отрасли [15];

– матрица компетенций по управлению человеческим капиталом является эффективным инструментом оценивания персонала [16];

– метод продвижения бренда сотрудника (индивидуального ЧК) [17];

– метод «корпоративного заимствования» [18] сотрудниками организаций, при котором происходит обмен специалистами, знатоками в узкой области.

Здесь требуется квалифицированный подход к организации внутренней деятельности предприятия, разработке правовых критериев охраны знаний на каждом этапе, стимулированию работника на создание инноваций внутри организации. Внешним необходимым условием остаётся скоординированная государственная политика в этой сфере. При этом необходимо учитывать, что затраты организации на развитие человеческого потенциала имеют долгосрочный характер. Продвижение компании на рынке к успеху зависит от желания сотрудника работать в этой организации долгий срок, что решается только продуманной мотивационной политикой в отношении человеческого капитала. Этот элемент имеет разные уровни регулирования, и на организационном уровне он является коммерческой тайной.

2. Терминологические элементы.

Третий элемент, влияющий на инновационное развитие организации, лежит в основе закрепления исключительных прав на инновации как объекты интеллектуальной собственности (ОИС) и их соотнесения с нематериальными активами (НМА), которые делятся на идентифицируемые и неидентифицируемые. К ним в настоящее время относят не только полученные патенты и свидетельства на объекты авторского и патентного права, но и человеческий капитал, технические навыки, дистрибуторскую сеть, корпоративную культуру и т. д. При этом понятие НМА используется как экономический термин, а ОИС – как правовой. Для оценки НМА требуется включение данного понятия в гражданский оборот, а также соотнесение имеющихся дефиниций в документах по бухгалтерскому учёту. Существует разрыв между экономической и правовой готовностью инновации к признанию их в качестве НМА и ОИС, обусловленный: различиями в трактовке терминов; неоднозначностью в применении международных и национальных стандартов; несовершенством инструментов защиты инноваций от конкурентов. Данные факторы вызывают значительные временные потери при установлении правового статуса таких разработок и их правовой охраны. Если юридически организация «приспосабливается» к отсутствию ОИС в ГК РФ и использует имеющийся перечень объектов, то постановке на учёт по-прежнему не подлежат такие активы как гудвилл, информация, технические условия, деловые качества персонала и т. д. Таким образом, правовое оформление инноваций в качестве ОИС с последующим отражением в качестве НМА представляет собой многоуровневый процесс, регламентированный российским законодательством в сфере интеллектуальной собственности (ИС), международными соглашениями в сфере ИС, корпоративными и международными стандартами финансового учёта.

Четвёртый элемент посвящён законодательному включению в нормы права одинаковых понятий и категорий, влияющих на инновационный процесс. Например, необходимо отметить важность закрепления в гражданском законодательстве поня-

тий «информация» и «научное открытие», отсутствие которых противоречит нормам международного права (Конвенции ВОИС 1967г), одноимённому ГОСТу по интеллектуальной собственности, закону об информации № 149 и даже истории развития советского и российского законодательства. Корректное включение определённых понятий в гражданский оборот позволило бы констатировать, что защита инновации в отдельных её элементах может осуществляться не только управленческими решениями, но и правовыми методами.

В анализе имеющихся научных изысканий присоединимся к обоснованным точкам зрения о важности включения категории «информация» к объектам гражданского права в связи с тем, что:

– информация – это родовое понятие для некоторых объектов гражданских прав [19,20] (генетическая информация [21], инсайдерская информация);

– информация может быть выражена в материальном носителе (базе данных) или в человеке как носителе этой информации (её способ защиты только коммерческая тайна и ноу-хау) [22];

– информация представляется специфическим нематериальным или материальным благом либо имеет двойственный характер [22];

– информация как экономическая категория подвергалась исследованиям с точки зрения получения прибыли. Выявлено, что есть информация, которая до её разглашения ценится наиболее высоко, есть та, которая после разглашения только повышается в цене. В связи с такой неопределённостью вложения инвестиций в научную информацию являются желательными, но осуществляются с трудом [23];

– информация – это знания, полезные для достижения целей: знание субъективно, а информация объективна. Традиционная концепция по защите интеллектуальных прав стоит на стороне лиц, инвестирующих в инновационные разработки [24], этим лицам свойственно скрывать информацию.

Таким образом, информация может быть основополагающим понятием, отправной точкой для авторов и правообладателей, поскольку сама по себе представляет ценность. Информация является одним из способов правового закрепления знаний до этапа формирования её в произведение или иной ОИС.

Расширяет границы правовой охраны знаний включение понятия «научное открытие» в ГК РФ. Исторически оно было введено в оборот в СССР для мотивации учёных. Лица, совершавшие научные открытия, получали вознаграждение (5000 рублей) и могли продолжать исследования в своей области. Признаки открытий: мировая новизна, достоверность и фундаментальность. Виды открытий: явление, свойство, закономерность. Открытия имеют значение в прикладных науках [25], фотожурналистике [26] и ряде других областей. В связи со сложностью получения инновационного результата, законы зарубежных стран предоставляют охрану открытиям в патентном праве, а автору – долевое участие в правах на изобретение [27]. В России научные открытия регистрируются по ГОСТу Р 55384-2012, автору Роспатентом выдаётся диплом, однако в ГК РФ такого объекта не предусмотрено. Между тем, на научные открытия распространяются права авторства, и с момента объявления об этом действует приоритет. Существует точка зрения, что автор открытия должен становиться соавтором всех последующих изобретений, созданных на его основе, в виде процентов авторского вознаграждения [28]. Элемент, в котором имеющиеся нормы и стандарты государства, регулирующие вопросы управления интеллектуальной собственностью, получают принципиальное соответствие друг другу.

Актуальной задачей для решения и *пятым элементом* является широко обсуждаемый в научных кругах искусственный интеллект (ИИ) и его производные. Полярные точки зрения о нём и отсутствие наработанной практики обращения с такими объектами оставляют нерешённым противоречие между высокой покупательной способностью и правовой принадлежностью, порождающей ответственность за причинённые действиями ИИ ущерб определённым лицам. ИИ преимущественно создаёт объекты, обладающие комбинаторной новизной, однако в специализированных областях может демонстрировать и высокий уровень инновационности. При этом статус таких объектов для организации не определён, сложно их поставить на баланс в качестве НМА, возникает проблема их правильной охраны. Такие отношения могут быть урегулированы с помощью организационно-управленческих инструментов фирмы как заинтересованного лица, пока не будет выработан гражданско-правовой механизм охраны и защиты отношений, связанных с ИИ (в настоящее время споры разрешаются в судебном порядке).

3. Элементы, касающиеся упрощения механизма правового регулирования (регистрационные права).

Что касается *шестого* элемента, то, с нашей точки зрения, особого внимания и законодателя, и управления на уровне организации заслуживают разработанные внутри организации программы для ЭВМ и базы данных. Именно они включают комплекс работ по лицензионному обеспечению, внесению персональных данных, постоянному дополнению в них информации для хранения, распределению исключительных прав между авторами-создателями программ и организацией. С учётом появления транснациональных корпораций и кластерных объединений вопросы правовой охраны этих объектов выходят на другой уровень. Процедура определения принадлежности исключительных прав и распоряжения ими является приоритетной, рискованной для деятельности любого юридического лица, поскольку содержит сведения, влияющие на извлечение прибыли, о чём говорит судебная практика². База данных имеет особый порядок регистрации как объект авторских прав, который в настоящее время является уязвимым, поскольку для идентификации такого объекта требуется депонирование всего объёма информации, что представляется фактически невозможным. Ряд авторов считает [29], что и проверка частично депонируемой базы данных создаёт риски для признания авторства. Кроме того, при добровольной регистрации базы данных доказательства охраноспособности в Роспатент не представляются. Регистрация базы данных объекта авторских и смежных прав может быть осуществлена, имеет свои особенности, которые технически требуют объединения данных в Роспатенте, а юридически должны предоставлять такой механизм в гражданском законодательстве. Предлагается также деление баз данных на творческие (оригинальные) и нетворческие [30], но имеющие значение с точки зрения содержания для юридического лица. Отражение процедуры регистрации разных видов баз данных в законодательстве влияет не только на скорость их регистрации, но и их конечную стоимость.

² Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 ноября 2021 г. № СП-21/26) | Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ.

Средства индивидуализации предприятия в настоящее время являются ещё одним, *седьмым элементом*, влияющим на эффективность инновационного процесса и на конкурентоспособность организации, поскольку цифровизация предоставила возможность взаимодействия сверх территориальных границ через интернет-пространство. Раскрученный бренд – отдельная ценность, требующая правовой, организационной и технической поддержки со стороны организации в постоянном режиме. Необходимо отметить целесообразность проведения анализа защиты средств индивидуализации, закреплённых в ГК РФ, а также приносящих доходы иных объектов, появившихся в связи с осуществлением предпринимательской деятельности в сети интернет. Использование средств индивидуализации (изображений, логотипов) на сайтах компании без средств защиты облегчает их незаконное копирование и использование в контрафактной продукции, что отражается на продажах продукции и влияет на деловую репутацию организации. Данный элемент является уникальным для каждой организации, поскольку определяется спецификой производимых товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг.

Созданные для продвижения бизнеса подкасты, технические условия, иконки, перфомансы рождают ещё один элемент повышения эффективности инновационного процесса и создают противоречие в управлении ими, поскольку являются выгодным способом продвижения товаров и услуг, при этом имея низкую степень правового обеспечения. Такие различные по своим свойствам «невяные» объекты авторских прав на практике заставили задуматься о разграничении признаков произведения в гражданском законодательстве и разделении объектов на виды в зависимости от новизны и оригинальности. Организация управления подобными объектами может быть построена на политике соотнесения имеющихся правовых средств охраны ОИС, включённых в перечень ГК РФ, с объектами, создаваемыми с помощью новых технологий.

Практика использования ОИС показывает наличие элементов повышения эффективности инновационного процесса в установленном механизме охраны объектов, защита которых реализуется невыгодно для правообладателя либо вообще отсутствует. Недостатки или отсутствие их правовой охраны компенсируются существующими правовыми инструментами, однако отражаются на времени и затратах организации. Приведём два примера. Имеющая свою историю выбора между авторской и патентной охраной программа для ЭВМ, в настоящее время защищаемая авторским правом согласно нормам международного и российского законодательства, постепенно интегрируется с определённым устройством, что позволяет получить дополнительную защиту в праве патентном. Методы ведения бизнеса в связи с отсутствием их гражданско-правовой охраны стали закреплять в программах для ЭВМ и отдельных устройствах. Данный подход позволяет сделать вывод о том, что такие специальные НМА должны управляться и отслеживаться отдельно, и иметь отдельный правовой режим охраны, предусматривающий упрощённый порядок регистрации в цепке «метод – программа – устройство» при выявлении между ними общих признаков.

Влияние интеллектуальных элементов на функционирование организации представлено в таблице.

Влияние интеллектуальных элементов на функционирование организации

№ п/п	Основные направления управления	Интеллектуальные элементы		
		Субъектноориентированные: 1, 2	Терминологические: 3, 4, 5	Регистрационные права: 6, 7
1	Стратегическое управление инновациями (введение инновационной стратегии и системы приоритизации проектов)	+	+	
2	Оптимизация организационной структуры (создание кросс-функциональных инновационных команд и гибких структур управления)	+		
3	Совершенствование процессов генерации идей (краудсорсинг, дизайн-мышление, TRIZ)	+		
4	Эффективное ресурсное обеспечение (оптимизация бюджетирования НИОКР и системы венчурного финансирования инноваций)	+	+	+
5	Развитие партнёрских сетей (формирование открытых инновационных экосистем, сотрудничество с научными центрами и участие в стартапах)	+		
6	Совершенствование коммерциализации (внедрение Stage-Gate систем оценки проектов, развитие маркетинга инноваций)	+	+	+
7	Кадровое обеспечение (внедрение программ развития инновационных компетенций и мотивационных систем для изобретателей)	+		+
8	Правовая защита результатов (оптимизация защиты авторских и патентных прав, разработка политики защиты секретов производства)		+	+
9	Информационно-аналитическая поддержка (внедрение систем интеллектуального анализа данных, мониторинга технологических новинок)		+	+
10	Культура инноваций (формирование ценностей креативности, снижение бюрократических барьеров для инициатив)	+		

Заключение

Таким образом, учёт интеллектуальных элементов позволит сократить время вывода инновации на рынок, повысить ROI инновационных проектов организации, усилить дифференциацию от конкурентов, увеличить рыночную капитализацию за счёт НМА. Корректное, поступательное планирование решений в области инновационного развития организации позволит: включить в его структуру специалистов по разработке ОИС, их технической охране и защите; поменять поход к человеческому потенциалу, учитывая срок действия авторских и патентных прав как части интеллектуального капитала физического лица, не принадлежащего организации; систематизировать и структурировать ОИС и иные данные внутри организации, способные оказать влияние на получение прибыли. Предпринятые меры призваны способствовать снижению затрат на судебную защиту ОИС, повысить эффективность работы организации по созданию и применению инноваций, создать комфортные условия для долгосрочного продуктивного сотрудничества в целях реализации её потенциала.

Список литературы:

1. Bogers, Marcel and Bekkers, Rudi and Granstrand, Ove, Intellectual Property and Licensing Strategies in Open Collaborative Innovation (January 1, 2012). Open innovation at firms and public administrations: technologies for value creation, Chapter 3, pp. 37–58, Carmen de Pablos Heredero and David López, eds., IGI Global, Hershey, PA, 2012, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1862530>.
2. Ioana Stefan, Pia Hurmelinna-Laukkanen, Wim Vanhaverbeke, Eeva-Liisa Oikarinen The dark side of open innovation: Individual affective responses as hidden tolls of the paradox of openness // Journal of Business Research. – 2022. – № 138. – p. 360–373. – doi: 10.1016/j.jbusres.2021.09.028
3. Бодрунов, С. Д. От экономики – к ноономике (тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально креативного аспекта (ноо) трансформации общества) / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2025. – № 1 (83). – С. 5–31. doi: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31.
4. Голубев, А. А. Структура и проблема организации инновационного процесса / А. А. Голубев, Б. А. Варламов // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2015. – № 3. – С. 254–261.
5. Ахмадеев, А. М. Структура инновационного процесса и особенности внедрения инноваций / А. М. Ахмадеев // Экономика и управление. Научно-практический журнал. – 2021. – № 6 (162) – С. 45–48.
6. Степанов, А. А. Социально-экономическая сущности содержание категорий "инновационный процесс" и "инновационная деятельность" (вопросы теории и методологии) / А. А. Степанов, М. В. Савина, И. А. Степанов // Экономические системы. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 28–38. – DOI 10.29030/2309-2076-2021-14-2-28-38.
7. Bogers, M., Foss, N. J., & Lyngsie, J. (2018). The “human side” of open innovation: The role of employee diversity in firm-level openness. Research Policy, 47(1), 218–231. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.10.012>.
8. Соколова, Н. Г. Человеческий потенциал и конкурентоспособность промышленного предприятия / Н. Г. Соколова, О. А. Перевозишкова // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2021. – № 4(47). – С. 32–37. – DOI 10.22213/2618-9763-2021-4-32-37.

9. Смолькин, В. П. Формирование механизмов интенсификации человеческого потенциала организации в обеспечении её конкурентоспособности / В. П. Смолькин, О. Ф. Удалов, В. В. Кутепова // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 3(56). – С. 456–460.
10. Федотов, А. А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая) / А. А. Федотов // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 2. – С. 53–65. – DOI 10.19181/population.2021.24.2.5.
11. Романова, Н. П. Управление человеческими ресурсами как форма использования человеческого потенциала / Н. П. Романова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 2. – С. 88–95. – DOI 10.21209/2227-9245-2019-25-2-88-95.
12. Бабаянц, А. Р. Место человеческого фактора в повышении конкурентоспособности фирмы / А. Р. Бабаянц, А. В. Захаров // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2023. – № 4(61). – С. 44–49. – DOI 10.47598/2078-9025-2023-4-61-44-49.
13. Балаханова, Д. К. Инвестиции в образование как фактор развития человеческого капитала / Д. К. Балаханова, Е. А. Окунькова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 123–130.
14. Голованова, О. С. Задачи и функции организационных механизмов адаптивного управления человеческим капиталом в цифровых экосистемах организаций / О. С. Голованова, Н. Н. Масюк // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 2(61). – С. 600–605.
15. Голованова, О. С. Матрица компетенций как инструмент адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации / О. С. Голованова, Н. Н. Масюк // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2(52). – С. 438–443.
16. Прогноз развития человеческого капитала в Российской Федерации в условиях изменений в мировой экономике / С. Ю. Глазьев, А. С. Воронов, М. В. Кудина, Л. Н. Орлова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 91. – С. 24–44. – DOI 10.24412/2070-1381-2022-91-24-44.
17. Черепанов, А. В. Управление индивидуальным человеческим капиталом в карьере сотрудников организаций / А. В. Черепанов, Г. А. Рехтина // Сибирская финансовая школа. – 2024. – № 2(154). – С. 132–139. – DOI 10.34020/1993-4386-2024-2-132-139.
18. Система управления развитием человеческого капитала организации в современных условиях / О. П. Овчинникова, С. В. Чемезов, А. А. Островская, О. Н. Летуновский // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 4, № 9(139). – С. 30–36. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.09.04.004.
19. Александрова, Н. С. Информация как родовое понятие некоторых объектов гражданских прав (на примере цифровых прав) / Н. С. Александрова // Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 64–68. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2020.1.8.
20. Кресс, В. В. Информация как объект гражданских прав / В. В. Кресс // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 5 (162). – С. 30–40. – DOI 10.17803/1994-1471.2024.162.5.030-040.
21. Мурзин, Д. В. Генетический материал как объект гражданских прав: вещь или информация? / Д. В. Мурзин // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 3. – С. 11–18. – DOI 10.34076/2410-2709-2024-141-3-11-18.
22. Квициния, Н. В. Информация и единая технология как непоименованные объекты гражданских прав / Н. В. Квициния, Д. Н. Давтян-Давыдова // Государственная служба и кадры. – 2022. – № 5. – С. 134–137. – DOI 10.56539/23120444_2022_5_134.

23. *Беликова, К.* Интеллектуальные права, информация и научная информация в фокусе внимания экономики права / К. Беликова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2019. – № 4. – С. 31–42.

24. *Беликова, К.* Интеллектуальные права, информация и научная информация в фокусе внимания экономики права / К. Беликова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2019. – № 5. – С. 23–31.

25. *Гусев, Б. В.* Научные открытия – айсберг развития физики, химии, математики и инженерии / Б. В. Гусев // Промышленное и гражданское строительство. – 2023. – № 8. – С. 100–101. – DOI 10.33622/0869-7019.2023.08.100-101.

26. *Нурғалиева, Г. А.* Научные открытия – основа фотожурналистики / Г. А. Нурғалиева, З. А. Кожыкбаева // Достижения науки и образования. – 2020. – № 14(68). – С. 59–60.

27. *Андрощук, Г.* Научные открытия: роль и значение в инновационной экономике / Г. Андрощук // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2014. – № 2. – С. 32–41.

28. *Леонтьев, Б. Б.* мониторинг правоприменения научных открытий / Б. Б. Леонтьев, В. Б. Леонтьева // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 4(45). – С. 74–80. – DOI 10.21681/2226-0692-2022-4-74-80.

29. *Корнеев, В. А.* Особенности государственной регистрации баз данных / В. А. Корнеев // Хозяйство и право. – 2020. – № 11(526). – С. 14–24.

30. *Рыжик, А. В.* Режим интеллектуальной собственности в научно-технической сфере в условиях цифровизации / А. В. Рыжик // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 10(238). – С. 225–228. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_10_225.

References:

1. Bogers, Marcel and Bekkers, Rudi and Granstrand, Ove, Intellectual Property and Licensing Strategies in Open Collaborative Innovation (January 1, 2012). Open innovation at firms and public administrations: technologies for value creation, Chapter 3, pp. 37–58, Carmen de Pablos Heredero and David López, eds., IGI Global, Hershey, PA, 2012, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1862530> (Дата обращения 12.05.2025).

2. Ioana Stefan, Pia Hurmelinna-Laukkanen, Wim Vanhaverbeke, Eeva-Liisa Oikarinen The dark side of open innovation: Individual affective responses as hidden tolls of the paradox of openness // Journal of Business Research. – 2022. – № 138. – p. 360–373. – doi: 10.1016/j.jbusres.2021.09.028.

3. Bodrunov S. D. Ot jekonomiki – k noonomike (tezisy k voprosu o strategirovanii intellektual'no kreativnogo aspekta (noo) transformacii obshhestva) [From economics to nononomy (theses on the issue of strategizing the intellectual and creative aspect of the transformation of society)] // Economic Revival of Russia. 2025. No. 1 (83). pp. 5–31. doi: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31. (In Russian).

4. Golubev, A. A. Struktura i problema organizacii innovacionnogo processa [The structure and problem of the organization of the innovation process] / A. A. Golubev, B. A. Varlamov // Scientific Journal of the National Research University of ITMO. Series: Economics and Environmental Management, 2015, No. 3, pp. 254–261. (In Russian).

5. Akhmadeev A. M. Struktura innovacionnogo processa i osobennosti vnedrenija innovacij. [The structure of the innovation process and the features of innovation implementation] // Economics and Management. Scientific and practical journal. 2021. No. 6 (162) pp. 45–48. (In Russian).

6. Stepanov, A. A. Social'no-jekonomicheskaja sushhnost'i sodержanie kategorij "innovacionnyj process" i "innovacionnaja dejatel'nost'" (voprosy teorii i metodologii) [Socio-economic essence and content of the category "innovation process" and "innovation activity" (issues of theory and methodology)] / A. A. Stepanov, M. V. Savina, I. A. Stepanov // Economic systems. – 2021. – Vol. 14, No. 2. – pp. 28–38. – DOI 10.29030/2309-2076-2021-14-2-28-38. . (In Russian).

7. Bogers, M., Foss, N. J., & Lyngsie, J. (2018). The “human side” of open innovation: The role of employee diversity in firm-level openness. *Research Policy*, 47(1), 218–231. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.10.012>.

8. Sokolova, N. G. Chelovecheskij potencial i konkurentosposobnost' promyshlennogo predpriyatija [Human potential and competitiveness of an industrial enterprise] / N. G. Sokolova, O. A. Perevoshchikova // Socio-economic management: theory and practice. – 2021. – No. 4(47). – Pp. 32–37. – DOI 10.22213/2618-9763-2021-4-32-37. (In Russian).

9. Smolkin, V. P. Formirovanie mehanizmov intensivifikacii chelovecheskogo potenciala organizacii v obespechenii ejo konkurentosposobnosti [Formation of mechanisms for intensifying the human potential of an organization in ensuring its competitiveness] / V. P. Smolkin, O. F. Udalov, V. V. Kutepova // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2023. – No. 3(56). – Pp. 456–460. (In Russian).

10. Fedotov, A. A. Kachestvo zhizni i chelovecheskij potencial v koncepcijah ustojchivogo i chelovecheskogo razvitija (chast' pervaja) [Quality of life and human potential in the concepts of sustainable and human development (part one)] / A. A. Fedotov // Population. – 2021. – Vol. 24, No. 2. – pp. 53–65. – DOI 10.19181/population.2021.24.2.5. (In Russian).

11. Romanova, N. P. Upravlenie chelovecheskimi resursami kak forma ispol'zovanija chelovecheskogo potenciala [Human resource management as a form of using human potential] / N. P. Romanova // Bulletin of the Trans-Baikal State University. – 2019. – Vol. 25, No. 2. – pp. 88–95. – DOI 10.21209/2227-9245-2019-25-2-88-95. (In Russian).

12. Babayants, A. R. Mesto chelovecheskogo faktora v povyshenii konkurentosposobnosti firmy [The place of the human factor in increasing the competitiveness of a company] / A. R. Babayants, A. V. Zakharov // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). – 2023. – No. 4(61). – Pp. 44–49. – DOI 10.47598/2078-9025-2023-4-61-44-49. (In Russian).

13. Balakhanova, D. K. Investicii v obrazovanie kak faktor razvitija chelovecheskogo kapitala [Investments in education as a factor of human capital development] / D. K. Balakhanova, E. A. Okunkova // Economics and management: problems, solutions. – 2019. – Vol. 3, No. 3. – pp. 123–130. (In Russian).

14. Golovanova, O. S. Zadachi i funkcii organizacionnyh mehanizmov adaptivnogo upravlenija chelovecheskim kapitalom v cifrovyh jekosistemah organizacij [Tasks and functions of organizational mechanisms of adaptive human capital management in digital ecosystems of organizations] / O. S. Golovanova, N. N. Masyuk // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2024. – No. 2(61). – Pp. 600–605. (In Russian).

15. Golovanova, O. S. Matrica kompetencij kak instrument adaptivnogo upravlenija chelovecheskim kapitalom v cifrovoj jekosisteme organizacii [Competence matrix as a tool for adaptive human capital management in the digital ecosystem of an organization] / O. S. Golovanova, N. N. Masyuk // Natural sciences and humanities research. – 2024. – No. 2(52). – Pp. 438–443. (In Russian).

16. Prognoz razvitija chelovecheskogo kapitala v Rossijskoj Federacii v uslovijah izmenenij v mirovoj jekonomike [Forecast of human capital development in the Russian Federation in the context of changes in the global economy]/ S. Y. Glazyev, A. S. Voronov, M. V. Kudina, L. N. Orlova // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2022. – No. 91. – pp. 24–44. – DOI 10.24412/2070-1381-2022-91-24-44. (In Russian).

17. Cherepanov, A. V. Upravlenie individual'nym chelovecheskim kapitalom v kar'ere sotrudnikov organizacij [Management of individual human capital in the career of employees of organizations] / A. V. Cherepanov, G. A. Rekhtina // Siberian Financial School. – 2024. – No. 2(154). – Pp. 132–139. – DOI 10.34020/1993-4386-2024-2-132-139. (In Russian).

18. O. P. Ovchinnikova, S. V. Chemezov, A. A. Ostrovskaya, O. N. Letunovsky, Sistema upravlenija razvitiem chelovecheskogo kapitala organizacii v sovremennyh uslovijah [Human capital development management system of an organization in modern conditions] // Economics and management: problems, solutions. – 2023. – Vol. 4, No. 9(139). – pp. 30–36. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.09.04.004. (In Russian).

19. Alexandrova, N. S. Informacija kak rodovoe ponjatie nekotoryh ob#ektov grazhdanskih prav (na primere cifrovyh prav) [Information as a generic concept of some objects of civil rights (on the example of digital rights)] / N. S. Alexandrova // The legal paradigm. – 2020. – Vol. 19, No. 1. – pp. 64–68. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2020.1.8. (In Russian).

20. Kress, V. V. Informacija kak ob#ekt grazhdanskih prav [Information as an object of civil rights] / V. V. Kress // Actual problems of Russian law. – 2024. – Vol. 19, No. 5(162). – pp. 30–40. – DOI 10.17803/1994-1471.2024.162.5.030-040. (In Russian).

21. Murzin, D. V. Geneticheskij material kak ob#ekt grazhdanskih prav: veshh' ili informacija? [Genetic material as an object of civil rights: thing or information?] / D. V. Murzin // Russian law: education, practice, science. – 2024. – No. 3. – pp. 11–18. – DOI 10.34076/2410-2709-2024-141-3-11-18. (In Russian).

22. Kvitsinia, N. V. Informacija i edinaja tehnologija kak nepoimenovannye ob#ekty grazhdanskih prav [Information and unified technology as unnamed objects of civil rights] / N. V. Kvitsinia, D. N. Davtyan-Davydova // Civil service and personnel. – 2022. – No. 5. – pp. 134–137. – DOI 10.56539/23120444_2022_5_134. (In Russian).

23. Belikova, K. Intellektual'nye prava, informacija i nauchnaja informacija v fokuse vnimanija jekonomiki prava [Intellectual property rights, information and scientific information in the focus of the economics of law] / K. Belikova // Intellectual property. Industrial property. – 2019. – No. 4. – pp. 31–42. (In Russian).

24. Belikova, K. Intellektual'nye prava, informacija i nauchnaja informacija v fokuse vnimanija jekonomiki prava [Intellectual property rights, information and scientific information in the focus of legal economics] / K. Belikova // Intellectual property. Industrial property. – 2019. – No. 5. – pp. 23–31. (In Russian).

25. Gusev, B. V. Nauchnye otkrytija – ajsberg razvitiya fiziki, himii, matematiki i inzhenerii [Scientific discoveries – the iceberg of the development of physics, chemistry, mathematics and engineering] / B. V. Gusev // Industrial and civil engineering. – 2023. – No. 8. – pp. 100–101. – DOI 10.33622/0869-7019.2023.08.100-101. (In Russian).

26. Nurgaliyeva, G. A. Nauchnye otkrytija – osnova fotozhurnalistiki [Scientific discoveries – the basis of photojournalism] / G. A. Nurgaliyeva, Z. A. Kozhykbaeva // Achievements of science and education. – 2020. – No. 14(68). – Pp. 59–60. (In Russian).

27. Androshchuk, G. Nauchnye otkrytija: rol' i znachenie v innovacionnoj jekonomike [Scientific discoveries: the role and significance in the innovative economy] / G. Androshchuk // Intellectual property. Industrial property. 2014. No. 2. pp. 32–41. (In Russian).

28. Leontiev, B. B. Monitoring pravoprinenenija nauchnyh otkrytij [Monitoring the enforcement of scientific discoveries] / B. B. Leontiev, V. B. Leontieva // Monitoring law enforcement. – 2022. – No. 4(45). – Pp. 74–80. – DOI 10.21681/2226-0692-2022-4-74-80. (In Russian).

29. Korneev, V. A. Osobennosti gosudarstvennoj registracii baz dannyh [Features of the state registration of databases] / V. A. Korneev // *Economy and law*. – 2020. – No. (526). – Pp. 14–24. (In Russian).

30. Ryzhik, A. V. Rezhim intellektual'noj sobstvennosti v nauchno-tehnicheskoy sfere v usloviyah cifrovizacii [Intellectual property regime in the scientific and technical sphere in the context of digitalization] / A. V. Ryzhik // *Agricultural and land law*. – 2024. – No. 10(238). – Pp. 225–228. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_10_225. (In Russian).

Y. A. Lozina³. Managing Intellectual Elements of the Innovation Process as a Factor of Increasing Organization Efficiency. The paper identifies the intellectual elements of the innovation process that affect its effectiveness. The first stage of the innovation process is associated with the generation of knowledge and the creative activity of the author, which is characterized by weak legal protection and the impossibility of its full assessment. The paradox of openness, the need to control the amount of knowledge for the exchange of it between organizations requires the development of a strategy to expand the boundaries of the legal protection of the OIC while respecting the interests of all stakeholders on the basis of trust mechanisms. The division of intellectual elements into impact objects made it possible to identify areas for improving the development of the innovation process. It is established that the continuous improvement of intellectual capital and investments in it by the organization, as well as the freedom of the author based on commercialization, form a new model of cooperation. This model includes not only decent pay and career growth, but also the participation of the author in the management of the company and the distribution of income from the use of IPOs. The revealed contradiction between the creation and appropriation of RID necessitates the inclusion of certain categories in civil circulation, the unification of terminology in law and economics, and the simplification of mechanisms for securing IPR rights. At the same time, intellectual elements are understood as the creative components of the innovation process, ideas, knowledge, and RID, which, as a result of their transformation, are capable of making a profit.

Keywords: innovation process, elements of efficiency improvement, intellectual property, intangible assets, knowledge management, the paradox of openness, human capital, intellectual elements.

³ *Yulia A. Lozina*, Deputy Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (1 Pilot Pilyutova str., St. Petersburg, 198206, Russia), Candidate of Law, Associate Professor; e-mail: 1612ulia.l@mail.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-148-162

*Е. А. Хотеева*¹, *С. В. Шабаева*²

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МИГРАЦИИ В КАДРОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ³

Стратегические приоритеты в развитии Арктической зоны РФ (далее – АЗ РФ) заключаются в обеспечении высокого качества жизни населения, рациональном использовании ресурсов, развитии транспортной инфраструктуры, обеспечении безопасности. С одной стороны, для успешной реализации долгосрочных ориентиров необходимо их соответствующее кадровое обеспечение; с другой – АЗ РФ характеризуется постоянным миграционным оттоком и убылью населения. Цель статьи – исследование и оценка трудовой миграции как одного из ключевых факторов ресурсного обеспечения АЗ РФ для реализации принятых стратегических приоритетов развития. Анализ основан на методологии стратегирования академика В. Л. Квинта и концепции стратегического управления трудовыми ресурсами И. В. Новиковой. В основу количественной оценки достаточности объёмов трудовой миграции заложены расчёты с использованием балансового метода прогнозных показателей ежегодной дополнительной кадровой потребности экономики в квалифицированных кадрах и объёмов входящего миграционного потока в АЗ РФ. В ходе исследования доказана недостаточность трудовой миграции как источника кадрового обеспечения экономики АЗ РФ для реализации принятых приоритетов развития. Для решения данного вопроса выявлены возможности миграции по направлениям: реальная и виртуальная миграция, сдерживание миграции. Предложено использовать стратегическую мотивацию на базе выявленных мотивационных драйверов мигрантов с целью их долгосрочного привлечения в АЗ.

Ключевые слова: стратегические приоритеты, ресурсное обеспечение, трудовая миграция, кадровая потребность экономики, виртуальная миграция.

УДК 330.352

¹ *Евгения Александровна Хотеева*, младший научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета (185910, РФ, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), e-mail: ehoteeva@petsu.ru.

² *Светлана Владимировна Шабаева*, профессор кафедры финансов, финансового права Петрозаводского государственного университета (185910, РФ, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), д-р экон. наук, e-mail: sigova@petsu.ru.

³ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект №22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

Введение

Стратегическое значение АЗ РФ в национальной экономике и безопасности определяется её существенным участием в формировании ВВП страны, текущим и перспективным минерально-сырьевым и транспортным потенциалом, а также ключевой военной инфраструктурой. Стратегия развития АЗ РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года⁴ определяет достижение таких целей, как высокое качество жизни и благосостояния населения; развитие АЗ РФ как стратегической ресурсной базы; рациональное использование ресурсов для ускорения экономического роста страны; развитие Северного морского пути; развитие науки и технологий; разработка и внедрение технологий для освоения Арктики; обеспечение военной безопасности.

Реализация приоритетов, как воплощение обозначенных выше целей развития, происходит на фоне убыли постоянного населения в АЗ РФ, сократившегося с 2013 по 2023 год на 12,9 %⁵. Численность населения в трудоспособном возрасте сократилась более интенсивными темпами – на 15 %. На фоне наблюдающихся демографических процессов исследование стратегического значения миграционного движения населения является актуальной задачей как для страны в целом, так и для отдельных регионов. Одним из целевых показателей реализации Стратегии развития АЗ РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года является коэффициент миграционного прироста с целевым значением 2 промилле к 2035 году.

Согласно теории и методологии стратегирования В. Л. Квинта, разработанная стратегия должна обладать соответствующими ресурсами и инструментами, которые обеспечивают конкурентные преимущества АЗ РФ и достижение показателей и индикаторов развития [1]. Этот тезис нашёл своё подтверждение и на заседании Государственного Совета Российской Федерации по Арктике в октябре 2024 года. Было озвучено, что «верхнеуровневые стратегические документы, определяющие развитие Арктики, в настоящее время, не защищены в части обеспечения ресурсами и инструментами реализации: это в конечном итоге не позволяет в полной мере достигать поставленных целей»⁶. Особый вопрос – кадровое обеспечение любой стратегии развития. Для реализации приоритетов нужна квалифицированная и, что крайне важно, мотивированная с учётом специфики Арктики, кадровая база для дальнейшего освоения территорий геостратегического значения.

Согласно концепции стратегического управления трудовыми ресурсами И. В. Новиковой [2], разработанная стратегия должна сопровождаться соответствующей стратегией кадрового обеспечения. Особенно это важно для таких территорий как АЗ РФ, где снижается демографическая база для формирования трудовых

⁴ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации № 645 от 26 октября 2020 г. // Информационно-правовой портал: Гарант.ру: (дата обращения: 16.01.2025).

⁵ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 20.10.2024).

⁶ В обеспечении реализации Стратегии АЗ РФ есть разрывы: об этом гендиректор ПО-РА сообщил на заседании комиссии Госсовета РФ по Арктике. – <https://goarctic.ru/politics/maksim-dankin-v-obespechenii-realizatsii-strategii-azrf-est-razryvy/> (дата обращения: 01.11.2024).

ресурсов, и миграция играет ключевую роль как в воспроизводстве населения, так и в кадровом обеспечении экономики и социальной сферы.

Вопрос значения миграции в кадровом обеспечении находит своё отражение в результатах актуальных научных исследований. Так, Кудасева М. и Редозубов И. отмечают, что приток трудовых мигрантов стимулирует экономический рост: в регионах-реципиентах миграция оказывает небольшое, но значимое положительное влияние на валовый региональный продукт (ВРП), а в регионах-донорах – на заработную плату [3].

В. П. Соловьёв и Т.А Перескокова анализируют «переполненность» студенческой молодёжью г. Москвы. На 10 тыс. жителей города приходится 470 студентов, а в регионах ЦФО в целом – только 230 (в два раза меньше) [4]. Исследователи приходят к выводу, что при такой ситуации система высшего образования вряд ли обеспечит современными кадрами экономику регионов страны. В условиях указанного дисбаланса подготовки кадров в региональном измерении всё больше возрастает роль трудовой постобразовательной миграции в кадровом обеспечении экономики отдалённых от федерального центра территорий. Доступность трудовых ресурсов, обеспеченность экономики персоналом в концепции устойчивого развития арктических городов рассматриваются в работе под редакцией R. W. Ortung [5]. Также в зарубежной литературе по тематике исследования рассматривается арктическая миграция в контексте вопроса урбанизации, а также с точки зрения моделей выявления закономерностей арктической миграции, учитывающих гораздо больше факторов, нежели зарплатный [6].

М. М. Низамутдинов и В. В. Орешников прогнозируют коэффициент миграции в регионе с учётом предложенного авторами единого интегрального показателя уровня развития социальной инфраструктуры как основного фактора миграции. Согласно их расчётам, реализация базового сценария позволит повысить миграционную привлекательность одного из арктических субъектов – Мурманской области [7]. В части реализации стратегий социально-экономического развития в субъектах РФ И. В. Генчиковой отмечено, что далеко не все регионы в стратегиях учитывают показатели миграционного движения, причины и направления миграционных потоков, а это является одним из важнейших условий развития человеческого потенциала [8].

В то же время необходимо отметить, что при широком разнообразии исследований практически отсутствуют работы, которые бы анализировали стратегическое значение миграции как одного из ключевых факторов ресурсного обеспечения АЗ РФ для реализации установленных приоритетов. С одной стороны, стратегия уже реализуется, с другой – не учитывается её ресурсная обеспеченность, не уделяется внимание неравномерности кадрового обеспечения экономики, нет оценок достаточности миграции как фактора развития количественных и качественных характеристик народонаселения геостратегического региона.

С учётом вышеизложенного, целью настоящей статьи является исследование трудовой миграции как одного из ключевых факторов ресурсного обеспечения стратегических приоритетов Российской Арктики.

Методология и методы исследования

Исследование строится на методологии стратегирования академика В. Л. Квинта и концепции стратегического управления трудовыми ресурсами И. В. Новиковой. В соответствии с методологией стратегирования проведена оценка

трудоустройственной миграции как источника кадрового обеспечения стратегического развития АЗ РФ.

В основе количественной оценки достаточности объёмов трудовой миграции лежат расчёты с использованием балансового метода прогнозных показателей ежегодной дополнительной кадровой потребности экономики в квалифицированных кадрах и объёмов входящего миграционного потока в АЗ РФ.

На основе представленных данных анализируются возможности формирования трудовых ресурсов АЗ РФ в части развития виртуальной миграции и сдерживания миграционных настроений постоянного населения АЗ РФ. Предложено использовать стратегическую мотивацию на базе выявленных мотивационных драйверов мигрантов с целью их долгосрочного привлечения в Арктическую зону.

Эмпирической основой исследования являются данные Росстата:

- показатели миграционного движения населения на уровне муниципальных образований Федерального статистического наблюдения по форме №1-ПРИБ «Сведения о прибывших гражданах Российской Федерации»⁷;
- итоги выборочного «Обследования рабочей силы»⁸;
- отдельные показатели миграции и развития АЗ РФ, опубликованные в разделе «Арктическая зона РФ» на Интернет-портале Росстата⁹;

Использованы прогнозные показатели ежегодной дополнительной потребности в кадрах экономики арктических территорий субъектов АЗ РФ, разработанные Петрозаводским государственным университетом по заказу АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» и согласованные с региональными органами исполнительной власти субъектов АЗ РФ¹⁰.

⁷ «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации федерального статистического наблюдения за миграцией населения» (вместе с "Указаниями по заполнению форм федерального статистического наблюдения N 1-ПРИБ "Сведения о прибывших гражданах Российской Федерации", N 1-ВЫБ "Сведения о выбывших гражданах Российской Федерации", N 1-ПРИБ ИнГр "Сведения о прибывших иностранных гражданах и лицах без гражданства", N 1-ВЫБ ИнГр "Сведения о выбывших иностранных гражданах и лицах без гражданства"): Приказ Росстата от 15.09.2020 N 545 (ред. от 28.10.2021) // Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362606/aa123421eed4f5be329b159a78843e16cf19aacd/ (дата обращения: 01.11.2024).

⁸ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Росстат [сайт]. 2024. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 27.10.2024).

⁹ Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации // Росстат. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html (дата обращения: 27.12.2024).

¹⁰ Показатели разработаны Петрозаводским государственным университетом по заказу АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» в соответствии с договором № 0000000035022P010002/498/22 от 24.08.2022 г. на оказание услуг по определению текущей и перспективной кадровой потребности отраслей экономики и социальной сферы субъектов Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗ РФ), исследованию количественных показателей кадровой подготовки системой образования АЗ РФ, образовательной и постобразовательной миграции в АЗ РФ.

Одним из методологических положений в исследовании выступает предложенная авторами «узкая трактовка» трудовой миграции, полученная на основе анализа теоретических подходов к определению сущности трудовой миграции [9–11]. В предлагаемой узкой трактовке трудовая миграция – это перемещение рабочей силы, имеющей выраженную мотивацию к труду, сопряжённую со спецификой рынка труда региона вселения, и выступающей в качестве одного из источников кадрового обеспечения экономики регионов. На основе представленной методологии получены результаты исследования трудовой миграции как одного из важнейших факторов ресурсного обеспечения стратегических приоритетов АЗ РФ.

Результаты и обсуждение

Межрегиональная долговременная миграция: ключевое значение в развитии АЗ РФ

Согласно методологии В. Л. Квинта, обеспечение всеми видами необходимых ресурсов стратегии и их количественный анализ при оценке достаточности ресурсов имеет исключительную значимость [1]. Ключевыми элементами стратегирования являются оценка требуемых ресурсов для системы приоритезации конкурентных преимуществ, возможностей, целей. Трудовые ресурсы при реализации любой стратегии – одни из важнейших среди всего многообразия ресурсов. Согласно основам управления трудовыми ресурсами И. В. Новиковой [12], элементами и функциями стратегического управления ими являются стратегическое лидерство, мотивация, планирование, мониторинг и контроль на национальном, региональном и корпоративном уровнях.

Успешная реализация Стратегии развития АЗ РФ достижима при соблюдении ресурсного обеспечения реализации стратегических приоритетов [13], при этом действующая Стратегия не обеспечена необходимыми количественными и качественными оценками трудовых ресурсов, что дополнительно актуализировано и непростой ситуацией снижения численности постоянного населения. С учётом выхода на положительный миграционный прирост в 2023 году в АЗ РФ¹¹, проведём оценку миграции как возможности развития АЗ РФ и, в частности, её кадрового обеспечения.

В общей структуре миграционных перемещений в АЗ РФ основное место занимает именно межрегиональная миграция. Согласно данным Росстата в 2023 г. общая численность населения, задействованная в межрегиональных перемещениях между АЗ РФ и другими субъектами России, составила 134,5 тыс. чел.: численность переехавших с территорий АЗ РФ в другие регионы России – 66,4 тыс. чел.; приток мигрантов в АЗ РФ – 68,0 тыс. чел. О положительном воздействии экономических и социальных изменений свидетельствует положительный миграционный прирост в АЗ РФ в 2023 году, зафиксированный впервые за прошедшие десять лет.

Межрегиональный миграционный поток, главным образом, состоит из граждан в трудоспособном возрасте. Межрегиональная трудовая миграция оценивается по численности занятого населения, въезжающего на работу в субъект РФ в соответствии с итогами выборочного «Обследования рабочей силы» Росстата. Согласно дан-

¹¹ Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации // Росстат. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html (дата обращения: 27.12.2024).

ным на рисунке 1, по субъектам РФ, территории которых частично или целиком входят в АЗ РФ, наблюдается рост численности занятых, въезжающих на работу.

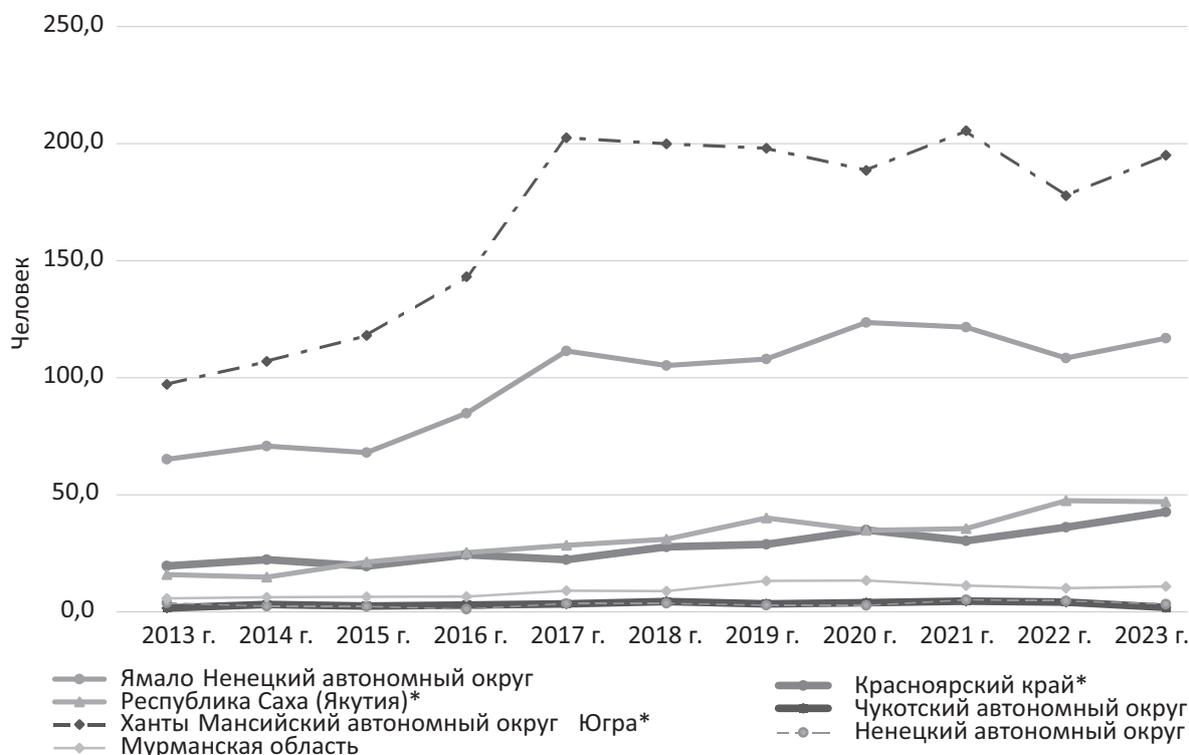

Рис. 1. Динамика численности занятого населения, въезжающего на работу в субъект (тыс. чел.) (источник: составлено авторами по данным Росстата)¹²

Для Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов характерны высокие показатели численности занятого населения, въезжающего на работу в субъект и более низкие, чем в среднем по России, уровни занятости населения. Ситуация обусловлена нарастанием объёмов использования вахтовой занятости, как особой специфической черты рынка труда и экономики АЗ РФ [14]. На состояние и характеристики народонаселения региона оказывает влияние не временная миграция, а перемещения, связанные с изменением постоянного места жительства – долговременная (постоянная) миграция. Долговременная миграция влияет на численность постоянного населения, его возрастной, образовательный и профессиональный состав.

Для оценки доли межрегиональной трудовой миграции в общем миграционном потоке в АЗ РФ, связанной со сменой места жительства по причине работы, использованы данные Росстата по форме № 1-ПРИБ. По данной форме для граждан в возрасте от 14 лет отмечается «основное обстоятельство, вызвавшее необходимость переселения». Одно из обстоятельств – «в связи с работой» – фиксирует тех, кто меняет место жительства по причине трудоустройства. Согласно оценке, удельный вес

¹² Данные представлены в целом по субъекту РФ, территории которого входят в АЗ РФ.

прибывших, сменивших место жительства в связи с работой, по регионам, целиком входящим в АЗ РФ, составляет 28,3 %¹³.

Полученная оценка на представленных статистических данных о причинах смены места жительства не в полной мере корреспондируется с существующим в научном сообществе мнением, что миграция населения в направлении АЗ РФ продиктована в основном экономическими мотивами. Так, согласно данным выборочного опроса молодёжи АЗ РФ, основной причиной переезда в АЗ РФ для подавляющей части молодёжи, совершившей переезд на арктические территории, является «работа» – 57,7 % [15]. Таким образом, зафиксированный тренд трудовой миграции в направлении АЗ РФ показал, что существует стратегический интерес и мотивация населения к своей профессиональной реализации на территории арктических субъектов РФ. В пользу этого вывода говорит и отмеченный по данным Росстата положительный миграционный прирост в 2023 году. Миграция населения является действенной и исключительно важной возможностью для ресурсного обеспечения АЗ РФ для реализации принятых стратегических приоритетов развития с точки зрения присутствия, сохранения и наращивания человеческих ресурсов.

Оценка достаточности трудовой миграции в кадровом обеспечении АЗ РФ

Мониторинг и обеспечение реализации приоритетов и целей на этапе стратегического планирования согласно общей методологии стратегирования В. Л. Квинта и методологии стратегического управления трудовыми ресурсами И. В. Новиковой, связаны с количественными показателями [21]. Количественная оценка трудовой миграции в кадровом обеспечении экономики АЗ РФ, имеет первостепенное значение с точки зрения исторического освоения этой территории и специфики формирования и производства рабочей силы. В первую очередь, важно выявить достаточность, сбалансированность или избыточность трудовой миграции в силу того, что процессы миграции носят стратегический характер в АЗ РФ.

Стратегическое значение трудовой миграции в АЗ РФ, помимо положений Стратегии развития АЗ РФ об опасности миграционного оттока, обуславливают некоторые объективные экономические предпосылки:

1. Региональные системы образования труднодоступных территорий не готовы в полной мере обеспечить полноценную подготовку квалифицированных кадров в количественном отношении [16].

2. Растёт вахтовая занятость и значение внутрirosсийской миграции в АЗ РФ. Согласно исследованию [17], три четверти трудовых мигрантов сосредоточены в добыче полезных ископаемых и строительстве.

3. Движущая сила миграции – это поиск работы. Ввиду снижения межрегиональной дифференциации наблюдается сокращение арктических рынков труда [18].

¹³ Количественная оценка проведена по данным 2019 года, так как данный период до пандемии более объективно воспроизводит картину по трудовой миграции до ограничительных мер на территориальные перемещения. Для оценки использованы данные численности прибывших в арктические субъекты в возрасте от 14 лет по причине смены места жительства (обстоятельство, вызвавшее необходимость смены жительства – в связи с работой) по форме №1-ПРИБ, полученные по специальному запросу от Росстата.

В ходе исследования было проведено сопоставление данных о численности прибывших в арктические субъекты РФ в трудоспособном возрасте в рамках межрегиональной миграции с показателями ежегодной дополнительной кадровой потребности и необходимой численности трудовых мигрантов как источника обеспечения кадровой потребности, представленное на рис. 2.

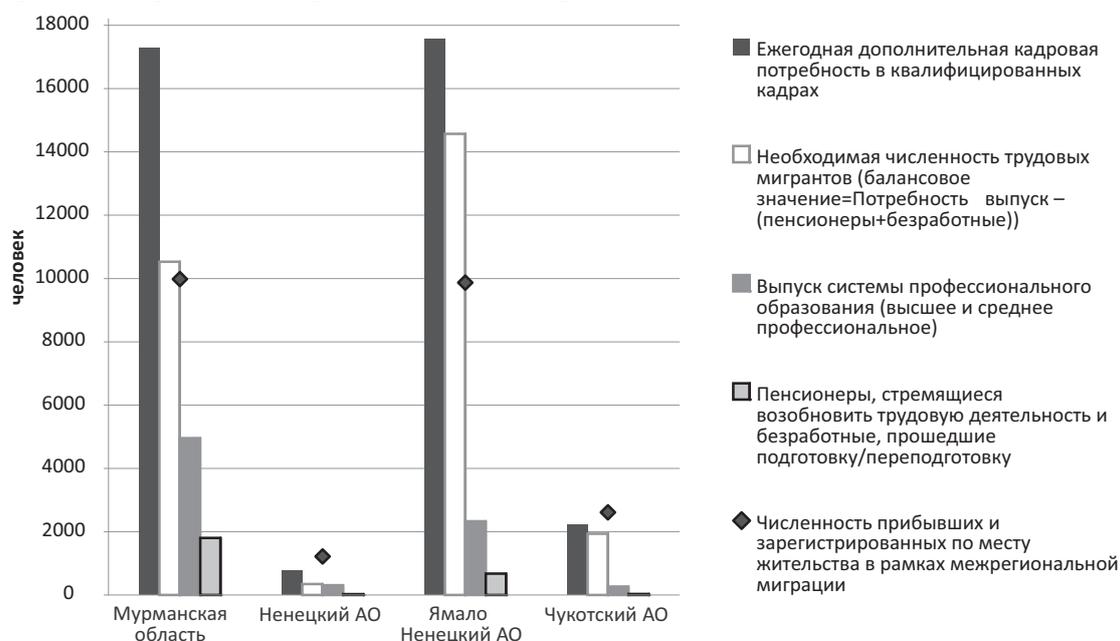

Рис. 2. Ежегодная дополнительная потребность экономики в квалифицированных кадрах и межрегиональная миграция, 2023 год, (человек) (источник: составлено авторами по данным Росстата с использованием показателей кадровой потребности экономики АЗ РФ и источников её обеспечения)¹⁴

В результате сопоставления данных определено, что трудовая миграция в направлении АЗ РФ недостаточна для обеспечения той части потребности экономики в кадрах, которая должна быть обеспечена миграцией наряду с выпуском системы профессионального образования, переподготовкой безработных и пенсионеров, стремящихся возобновить трудовую деятельность. Учитывая, что рабочая сила представляется тем фактором (ресурсом), дефицит и низкая мобильность которого приводит к снижению эффективности или к неспособности реализации стратегических приоритетов [19], необходимо выявить возможности формирования трудовых ресурсов с учётом особенностей АЗ РФ.

¹⁴ Показатели рассчитаны и с участием авторов согласованы с органами исполнительной власти субъектов АЗ РФ на основе макроэкономической методики прогнозирования кадровой потребности специалистами Центра бюджетного мониторинга по заказу АО «Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики в 2022 г. Интегральные показатели представлены на Интернет-портале «Кадры для Арктики». URL: <http://www.azrf.labourmarket.ru/#>.

пределы [22]. Для работодателей расширяется спектр подбора сотрудников; для работников открываются перспективы трудоустройства. Минимизируются некоторые нежелательные аспекты, которые возникают в ходе реальной миграции: сопутствующие проблемы релокации (финансовые, бытовые, адаптационные и т. д.); потеря ВРП, который могла бы произвести выбывшая рабочая сила; потеря специалистов территориями др. [2]. Очевидно, что данная форма занятости будет развиваться синхронно с развитием информационно-коммуникационных технологий.

Для анализа ресурсной обеспеченности виртуальной миграции, реальной миграции и закрепления населения мы, в свою очередь, также рассматриваем ресурсную обеспеченность: финансовые, информационные и технологические ресурсы. Как показано на рис. 3, важно констатировать присутствие ресурсов в АЗ РФ для всех анализируемых возможностей формирования трудовых ресурсов, которые имеют потенциал развития и масштабирования. Данный тезис делает обоснованным статус трудовой миграции как стратегического приоритета.

В части организации реальной или виртуальной миграции есть некоторые ограничения технологических ресурсов (снижение числа передовых производственных технологий, не 100 %-ый охват доступа к устройствам и Интернету; не определена численность работников с цифровыми компетенциями). В сдерживании миграции и повышении «закрепляемости» населения важно отметить недостаточно удовлетворительное состояние инфраструктуры АЗ РФ (не 100 %-е благоустройство жилых помещений, несоответствие доходов росту цен и т. д.).

Для практической реализации предложенных возможностей трудовой миграции целесообразно использовать элементы стратегической мотивации, включающие выявленные в предыдущих исследованиях авторов мотивационные драйверы мигрантов с целью их долгосрочного привлечения в Арктическую зону [23, 24]. Мотивационные драйверы складываются из сочетания условий внешней среды и личностных характеристик индивидов, оказывающих нелинейное комбинированное воздействие на принятие решения о миграции. Например, такие факторы миграции как профессиональная реализация, климат и экология, получение образования, стремление к самостоятельности, семья, социальные связи рассматривались в совокупности с качествами личности как амбициозность, лидерство, индивидуализм, честность, профессионализм для активного и пассивного миграционного настроения личности.

Новый подход к мотивации необходим, т.к. стимулирующая роль высокой заработной платы в Арктике падает, и ей на смену приходят уровень качества жизни и расширение спектра и разнообразия потребительского поведения: важно развитие социальной сферы, инфраструктуры (сферы образовательных, медицинских и досугово-развивающих услуг).

Таким образом, с учётом выявленных стратегических возможностей для развития трудовой миграции в Арктической зоне России, а также конкурентных преимуществ развития трудовых ресурсов в этом регионе становится очевидной стратегическое значение миграции АЗ РФ, как в важнейшей геостратегической зоне нашей страны.

Заключение

Ресурсное обеспечение действующей стратегии – это неотъемлемая часть её реализации. Непроработанное кадровое обеспечение делает сомнительной возможность достижения целей стратегического развития и конкретных показателей и инди-

каторов. Ряд важнейших задекларированных задач в программном документе стратегического развития АЗ РФ не подкреплены ясным и прозрачным ресурсным обеспечением. Это значительно уменьшает возможности эффективного долгосрочного развития АЗ РФ, приводит к усилению уже имеющихся дисбалансов в кадровом обеспечении.

Трудовая миграция – действительная обоснованная возможность для АЗ РФ, которую необходимо принимать во внимание в целях кадрового обеспечения значимых экономических и социальных проектов. В большинстве арктических субъектов наблюдается рост занятых, въезжающих на работу в АЗ РФ. Миграционный поток в этом регионе обусловлен экономическими мотивами и стремлением к трудоустройству.

Сопоставление данных миграции и кадровой потребности экономики показало недостаточность входящего потока миграции, связанного с переездом в АЗ РФ на постоянное место жительства. Стратегический вызов, обусловленный цифровизацией экономики, демонстрирует потенциал виртуальной миграции, которую представляется возможной развивать наряду с реальной одновременной миграцией, обусловленной целями трудоустройства. Для развития и масштабирования виртуальной миграции присутствуют необходимые ресурсы, а также обозначены некоторые ресурсные ограничения, в случае преодоления которых виртуальная миграция, как новая форма дистанционной занятости, будет способствовать повышению трудовой мобильности населения и росту численности занятых в экономике АЗ РФ.

В целях преодоления дефицита трудовых ресурсов за счёт трудовой миграции целесообразно использовать стратегическую мотивацию на базе выявленных мотивационных драйверов мигрантов.

Ресурсное подкрепление стратегических ориентиров служит реализации миссии любой стратегии, которая, по мнению В. Л. Квинта, заключается в повышении качества жизни человека [1]. В настоящей статье авторами обосновано, что трудовая миграция в развитии АЗ РФ имеет стратегическое значение. Трудовая миграция должна находиться под постоянным многоплановым мониторингом, который обеспечит на всех уровнях согласованность действий и решений при реализации стратегических приоритетов в АЗ РФ.

Таким образом, трудовая миграция является важным стратегическим ресурсом для развития Арктической зоны России. Она позволяет компенсировать дефицит рабочей силы, развивать ключевые отрасли экономики, пополнять демографические ресурсы, реализовывать стратегические приоритеты страны в регионе.

Список литературы

1. *Квинт, В. Л.* Концепция стратегирования / В. Л. Квинт. – Кемерово: КемГУ, 2022. – 170 с.
2. *Новикова, И. В.* Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике: монография / И. В. Новикова; под науч. ред. В. Л. Квинта. – Кемерово: КемГУ, 2020. – 254 с.
3. *Кудаева, М.* Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте: серия докладов об экономических исследованиях / М. Кудаева, М. Редозубов. – Центральный банк РФ, 2021. https://cbr.ru/StaticHtml/File/131869/wp_khab_dec.pdf.
4. *Соловьев, В. П.* Инженерные кадры для новой экономики / В. П. Соловьев, Т. А. Перескокова // Экономика промышленности. – 2022. – № 15(3). – С. 380–392. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-3-380-392>.

5. Urban sustainability in the Arctic: measuring progress in circumpolar cities / ed. by Robert W. Orttung // New York, Oxford. 2020. 310 p. DOI:10.1080/00207233.2020.1817277.
6. Howe, L. Patterns of migration in Arctic Alaska. 2009. *Polar Geography*, 32(1–2), С. 69–89. <https://doi.org/10.1080/10889370903000422>.
7. Низамутдинов, М. М. Моделирование и прогнозирование влияния развития социальной инфраструктуры на межрегиональную миграцию в России / М. М. Низамутдинов, В. В. Орешников // *Экономика промышленности*. – 2021. – №14(4). – С. 471–480. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-4-471-480>.
8. Генчикова, И. В. Развитие человеческого потенциала в стратегиях российских регионов / И. В. Генчикова // *Экономическое возрождение России*. – 2022. – № 1(71). – С. 155–162. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-1-71-155-162.
9. Вечканов, Г. С. Миграция трудовых ресурсов в СССР: Полит.- экон. аспект / Г. С. Вечканов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 143 с.
10. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев. – М.: Формула права, 2007. – 576 с.
11. Парикова, Н. А. Управление миграционными потоками иностранных работников / Н. А. Парикова // *Экономика и управление*. – 2012. – № 4 (78). – С. 46–53.
12. Новикова, И. В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами (практикум): учебное пособие / И. В. Новикова; под науч. ред. В. Л. Квинта. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАН-ХиГС, 2024. – 112 с.
13. Новикова, И. В. Инструменты ресурсного обеспечения стратегических приоритетов развития Арктической зоны России / И. В. Новикова, М. К. Алимуратов // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. – 2024. – № 4. – С. 42–52. doi:10.37614/2220-802X.4.2024.86.003.
14. Гуртов, В. А. Вахтовая занятость в экономике Арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики / В. А. Гуртов, И. С. Степусь // *Общество и экономика*. – 2023. – № 6. – С. 90–108.
15. Симакова, А. В. Региональный аспект миграционных установок молодёжи в российской Арктике / А. В. Симакова, Е. А. Хотеева, И. С. Степусь [и др.] // *Народонаселение*. – 2024. – Т. 27, – № 1. С. 136–152.
16. Волгин, Н. А. Российская Арктика: социально-трудовые и демографические особенности развития / Н. А. Волгин, Л. Н. Широкова, Л. Л. Мосина // *Социально-трудовые отношения*. – 2019. – №1. – С. 117–133.
17. Терентьев, Н. Е. Состояние и перспективы рынка труда территорий Российской Арктики в контексте задач повышения качества жизни населения / Н. Е. Терентьев, А. Г. Коровкин, И. Б. Королев. – Научные труды ИМП РАН, 2019. – С. 341–359. https://doi.org/10.29003/m824.sp_ief_ras2019/341-359.
18. Долгова, И. Н. Состояние рынков труда азиатской части российской Арктики после 2013 года / И. Н. Долгова, А. Г. Коровкин, А. Л. Сеница // *Проблемы прогнозирования*. – 2023. – № 2 (197). – С. 44–56. DOI: 10.47711/0868-6351-197-44-56.
19. Квинт, В. Л. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики / В. Л. Квинт, И. В. Новикова, М. К. Алимуратов, Н. И. Сасаев // *Управленческое консультирование*. 2022. № 9. С. 57–67. DOI 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67.

25. Новикова, И. В. Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы / И. В. Новикова // Стратегирование: теория и практика. – 2021. – № 1 (1). – С. 57–65. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65/>.

21. Горин, Е. А. Экономика знаний и новые кадры для промышленности / Е. А. Горин // Экономическое возрождение России. 2024. – 1 (79). – С. 37–48. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-37-48.

22. Новикова, И. В. Стратегическое развитие трудовых ресурсов Дальнего Востока России: монография / И. В. Новикова; под науч. ред. С. М. Дарькина, В. Л. Квинта. – М.: Креативная экономика, 2019. – 158 с.

23. Степуть, И. С. Мотивационные драйверы миграции населения (на примере молодежи Арктической зоны России) / И. С. Степуть, А. О. Аверьянов, Е. А. Хотеева, А. В. Симакова, С. В. Шабаева // Регион: экономика и социология. – №3. – 2024. – С. 98–125.

24. Хотеева, Е. А. Мотивы миграции молодежи в Арктическую зону РФ на современном этапе / Е. А. Хотеева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 172–187. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.10.

References

1. Kvint V. L. (2022) Kontseptsiya strategirovaniya [The Concept of Strategizing]. 2nd edition. Kemerovo: Kemerovo State University, 170 p.

2. Novikova I. V. (2020) Kontseptsiya strategii zanyatosti naseleniya v tsifrovoy ekonomike [The Concept of Employment Strategy for the Digital Economy]. Kemerovo: Kemerovo State University, 254 p.

3. Kudaeva M., Redozubov I. (2021) Vliyanie migratsionnykh potokov na ekonomicheskuyu aktivnost' i rynek truda Rossii v tselom i regional'nom aspekte: seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniyakh [The Impact of Migration Flows on Economic Activity and the Labor Market in Russia in General and in Regional Aspects: A Series of Economic Research Reports]. Moscow: Central Bank of the Russian Federation. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/131869/wp_khab_dec.pdf.

4. Solovyov V. P., Pereskokova T. A. (2022) Inzhenernyye kadry dlya novoy ekonomiki [Engineering Personnel for the New Economy]. Russian Journal of Industrial Economics, 15 (3), pp. 380–392. DOI: 10.17073/2072-1633-2022-3-380-392.

5. Ortung R. W. (Ed.). (2020) Urban Sustainability in the Arctic: Measuring Progress in Circumpolar Cities. New York, Oxford, 310 p. DOI: 10.1080/00207233.2020.1817277.

6. Howe L. (2009) Patterns of Migration in Arctic Alaska. Polar Geography, 32(1–2), pp. 69–89. DOI: 10.1080/10889370903000422.

7. Nizamutdinov M. M., Oreshnikov V. V. (2021) Modelirovaniye i prognozirovaniye vliyaniya razvitiya sotsial'noy infrastruktury na mezhregional'nyu migratsiyu v Rossii [Modeling and Forecasting the Influence of Social Infrastructure Development of Interregional Migration in Russia]. Russian Journal of Industrial Economics, 14 (4), pp. 471–480. DOI: 10.17073/2072-1633-2021-4-471-480.

8. Genchikova I. V (2022) Razvitie chelovecheskogo potentsiala v strategiyah rossiyskikh regionov [Human Development in the Strategies of Russian Regions] The Economic Revival of Russia, 1 (71), pp. 155–162. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-1-71-155-162.

9. Vechkanov G. S. (1981) Migratsiya trudovykh resursov v SSSR: Migratsiya trudovykh resursov v SSSR: Politiko-ekonomicheskii aspekt [Migration of Labor Resources in the USSR: Political and Economic Aspect]. Leningrad: Publishing house of Leningrad University, 143 p.
10. Ryazantsev S. V. (2007) Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovanie [Labor Migration in the CIS and Baltic Countries: Trends, Consequences, Regulation]. Moscow: Formula prava, 576 p.
11. Parikova N. A. (2012) Upravleniye migratsionnymi potokami inostrannykh rabotnikov [Management of Migrant Flows of Foreign Workers]. *Economics and Management*, 4 (78), pp. 46–53.
12. Novikova I. V. (2024) Strategicheskoye upravleniye trudovymi resursami (praktikum): uchebnoye posobiye [Strategic Human Resource Management (Practical Tasks): Textbook]. V. L. Kvint (Sc. Ed.). The Strategist's Library. St. Petersburg: NWIM RANERA Publ., 112 p.
13. Novikova I. V., Alimuradov M. K. (2024) Instrumenty resursnogo obespecheniya strategicheskikh prioritetov razvitiya Arkticheskoy zony Rossii [Strategic Priorities for the Development of the Russian Arctic and Instruments for Their Resource Support]. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 4, pp. 42–52. DOI:10.37614/2220-802X.4.2024.86.003.
14. Gurtov V. A., Stepus' I. S. (2023) Vakhtovaya zanyatost' v ekonomike Arkticheskoy zony Rossii: dinamika, masshtaby, professional'no-kvalifikatsionnyye kharakteristiki [Shift Employment in the Economy of the Arctic Zone of the Russian Federation: Dynamics, Scale, and Occupational Classification of Workers by Categories]. *Society and Economics*, 6, pp. 90–108.
15. Simakova A. V., Khoteeva E. A., Stepus' I. S., Averianov A. O. (2024) [Regional Aspect of Youth Migration Attitudes in the Russian Arctic]. *Population*, 1 (27), pp. 136–152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-136-152.
16. Volgin N. A., Shirokova L. N., Mosina L. L. (2019) Rossiyskaya Arktika: sotsial'no-trudovyye i demograficheskiye osobennosti razvitiya [Russian Arctic: Social and Labor and Demographic Features of the Development]. *Social & Labour Research*, 1, pp. 117–133.
17. Terentyev N. E., Korovkin A. G., Korolev I. B. (2019) Sostoyanie i perspektivy rynka truda territorii Rossiiskoi Arktiki v kontekste zadach povysheniya kachestva zhizni naseleniya [The State and Prospects of the Labor Market of the Russian Arctic Territories in the Context of the Objectives of Improving the Quality of Life of the Population]. *Scientific Works of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 2019, pp. 341–359. DOI: 10.29003/m824.sp_ief_ras2019/341-359.
18. Dolgova I. N., Korovkin A. G., Sinitsa A. L. (2023) Sostoyaniye rynkov truda aziatskoy chasti rossiyskoy Arktiki posle 2013 goda [State of Labor Markets in the Asian Part of the Russian Arctic after 2013] *Studies on Russian Economic Development*, 2 (34), pp. 185–193. DOI: 10.1134/S1075700723020028.
19. Kvint V. L., Novikova I. V., Alimuradov M. K., Sasaev N. I. (2022) Strategirovaniye tekhnologicheskogo suvereniteta natsional'noy ekonomiki [Strategizing National Economy During Period of Burgeoning Technological Sovereignty]. *Administrative Consulting*, 9, pp. 57–67. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67.
20. Novikova I. V. (2021) Strategirovaniye razvitiya trudovykh resursov: osnovnyye elementy i etapy [Strategizing of the Human Resources Development: Main Elements and Stages]. *Strategizing: Theory and Practice*, 1 (1), pp. 57–65. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65.
21. Gorin E. A. (2024) Ekonomika znaniy i novye kadry dlya promyshlennosti [Knowledge Economy and New Personnel for the Industry]. *Economic Revival of Russia*, 1 (79), pp. 37–48. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-37-48.

22. Novikova I. V. (2019) *Strategicheskoe razvitiye trudovykh resursov Dal'nego Vostoka Rossii* [Strategic Development of Labor Resources in the Russian Far East]. Moscow: Kreativnaya ekonomika Publ., 158 p. DOI: 10.18334/9785912922756.

23. Stepus' I. S., Averyanov A. O., Khoteeva E. A., Simakova A. V., Shabaeva S. V. (2024) *Motivatsionnyye drayvery migratsii naseleniya (na primere molodezhi Arkticheskoy zony Rossii)* [Motivational Drivers of Migration (Case Study of Young People in Russia's Arctic Zone)]. *Region: Economics and Sociology*, 3, pp. 98–125.

24. Khoteeva E. A. (2023) *Motivy migratsii molodezhi v Arkticheskuyu zonu RF na sovremennom etape* [Motives of youth migration to the Arctic zone of the Russian Federation at the present stage]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 5(16), pp. 172–187. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.10.

E. A. Khoteeva¹⁵, S. V. Shabaeva¹⁶. Strategic Importance of Migration in the Staffing for the Arctic Zone of Russia¹⁷. Strategic priorities in the development of the Arctic zone of the Russian Federation (hereinafter referred to as the AZRF) include ensuring a high quality of life for the population, rational use of resources, development of transport infrastructure, and providing security. On the one hand, for successful implementation of long-term guidelines, they need to be adequately staffed; on the other hand, the AZRF is characterized by a constant migration outflow and population decline. The purpose of the article is to study and assess labor migration as one of the key factors in the resource provision of the AZRF for the implementation of the adopted strategic development priorities. The analysis is based on the methodology of strategizing by Academician V. L. Quint and the concept of strategic management of labor resources by I. V. Novikova. The quantitative assessment of the sufficiency of labor migration volumes is based on calculations using the balance method of forecast indicators of the annual additional recruitment needs of the economy for qualified personnel and the volumes of incoming migration flow to the AZRF. The study proved the insufficiency of labor migration as a source of staffing for the economy of the AZRF for the purpose of implementation of the adopted development priorities. To solve this issue, migration opportunities have been identified in the following directions: real and virtual migration, as well as containment of migration. It is proposed to use strategic motivation based on the identified motivational drivers of migrants for the purpose of their long-term attraction to the Arctic zone.

Keywords: strategic priorities, resource provision, labor migration, recruitment needs of the economy, virtual migration.

¹⁵ *Evgenia A. Khoteeva*, Junior Researcher of the Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (33 Lenina pr., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation), e-mail: eho-teeva@petsu.ru.

¹⁶ *Svetlana V. Shabaeva*, Professor of the Department of Finance of the Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (33 Lenina pr., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation), Doctor of Economics, e-mail: sigova@petsu.ru.

¹⁷ The research was carried out with the grant from the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10148 “Motivational drivers in the dynamics of human resource flows in the Russian Arctic: trends, challenges, prospects”.

X САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СПЭК-2025) НА ТЕМУ: «ТРУД И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ЗНАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО, НООНОМИКА»

08–09 апреля состоялся X Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2025) на тему: «Труд и трансформация общества: знание, творчество, ноономика», организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте совместно с Вольным экономическим обществом России при участии Секции экономики Отделения общественных наук РАН, Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. В работе Конгресса приняли участие учёные и эксперты из России и из 12 зарубежных стран – в том числе из Китая, Индии, Греции, Великобритания, Турции, Австрии, Венгрии и других стран.

Ежегодный Санкт-Петербургский международный экономический конгресс за прошедшие годы стал одним из ведущих пространств страны, на которых обсуждаются фундаментальные проблемы экономической теории и на этой основе формируются предложения по выработке стратегий технологического и социально-экономического развития России.

В работе конгресса приняли участие лидеры отечественной науки, представляющие ведущие университеты страны, научно-исследовательские институты РАН и другие научно-образовательные центры России, представители правительства, деловых кругов и гражданского общества России, зарубежные эксперты.

С приветственными словами к участникам Конгресса обратились президент Российской академии наук Г. Я. Красников, губернатор Санкт-Петербурга А. Д. Беглов, руководитель группы Организации Объединённых Наций в России, директор Информационного центра Организации Объединённых Наций в Москве В. В. Кузнецов, президент Российского союза промышленников и предпринимателей А. Н. Шохин, председатель Санкт-Петербургского отделения РАН А. И. Рудской.

На первом пленарном заседании Конгресса выступили:

Бодунов С. Д., директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор.

Тема доклада: *Ароморфоз категории «труд» в рамках глобальной трансформации общества: знание, творчество, ноономика.*

Маевский В. И., главный научный сотрудник Центра институционально-эволюционной экономики Института экономики РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор.

Тема доклада: *Белые пятна экономической теории.*

Крюков В. А., директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор.

Тема доклада: *Знание и творчество в отечественной экономической науке – сочетание глубины анализа реальных процессов и учёта культурно-исторических и пространственных особенностей.*

Бахтизин А. Р., директор Центрального экономико-математического института, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор.

Тема доклада: *Трансформация рынка труда и экономическое развитие России.*

Бодрунова С. С., руководитель Центра международных медиаисследований Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Высшей Школы журналистики и массовых коммуникаций, член Правления ВЭО России, доктор политических наук, профессор.

Тема доклада: *Медиатизация и человеческий капитал: (отсутствующие) компетенции, связанные с медиатизацией общества, в стратегиях развития российских регионов.*

Глазьев С. Ю., Государственный секретарь Союзного государства, вице-президент ВЭО России, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Тема доклада: *Измерения роста VI технологического уклада в России в сравнении с передовыми странами.*

Ван Вэнь (Wang Wen), профессор, исполнительный декан Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета, профессор, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай», сопредседатель Экспертно-делового Совета ВЭО России по вопросам развития российско-китайского сотрудничества (КНР, Пекин).

Тема доклада: *Разновекторные интересы ключевых государств и отношения между Китаем и Россией: взгляд с позиции ноономики.*

Аганбегян А. Г., заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН, доктор экономических наук, профессор.

Тема доклада: *Мегaproекты и их роль в технологическом и социально-экономическом развитии.*

Окрепилов В. В., научный руководитель Института проблем региональной экономики Российской академии наук, член Правления ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, академик РАН, доктор экономических наук, профессор; **Шматко А. Д.**, директор Института проблем региональной экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор.

Тема доклада: *Развитие образовательной деятельности научных организаций в условиях цифровой трансформации (на примере института проблем региональной экономики РАН).*

Бузгалин А. В. Тема доклада: *Творческий человек в экономике будущего.*

На заключительном пленарном заседании Конгресса выступили:

Фриман А., соруководитель исследовательской группы геополитэкономии, профессор Университета Манитобы, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Канада, Виннипег).

Тема доклада: *За пределами экономикс: место человека в эпоху интеллектуального производства.*

Лаврикова Ю. Г., директор Института экономики Уральского отделения РАН, доктор экономических наук, доцент.

Тема доклада: *Роль территорий в кадровом обеспечении инвестиционных проектов крупных промышленных компаний.*

Шабунова А. А., директор Вологодского научного центра РАН, доктор экономических наук, доцент.

Тема доклада: *Рынок труда в России: демографические вызовы и территориальные дисбалансы.*

Кондапалли Ш., декан школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру (Индия, Нью-Дели).

Тема доклада: *Условия труда в Индии и Китае: сравнительный анализ и перспективы будущего.*

Десаи Р., профессор кафедры политических наук Университета Манитобы, приглашённый профессор кафедры международного развития Лондонской школы экономики и политических наук, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Канада, Виннипег; Великобритания, Лондон).

Тема доклада: *Как «DeepSeek» перевернул бизнес-модель кремниевой долины.*

Лэйн Д., научный сотрудник Академии социальных наук, почётный профессор социологии, почётный исследователь Колледжа Эммануэль Кембриджского университета, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Великобритания, Кембридж).

Тема доклада: *Безусловный базовый доход: социальная платформа для труда в условиях высокотехнологического производства?*

Булавка-Бузгалина Л. А., директор Центра современных марксистских исследований философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук.

Тема доклада: *Творчество – фактор социо-культурного прогресса или очередной объект эксплуатации?*

Всего в рамках Конгресса, помимо пленарных заседаний, состоялись 19 семинаров, в том числе два международных и 6 круглых столов.

На Конгрессе выступило более 650 докладчиков из многих российских регионов, а также стран ближнего и дальнего зарубежья, представлявших различные научно-исследовательские и образовательные учреждения, органы государственной власти, общественные движения, бизнес-сообщество.

В онлайн режиме Конгресс посмотрело более 900 человек.

Ход и итоги работы СПЭК-2025 освещали телеканал «Россия-24», «Российская газета», Общественное телевидение России, ТАСС, ИД «Экономическая газета», журнал «Финансовая жизнь», Российский экономический интернет-журнал, МИЦ «Известия» и другие федеральные и региональные СМИ.

С полным обзором мероприятий СПЭК-2025 и материалами Конгресса можно ознакомиться на сайте Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»

Общие положения

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Полученные статьи рецензируются и при положительном заключении редактируются. Редакция не согласовывает с авторами вносимые изменения и сокращения, не затрагивающие принципиальных вопросов.

Материалы пересылаются авторами в редакцию по электронной почте. Заявка на публикацию включает:

1. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах (фамилия, имя, отчество; учёная степень; должность; организация, которую представляет автор, и её адрес (почтовый индекс, страна, город, улица, дом); контактный телефон (с указанием кода города); e-mail);

2) название статьи;

3) аннотацию (150–200 слов);

4) ключевые слова (5–8 слов);

5) текст статьи;

6) библиографический список.

2. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах;

2) название статьи;

3) аннотацию;

4) ключевые слова;

5) транслитерацию библиографического списка (references) с переводом названий источников и изданий (сборников, журналов и т. п.) на английский язык.

Требования к оформлению рукописи

Объём статьи – 25 000...45 000 знаков с пробелами на листе формата А4 с полями по 2,5 см.

Текст набирается через полтора интервала, кегль – 14, гарнитура – *Times New Roman*.

Все страницы рукописи нумеруются.

Каждая *таблица* должна иметь название, *рисунки* – подрисуночную подпись. Уравнения, рисунки и таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Требования к списку источников

Список должен включать преимущественно научные статьи из рецензируемых научных изданий, монографии, авторефераты диссертаций. **Нормативно-правовые документы, статистические материалы и работы без указания фамилий авторов в список источников не включаются** (при необходимости они упоминаются в тексте статьи или выносятся в постраничную сноску).

Список источников желательно составлять в алфавитном порядке: сначала – русскоязычные, затем – англоязычные. Ссылки делаются по мере упоминания источников в тексте статьи, при этом в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках (например, [2], [2, 3]). При описании статей из журналов или сборников обязательно указываются страницы, на которых помещена статья, например: [2, с. 312]; [3, с. 312–320]. *Имена зарубежных авторов, упоминаемых в тексте статьи, должны быть транслитерированы на русский язык.*

Для всех книжных изданий необходимо указать общее количество страниц. Неопубликованные источники в список литературы не включаются. При наличии источников, у которых есть DOI (digital object identifier), его необходимо привести в конце библиографической записи.

При описании электронных ресурсов удалённого доступа (из интернета) после электронного адреса в круглых скобках указывают дату обращения к документу (дата обращения: 01.03.2020). На все приведённые в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье.

References (*транслитерация списка литературы*) к статье оформляется автором *самостоятельно*. Рекомендуется использовать систему на сайте <https://translit.net/>

Требования и примеры оформления транслитерации литературы представлены на сайте журнала «Экономическое возрождение России».

**Рукописи, не соответствующие данным требованиям,
возвращаются авторам!**

Плата за публикацию статей не взимается.
Авторские гонорары редакция не выплачивает.

Приём статей: Редакция журнала «Экономическое возрождение России»
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16.
Тел./факс: +7 (812) 313-82-71, e-mail: evr@inir.ru